ПИОНЕР

ЯНВАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г. 1

НЕ СМЕЙ!

Фотоэтюд С. Карасева.

ПИОНЕР

Год издания 38-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЯНВАРЬ №1 1961 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Ты уже, конечно, знаешь про новый закон, принятый Верховным Советом РСФСР, про закон об охране природы.

В этом законе выражена великая любовь к людям: и к тем, что живут на земле сегодня, и к тем, что будут жить через много веков после нас.

Оглядись, как прекрасна и величава родная страна! В зеленых чащах ее лесов, в каменных твердынях ее горных массивов, в ее полноводных реках — всюду — на земле, под землей, в воде и на суше — заложены неисчислимые богатства. Их надо беречь и умножать.

Чтобы этот светлый и мудрый закон выполнялся, нужна помощь всего народа.

И твоя тоже.

Может быть, ты сажаешь деревья и цветы? Может быть, ты строишь и развешиваешь птичьи домики по садам и лесам? Может, в твоей «столовой» кормится сейчас, в голодную пору настов и метелей, пернатая мелкота? Может быть, ты в зеленом патруле летом ходил на защиту скверов, цветников и газонов?

Если так,— хорошо!

Если нет,— не мешкай, теперь же берись за дело!

У природы много друзей. У природы есть и враги. Это не только гусеницы и жуки короеды. Это и разорители гнезд, это и глушители рыбы, и стрелки из рогаток.

Ты не с ними? Мало! Ты должен быть против них. Ты должен сказать им: «Не смей!»

Николай БОГДАНОВ

КОГДА Я БЫЛ ВОЖАТЫМ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Забалуева.

1. КАК МЫ СПОРИЛИ

— Нет, ты не прав. Весь смысл пионерского движения в организованности сверху!

— А я за широкую самодеятельность ребят.

— Но это же анархия. Зачем тогда вожатые? Мы призваны руководить.

— Но не водить за руки. Мы не поводыри, а вожаки!

— Не понимаю разницы...

— Поводырь водит робких слепых, которые без него ни шагу, а вожак — ватагу удальцов!

— Ха-ха-ха! Договорился: вместо юных пионеров — юные запорожцы! Пойми, ведь это же дети!

— Нет, наши ребята не дети, а мы для них не няньки, а товарищи!

Сколько же мы тогда спорили, вожатые первых пионерских отрядов! Особенно мы с Вольновой. На курсах нас так и прозвали «друзья-враги». Мы всегда занимали крайне противоположные позиции. Если я говорил:

— Надо всячески поощрять выдумки ребят.

Она тут же выкрикивала:

— Какие выдумки? Мало ли что они напридумывают! Мы должны им прививать только то, что нужно для людей будущего, ведь им при коммунизме жить!

— Что значит жить при... при чем-то, при ком-то?! Это — приживальчество. Наши отцы не жили при капитализме, а боролись против капитализма. А ребята будут строить коммунизм, а не жить при нем, как иждивенцы!

— Ну, знаешь, основное уже будет построено! Их надо подготовить к тому, чтобы пользоваться плодами коммунизма. Быть здоровыми, сознательными, дисциплинированными... Гармоничными во всем.

— А конкретно, пуговицу они должны будут уметь пришить? Обед приготовить? Обувь починить?

— Вот смешно! Вот отсталые понятия! Да в будущем, может, и одежда-то будет без пуговиц. Обед заменит какая-нибудь одна пилюля. И вообще за людей все будут делать машины!

— А людям и делать нечего? По-твоему, нам нужно воспитывать бездельников, а по Марксу, основа социалистического общества — труд.

— Не пугай ты меня Марксом, я сама знаю, что детям нужно прививать трудовые навыки, но вопрос, какие.

— Я бы с удовольствием привил ребятам свои старые навыки: умение пахать, косить...

— Чудак, такие допотопные навыки — будущим властелинам машин! — И, обращаясь к свидетелям нашего спора, она указывала на меня пальцем. — Посмотрите, на примере этого отсталого человека вам будет понятна вся сложность проблемы: как люди, выросшие в прошлом, будут воспитывать людей для будущего? Какие навыки он привьет им?

— Комсомольскую боевитость!

— Лучше бы коммунистическую организованность!

— Только не на скаутский манер!

Тут Вольнова всерьез обижалась. Она ставила себе в заслугу, что, участвуя в скаутском движении, помогла взорвать изнутри и разоблачить эту организацию воинствующих буржуйских сынков. В то же время считала, что нам нужно перенять немало полезного, что было у скаутов. Их военизированные игры, методы физической закалки, строгую дисциплину, основанную на подчинении младших старшим.

Я же считал, что нам у буржуйских сынков учиться не следует, у нас свои, комсомольские, традиции есть.

— Боюсь, что не выйдет из тебя настоящего вожатого, если ты будешь ориентировать их на прошлое.

— Ты зачеркиваешь революционное прошлое, Соня!

— Сколько раз я тебе говорила, что «Соня» — это от слова «сон», а мое имя — от греческого слова «софи́я», что значит «мудрость». Ударение на «и». Ни в коем случае не Софья и не Софа, это тоже противно, что-то от софы, сафьяна, дивана...

— А вот у Грибоедова — Софья.

— Запомни, родители назвали меня не в честь этой размазни, а в честь революционерки Софии Перовской. Это тебя неизвестно почему назвали Николаем, с таким же успехом могли назвать Иваном или Петром.

— Ишь, какая ты организованная!

— Да, я была задумана, и создана, и воспитана моими родителями как гармоничный человек будущего. У меня все не случайно, и фамилия Вольнова свободно избрана моими родителями. Это их партийная кличка.

— И твоя внешность по заказу?

— Конечно, не случайно.

Вольнова становилась в позу, давая полюбоваться собой.

И здесь наш спор прекращался. Красива она была бесспорно. Без единого недостатка. Высокая, стройная, сильная, гибкая. Лицо действительно словно выточено по классическим пропорциям. Высокое чело, прямой тонкий нос, идеального овала подбородок. Прибавьте к этому гриву золотых волос, горделивую посадку головы и светящиеся смелым умом глаза.

— Придется мне взять над тобой шефство,— говорила она после спора, оглядывая меня свысока.

— Давай просто дружить,— предлагал я.

— Дружить? Опять отсталое понятие! Дружба двоих отделяет их от коллектива. Дружба внутри одного коллектива противопоставляет его всему обществу. Нет, нет, вот шефство — другое дело! Здесь передовой помогает отстающему, и это на пользу всему обществу.

— Ну, Софи́я, это уже софизм, софистика, мудрствование лукавое! Как же это жить без дружбы?

И снова начинался наш спор.

После окончания кратких курсов пионервожатых он продолжился и на словах и на деле.

2. КАК МЕНЯ ИЗБРАЛИ ВОЖАТЫМ

Да, вожатым меня избирали, как теперь избирают председателей колхозов.

Конечно, такого правила не было, вожатые обычно назначались. После окончания курсов нас распределили по московским районам. Мы с Вольновой попали в Бауманский. Завом райбюро пионеров был здесь Павлик (так его все звали, и фамилия мне не запомнилась). Этот веселый парень со всеми был на «ты», и любимое слово у него было: «Поддерживаю!»

Когда Вольнова доложила ему свой план действий, Павлик весело сказал:

— Замечательно! Поддерживаю. Действуй!

И она принялась действовать. Отправилась в лучшую в районе опытно-показательную школу имени Песталоцци, взяла списки учащихся, отобрала отличников, в первую очередь детей коммунистов, и предложила им записаться в отряд.

Переулок оказался кривой, с выбитым булыжником.

— Кому же, как не вам, быть пионерами? Дети коммунистов должны быть примером для детей беспартийных родителей!

А учителям сказала:

— Всех ребят мы сразу охватить не сможем, я отберу тех, кого сочту нужным.

Так она создала пионерский отряд, весьма разумно, действуя, как всегда, строго логично и продуманно.

Я же поддался стихийному влечению сердца. Понравилось мне, что где-то в районе, в каком-то Гороховом переулке, в школе, которая держала рекорд по количеству разбитых окошек, собрался стихийный пионерский отряд имени Буденного! Совет отряда прислал Павлику письмо — требование прислать вожатого,— «какой у вас самый лучший, а то не примем».

Вот к этим дерзким ребятам я и отправился.

Школа оказалась непривлекательной, обшарпанной. Переулок кривой, с выбитым булыжником. В начале его, у Садово-Черногрязской, стояли черные, закопченные котлы для варки асфальта и около них в грязном тряпье копошились беспризорники.

Педагоги встретили меня неприветливо.

— Мы считаем организацию отряда при школе нецелесообразной,— сказал завуч,— будет отвлекать учащихся от занятий.

И ребята не очень ласково.

— А почему ты пошел в вожатые? — спросил один паренек, строго нахмурив брови.

И десятки любопытствующих глаз уставились на меня со всех сторон.

— Да мне само слово понравилось. Важное, уважительное такое: вожатый, вожак!

— Расскажи о себе! Кто такой и почему к нам послали?

Пришлось рассказать о своем комсомольстве. Об участии в борьбе с бандитизмом. О том, как создавали мы первые ячейки на селе. Как боролись с кулаками. А потом приехали в Москву учиться, посланные комсомолом.

Это сразу все решило.

— Ставь на голосование. Примем. Такой подойдет!

— Нет, постойте! — заявил я.— Теперь расскажите, кто вы такие. Может, вы мне не подойдете.

Ребята были озадачены.

— Костик, давай... Ты председатель совета отряда, тебе первому. Котову слово!

— Я сын рабочего,— сказал Костя.

— А мать — торговка! — тут же добавила девчонка, стриженная под мальчишку, и какой-то паренек показал жестом, что ей нужно отрезать язык.

— Ну и торговка, что же тут такого? Нам жить нечем. Отца моего беляки зарубили под Воронежем... Вот мать и торгует. У Перовского вокзала, в обжорном ряду, студнем... Кому нужно, пожалуйста!

Дружный хохот покрыл эти слова. Но сам Котов не улыбнулся.

— А ты кто? — спросил я стриженую.

— Я вожатая звена «Красная Роза», Маргарита.

— Бывшая Матрена!— пискнул узкоплечий большеголовый мальчишка и тут же присел, получив от девчонки щелчок в макушку.

— Ну да, буду я еще носить поповское имя! Мне его без моего согласия дали. Хочу и буду Маргаритой, и никто мне не запретит! А кто назовет постарому, тот получит!

— Она вожатая, потому что у нее мать вагоновожатая! — пискнул опять маленький паренек и спрятался под парту.

Пришлось мне рассказать о своем комсомольстве.

На все эти шутки снисходительно поглядывал важный, толстый пионер в очках.

— Уйми своего Игорька, доктор! А то мы ему живо ежиков наставим.

— Почему он доктор? — спросил я.— Потому в очках?

— У него отец доктор.

— Доктор паровозов,— важно добавил толстяк.

— Просто слесарь по ремонту паровозов, это он важничает! — закричали девчата.

Выяснилось, что доктором прозван Ваня Шариков, вожатый звена «Спартак».

— У нас две Раи: одна маленькая, другая большая... Вот она, самая толстая. Из нее маленьких две получится.

— Рая маленькая сама пришла, а большую папа привел.

— Чтобы похудела!

— Чтобы ее коллектив воспитал, а то она очень рыхлой растет...

— И две Кати у нас: одна беленькая, другая черненькая...

Всех я в тот раз не запомнил, конечно. Народец, как видите, разношерстный. В основном дети городской бедноты. Что же их собрало вместе?

И я спросил, почему они хотят быть пионерами и что думают делать.

— Насчет почему пионеры — это понятно: хотим быть передовыми... Не ждать, пока вырастем, сейчас действовать... А вот как, мы еще не знаем...

— А я знаю! — выскочил очень чистенько одетый мальчишка с нарисованными химическими чернилами усами.— Давай, вожатый, подготовимся... сухарей там, оружие — и на подпольную работу в Германию. Мы, маленькие, через границу проскользнем — шуцманы и не заметят... А с немцами чего проще: геноссен, ауфвидерзеен!

— Да не слушайте, это Франтик, фантазер! — оттащили его.— Лучше всего агитпоход. На смычку с деревней.

— Даешь экспедицию на басмачей, в горы, мальчишки — разведчиками!.. А девчонки пусть на борьбу с паранджой!.. Раскрепощать женщин!

— Да постойте вы, пусть вожатый скажет.

Многие бы заткнули уши от такого шума. Но я, старый комсомольский активист, находил в этой бурливой стихии особую прелесть: это напоминало мне начало нашей комсомолии. Давно ли мы сами были такими!

С улыбкой посматривал на меня и на ребят взрослый человек, сидевший в сторонке у окна.

У него было темное, продубленное какими-то нездешними ветрами лицо и белые, как снег, волосы.

— Все правильно,— сказал я,— но все в свое время, а сейчас посмотрим, умеете ли вы ходить строем... А ну, на линейку строиться! Шагом марш!

Полюбовавшись на отряд в строю и, очевидно, решив, что я овладел стихией, седой человек как-то незаметно, пожав мне в локте руку, ушел.

Это был прикрепленный к отряду от райкома партии старый коммунист Михаил Мартынович Авдеев. Все его звали дядей Мишей.

3. КАК МЫ ДОСТАВАЛИ ГОРН И БАРАБАН

Итак, за меня проголосовали, и я принял командование отрядом имени Буденного.

Школа, при которой жил мой отряд, оказалась одной из беднейших в районе. У нее не было никаких шефов. Ребятам некому было подарить даже барабан. Не было горна. А без этого какой же пионерский отряд?!

Идеи и способы достать барабан возникали у наших бойких ребят самые неожиданные, простые и фантастические. Вот, например, при помощи перышек и... семечек. В то время два бича терзали школу: игра в перышки и лущение семечек.

Еще с голодных времен укоренилась эта привычка грызть семечки, чтоб обмануть голод. И ребята грызли их везде и всюду, даже во время уроков. Послушаешь, учительница что-то объясняет, а в классе стоит сплошное пощелкивание, как треск кузнечиков. А игрой в перышки увлекли их беспризорники, и до того, что играли, даже спрятавшись под партами.

Пионеры решили объявить этим порокам беспощадную борьбу.

— Знаешь, вожатый, мы что придумали? — заявил мне на совете отряда Франтик.— Обыграть всех наших беспартийных ребят дочиста и все выигранные перышки продать соседней школе! Вот и деньги на барабан!

— Не годится.

— Ну тогда вынуть у всех грызунов семечки из карманов, сделать такой внезапный налет. Реквизированные семечки — на базар. С одного раза двух зайцев убьем: горн и барабан приобретем и школу от семечек очистим!

— Опять не то.

— Ну, вожатый, почему «не то»?! Шефов у нас нет. Хорошо вон отрядам при заводах, при фабриках, там отцы отработают смену-другую в пользу отряда — вот и все!

— А почему бы, ребята, нам самим не заработать?

Я все ждал такого предложения. Мы, студенты, когда не хватало стипендии, поступали просто: шли на товарные станции, на склады, работали грузчиками. У нас были свои, студенческие, артели. Конечно, детский труд у нас запрещен. Но я видел, как нанимались мыть и очищать товарные вагоны женщины из городской бедноты, и им помогали девчонки.

Может быть, и пионерам можно, в виде исключения, заработать себе на горн и барабан?

Решили посоветоваться с нашим партприкрепленным — дядей Мишей. При каждом отряде были такие шефы из старых коммунистов. Мы своим особенно гордились. Богатырь с виду. Лицо загорелое, а волосы седые. Командир одной из краснопресненских баррикад в 1905 году. Бежал с царской каторги, жил в эмиграции. В гражданскую войну партизанил на Дальнем Востоке. У него были грозные, лохматые брови и детские голубые глаза.

Он выслушал мое предложение, подумал, как всегда, и сказал неторопливо:

— И меня прихватите... Я когда-то большим спецом был витрины мыть, зеркальные стекла протирать. Я этим занимался в эмиграции, в Париже.

Ну, раз такой человек стекла мыл в Париже, чего же нам дома-то стесняться!

После долгих переговоров нам доверили вымыть и протереть стекла в запущенном здании вокзала Москва-Вторая.

Заработанных денег хватило и на барабан, и на горн, и на кусок бархата для знамени.

Признаюсь, мы скрыли это от наших беспартийных ребят и даже от учителей, придумав, что все это подарки несуществующих шефов. Нам казалось, что так больше чести!

Лихо маршировал наш отряд под звуки горна и грохот барабана по нашему кривому переулку. Задорно прошли мы разок-другой и мимо опытно-показательной школы имени Песталоцци.

Мне показалось, что сама София Вольнова выглянула в окно, привлеченная звонкими руладами горна и трелями барабана. И сердце мое сладко забилось.

Мы еще вам покажем, опытно-показательные!

Как-то раз, на очередной встрече вожатых по обмену опытом, она мне так обидно посочувствовала, что вызвала желание посоревноваться, кто кого.

Возможно, это и подтолкнуло меня совершить отчаянный поступок. Все отряды мечтали выехать в

Это был прикрепленный к нашему отряду старый коммунист Михаил Мартынович Авдеев.

летние лагеря, пожить в палатках. Но в продаже палаток не было, и достать их тогда было совершенно невозможно. Даже для опытно-показательной школы имени Песталоцци. И вот я решился достать палатки у Буденного.

4. КАК МЫ ПРИНИМАЛИ В ПИОНЕРЫ БУДЕННОГО

Теперь уж не помню, у кого возникла эта благая мысль. Как-то разговорились о том, что вот, мол, у нас и на знамени вышито имя Буденного, а сам он, наверное, и не знает, что шагает по Москве такой отряд.

А почему бы нам не познакомиться?

Дядя Миша не возражал, только улыбался:

— Чего же, попробуйте.

Вскоре разведка выяснила, что Семен Михайлович живет в одном из переулков вблизи Кремля. Встает он, по военной привычке, очень рано и каждое утро выходит прогуляться во двор дома, когда все еще спят. В такой ранний час мы его и подкараулили.

Мы повязали Семену Михайловичу красный галстук.

Неожиданно вышли из-за каменного забора, подошли четким шагом и отдали салют.

Семен Михайлович, подняв густые брови, отдал честь.

Маргарита вышла из строя и отрапортовала:

— Разрешите повязать вам красный пионерский галстук как почетному пионеру отряда имени Буденного!

Семен Михайлович улыбнулся, поправил усы и после небольшого раздумья пригласил нас к себе. Приоткрыл массивную дверь парадного и, пропустив всех ребят, обогнал их на лестнице.

— Жинка! — крикнул он, открывая дверь квартиры на втором этаже.— Дивись, я сейчас помолодею. Вот хлопчики пришли меня в пионеры принимать!

Из комнаты вышла высокая, строгая на вид женщина. Увидев нас, молча осмотрела и пропустила вперед.

Сдерживая любопытство, с ощущением, что перед нами сейчас раскроется какая-то тайна, мы вступили в жилище легендарного героя, веря и не веря, что это наяву, а не во сне. Казалось, что сейчас мы увидим сабли и ружья, как в военном арсенале, знамена, пробитые пулями... И еще что-нибудь необыкновенное.

И были поражены, увидев книжки. Их было много и в шкафах кабинета и на столе. И среди них — учебники и тетради.

Буденный учился!

Заметив наше удивление, хозяин несколько смутился, но быстро подавил смущение и, положив руку на исписанную тетрадь, сказал:

— Все теперь могут учиться... Это не то, что раньше! Вот за то мы и воевали, вы это цените? Смотрите мне, чтобы пионеры отряда имени Буденного по успеваемости были впереди всех!

Конечно, ребята дали слово. Когда мы вручили Семену Михайловичу выписку из решения совета отряда, разрисованную нашими художниками, повязали красный галстук и пришпилили значок, Буденный спросил:

— Ну, а какие же обязанности будут у меня как у пионера отряда имени Буденного?

— Вы почетный,— стала объяснять Рита,— маршировать с нами не будете, конечно... Но вот помогать...

И тут мы признались, что нам для выезда в лагерь совершенно необходимо две-три палатки. И, по нашему соображению, товарищ Буденный может нам в этом помочь, ведь Первая Конная сейчас не воюет, и, наверное, многие походные палатки на складах лежат. Нам бы на время, а не насовсем.

Семен Михайлович задумался. Речь шла о казенном воинском имуществе.

— Семен, а почему бы и не дать хлопчикам из тех, что постарее, все равно их списывать пора,— сказала вдруг жена Буденного.

— Да, да, конечно, если будут порваны, пулями пробиты, нам подойдут, мы починим! — подхватили ребята, благодарные за поддержку.

Семен Михайлович на бланке написал нам записку, объяснил, куда пойти, и мы, едва сдерживаясь, чтобы не заплясать от радости тут же, в кабинете, поблагодарили нашего почетного пионера.

В прихожей жена Буденного каждому из нас сунула по горстке конфет, чем весьма смутила и ребят и вожатого.

Возможно, все кончилось бы благополучно, не поделись я радостью с моим райкомовским дружком. Павлик выслушал мой доклад, насторожившись.

— Доложу на бюро. Надо посоветоваться,— ска-

зал он глуховато.— Дело серьезное. А к лагерю вы готовьтесь, тренируйтесь!..— Успокоил и выпроводил из райкома.

5. КАК МЫ АГИТИРОВАЛИ РОДИТЕЛЕЙ

Вскоре весь отряд только и жил мечтой о выезде в лагерь.

Для тренировки мы проделывали пешие походы в Сокольники, в Измайлово. Ребята заготавливали кружки, ложки, заспинные мешки. Вели разъяснительную работу среди родителей.

Большинство радовалось счастливой возможности отправить своих детей на вольный воздух из душного, пыльного города. В особенности городская беднота, для которой выезд на дачу был не под силу, не по средствам. Тетки Кати-беленькой раза два приходили ко мне хлопотать за свою племянницу, опасаясь, что мы не возьмем ее как очень слабенькую.

— Конечно, она плохонькая у нас! Но без свежего воздуха совсем завянет. Вы уж не отталкивайте ее,— просили они весьма трогательно.

А вот отец Шарикова заявил, что его сын поедет с ним летом в деревню для остальных детишек на молочишко зарабатывать. Слесарь каждое лето отправлялся по деревням чинить-паять старые чайники, тазы, ведра, кастрюли, и Ваня уже раз-другой ходил с ним за подмастерье.

Насилу мы его отстояли.

Бывали случаи, когда меня призывали на помощь матери агитировать отцов, отцы — уговаривать матерей. Так случилось в семействе Раи-толстой.

Ее папаша оказался адвокатом, женатым на какой-то бывшей богачке. Попав в его квартиру, я очутился как будто в музее старинной мебели, фарфора и каких-то дорогих и ненужных вещей.

Среди них, словно заблудившись в лесу, бродила очень бледная, очень красивая женщина с громадными печальными глазами. Она смотрела на меня с какой-то скорбью. И ничего не говорила, рассуждал один адвокат. А она только иногда кивала головой.

— Ангел мой,— говорил просительно адвокат,— ты пойми, речь идет о счастье нашей единственной дочери. Ее счастье с людьми будущего. А эти люди на данном историческом этапе — пионеры. Они ей помогут найти счастье в новом, непонятном для тебя обществе...

В столовой стояли прозрачные шкафы, на стеклянных полках которых красовались какие-то удивительные фарфоровые безделушки, которые адвокат показывал мне как драгоценности.

— И все эти богатства я готов отдать лишь за одно то, чтобы моя дочь приобщилась к новому обществу... Пошла в одном строю с победителями... Это — главное теперь, это — главное...

Я насторожился и решил посоветоваться с дядей Мишей: похоже, что Рая — чуждый элемент.

Михаил Мартынович ответил не сразу.

— Конечно, адвокат этот — птица не нашего полета, нэпманов в основном защищает... Но ничего плохого в том нет, если мы людей этой прослойки лишим будущего. То есть отнимем у них детей.

— Переварим в пролетарской среде?

— Вот именно.

Так было решено, что мы будем переваривать толстую Раю.

Пришлось мне познакомиться и с матерью Котова, базарной торговкой.

Они жили в полуподвальной людской старого барского особняка. После революции, когда буржуев уплотняли, им дали роскошную комнату в бельэтаже («Ух, до чего шикарную: золоченые шпалеры, зеркало во всю стену!»). Ну, а потом они сами переселились в бывшую людскую: здесь плита уж очень удобная, с котлом, чтобы студень варить.

В бывшей людской заметил я огромный, трехведерный самовар, пузатый, меднолицый — купчина, а не самовар.

— Извозчиков это я чайком поила... А потом прикрыли меня как незаконную чайную, без патента... Ну вот он и стоит, скучает,— объяснила мне торговка студнем.

Пионерством сына мамаша Котова была весьма довольна.

— Это хорошо! Отец за коммунистов был. Пускай и он маленьким коммуненком будет, потом в большого вырастет.

А вот насчет его житья в пионерском лагере она сомневалась:

— Тут бы он по хозяйству помогал, а там, чего доброго, избездельничается!

— Надо же ему отдохнуть, поправиться!

— От чего ему поправляться, нешто он больной? Нет, для курортов у нас и средств нету.

После всех моих объяснений и уговоров упрямая торговка заявила:

— Не пущу! Вот если бы его чему-нибудь дельному там обучили, мастерству какому, тогда бы сама за ручку отвела!

Сразил ее один лишь довод — о товариществе. Как же так, все пионеры поедут в лагерь, а один Костя нет. Уж если вступил в пионеры, надо все сообща.

— Это верно,— пригорюнилась мамаша.— Вот и отец его так-то: все слесаря депо за Советскую власть — и он с ними. Все в Красную гвардию — и он туда. За товарищество и погиб, не пожалел жизни... Ну, чего вам с меня надо-то, говорите уж прямо. Или вам все бесплатно? Все от государства?

Я задумался. У районо имелись средства для организации трех пионерлагерей. Поедут те отряды, которые лучше подготовились. На смотре мы заняли второе место, после показательных имени Песталоцци... Значит, будем жить в лагере за счет государства. И я не совсем уверенно сказал, что с собой надо взять одеяло, подушку маленькую... если можно, кружку, ложку.

— Может, и самовар еще! Ишь, как они на всем государственном... Да еще и денег жменю! Ха-ха-ха!

Так мы и ушли, не зная, отпустит мамаша Костю или нет. Уж очень он парень-то был товарищеский, нужный, сильный, ловкий, безотказный.

Каждый мой шаг, конечно, был известен ребятам. И все они обсуждали результаты. И горячо спорили в иных случаях.

И вот что интересно: когда ребята замечали, что я колеблюсь в каком-либо трудном случае, они становились особенно настойчивы. Так было с Катей-беленькой. Я рассказал, какая у нее болезненная семья, стоит ли брать нам такую слабенькую девочку в трудный поход.

Это вызвало целую бурю. Какие же мы пионеры, если откажемся помочь слабому товарищу? Тогда грош нам цена. Все с яростью мне доказывали, что если не брать ее, так лучше не ехать в лагерь.

Так же и в случае с Раей-толстой. Ребята почувствовали мою неприязнь к этой раскормленной и избалованной маменькиной дочке.

И я подивился, как они распознали мои невысказанные сомнения.

— А чем она виновата, что у нее такие родители? Ну да, ну, почти буржуи. Рая хочет быть с нами, хочет жить, как мы, зачем же отталкивать ее? — Это говорила Маргарита, у которой мать вагоновожатая.

И чем больше я оказывал молчаливое сопротивление, тем яростней разжигали в себе ребята хорошие чувства к Рае. Хотя сама она ничем не заслуживала такого горячего отношения, тихая, равнодушная, задумчивая.

Нельзя было понять: хочет она с нами ехать или не хочет? Сама ли она тянется к коллективу или подчиняется настоянию своего отца?

За исключением Раи и еще двух-трех ребят все остальные — детвора городской бедноты. Большинство из них, кроме московских пыльных переулков, ничего и не знало.

Никто не ездил в ночное. Не сидел у костров. Не видел рассвета на речке.

И чем больше я это узнавал, тем больше сердце мое наполнялось любовью и жалостью. Они казались мне обездоленными. Я все больше проникался чувством, будто это мои младшие братишки и сестренки. И я должен помочь им пробиться к той жизни, которую считаю настоящей.

6. КАК НАС НАКАЗАЛИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ

И вот, когда наша подготовка к выезду в лагерь дошла до высшей точки кипения, когда мы разрешили все внутренние проблемы и стали жить единой целью, нас постиг страшный удар.

Такое не забывается. Как сейчас помню голубой зал заседаний районо. Солнце так и льет в двухсветные окна. Воздуха столько, что кажется, лепные амурчики ожили и парят над нами, сверкая розовыми щечками и ягодицами. А под ними, у черной классной доски, классический профиль Софии Вольновой. Удивительно чистое лицо, чуть смуглое, как у спортсменки, с небольшим румянцем на щеках.

Когда она говорила, в зале всегда стояла тишина. И я замечал, что люди не слушали ее, а любовались ею. И что бы она ни говорила, все принималось.

Бывают же такие счастливые люди!

Вот и сейчас Вольнова, держа в руках указку, медленно, вразумительно, не повышая голоса, который был у нее резковат от привычки командовать и как-то не подходил ко всему ее женственному облику, докладывала план вывоза в лагерь пионеров школы имени Песталоцци. Две помощницы навешивали на классную доску по одному повелительному движению ее соболиных бровей карты, диаграммы, планы, схемы.

Здесь все было изображено графически, даже распорядок дня, не только система управления, снабжения и питания.

— Вот, видал? — шептал мне восхищенно друг Павлик.— Вот как к выезду в лагерь надо готовиться! Классически!

Затем все произошло, как в страшном сне.

Директор школы имени Песталоцци предложил организовать вместо трех один, но показательный лагерь, которому и отдать все имеющиеся в районо средства.

Деятели районо проголосовали как загипнотизированные. Комсомольцы из райкома не возразили. Так мой отряд остался ни при чем.

— А наши палатки-то, Павлик?

— С палатками порядок! Мы их уже получили.

— Так что же, палатки у нас есть, а выехать в лагерь не сможем? Перед Буденным стыдно, зачем же выпрашивали?

— Ну, почему же стыдно? Отдадим их тому, кто использует, показательному лагерю... Какой же показательный без военных палаток! Кстати, они их уже починили. Этому был посвящен отрядный сбор... Все сидели и чинили коллективно. А вот у тебя таких мероприятий не было, друг!

Не помню, что я сказал тогда Павлику. Кажется, я просто дал ему по шее. А он ответил мне затрещиной. За точность не ручаюсь. Мы были вдвоем, и, что тогда между нами произошло, никто не видел. Но выскочили мы из комнаты красные, встрепанные и разбежались в разные стороны.

Конечно же, я побежал к дяде Мише.

Мое сообщение о несчастье Михаил Мартынович выслушал довольно спокойно. И на мой вопрос: «Что же я теперь пионерам скажу?» — ответил:

— Всю правду. И запомни: обманывать детей еще более преступно, чем взрослых: они доверчивей. Потом, почему ты один должен переживать за всех? Собери отряд, пусть ребята и думают, как быть. Что, страшно?! Пойдем вместе.

После моего сообщения в отряде поднялась буря:

— Какое они имели право, бюрократы? Жаловаться пойдем!

— Почему показательным три куска в рот, а нам шиш?

Дядя Миша молчал, а потом хлопнул ладонью по столу:

— Стыдно слушать! Словно здесь не пионеры, а маменькины сынки собрались, все «нам» да «нам»! А вот мы не «намкали», а говорили: «мы организуемся», «мы сделаем», «мы возьмем». И организовались в партию, и сделали революцию, и взяли власть в свои руки!

После этих слов наступила ошеломляющая тишина.

— Пионер потому и пионер, что он прокладывает новые пути, не боится трудностей... Как впереди идущий показывает, как нужно преодолевать преграды. Эка штука, денег не дали, палатки отобрали! Да нам это смешно! Захотим — и выйдем в лагерь сами, без нянек. И сами прокормимся.

— А жить будем в шалашах, как Ленин в Разливе! Вот это будет по-ленински! — подхватила бывшая Матрена.

— Пойдем по деревням чинить-паять,— подтвердил Шариков,— на хлеб заработаем, я инструмент у отца возьму.

— Чепуха! Будем печь лягушек, жарить кузнечиков и стрекоз, добывать дикий мед! — заработала фантазия Франтика.

Девчонки радостно взвизгнули. Глаза у всех загорелись.

Бурное обсуждение закончилось тем, что мы порешили в следующее же воскресенье выехать в село Коломенское всем отрядом. Пока сроком на неделю. Назвать это вылазкой на природу. Пожить в шалашах. Покупаться, порыбачить... А там видно будет.

Конечно, прицел у нас был на все лето. Но эту мечту сговорились держать в тайне. Кто же разрешит такой «дикий» лагерь? Сговорились, что каждый заготовит побольше сухарей, крупы, чаю, сахару. Кому сколько удастся.

И может действительно сами прокормимся? Уж неделю-то во всяком случае. Я вспомнил, как выезжали мы, деревенские мальчишки, рыбачить с краюшкой хлеба да горстью соли в кармане. И живали на речке по многу дней в свое удовольствие. Особенно, когда поспевала луговая клубника, черная

Звонко прозвучал горн, дробно забил барабан, и отряд тронулся в путь.

смородина и ежевика по берегам. Если это возможно было на Оке, почему не попробовать на Москве-реке?

7. КАК МЫ ВЫШЛИ В ПОХОД

Опустим подробности нашей подготовки. Заглянем прямо в то чудесное утро, когда готовый к походу отряд выстроился передо мной на линейке.

Все три звена, одно девичье — «Красная Роза» и два мальчишеских — имени Спартака и имени Либкнехта.

В руках у ребят посохи, мы вырезали их в ореховых зарослях в Сокольниках. У каждого за спиной вещевой мешок, на головах зеленые панамы.

Можно подать сигнал к выступлению. Оглядываю ряды и не вижу крайнего левофлангового из звена Либкнехта, нашего малыша Игорька, прозванного «пионерчиком».

С ним всегда что-нибудь случалось. да приключалось. Конечно, не отпустили родители! Хотя еще вчера приходила ко мне его мамаша специально, чтобы выяснить, заслуживает ли доверия вожатый. Она придирчиво расспросила меня обо всем, как мы будем жить, как будем есть, как мы будем спать.

Мне показалось, я убедил мамашу, что ее сыну просто нельзя не пойти в наш поход, тем более что он несколько изнежен, избалован и терзает домашних своими капризами... Все это как рукой снимет.

Но вот пора давать сигнал к выступлению, а Игоря нет...

У меня все еще теплится надежда, и, затягивая время, я придирчиво проверяю содержание вещевых мешков. Все ли взято, что положено. Мыло, зубная щетка, полотенце. Бутерброды на завтрак, сухари, заварка чая, сахар, кружки, спички...

Конечно, двадцать шесть одного не ждут, но не должны же мы в самом начале потерять двадцать седьмого... Не по-пионерски. Думаю, уж не послать ли разведку на дом к Игорю, и вдруг — вот он сам! Как всегда животиком вперед, головенка высоко задрана. Но смотрит почему-то смущенно, в сторону.

Смущение Игорька тут же объясняется новым явлением. Следом за нашим «пионерчиком» в калитку парка протискивается полная, как шар, бабушка в плисовой телогрейке, повязанная шерстяным платком. В руке у нее большущий узел.

— Ну, что жа,— с московским певучим выговором на «а» сказала бабушка,— за кем теперь дело, пошли, что ль?

Весь ее вид говорил, что это она собралась в пионерский поход.

Игорь юркнул в строй, а весь отряд с любопытством смотрел на решительную старушку.

— До Симоновой-то слободы можно трамваем, а там уж пешком, так, что ль?

Бабушка не только знала маршрут, но и давала указания.

Смущенный этим, я пробормотал:

— Спасибо вам, что проводили Игоря.

— Не за что... Я еще не проводила. Вот как до лагеря провожу, тогда уж и благодарите.

Я представил себе наш стройный, подтянутый отряд, шагающий по Москве, под звуки горна и дробь барабана, а рядом — бабушку с узлом, в плисовой телогрейке, и меня бросило в краску.

— Нет, нет,— сказал я поспешно,— не трудитесь, пожалуйста!.. Это очень далеко. Мы пойдем быстро!

— Ничего, ничего, я не отстану. Я на ногах резвая.

— Очень прошу вас, не беспокойтесь! Игорек сам дойдет.

— А узел кто понесет? Этакий-то узлище! Тут и котлеты и куры жареные... Яички, батончики, домашние пирожки... Нешто малое дитя дотащит?

— Вот вам, ребятушки, чаеварушка-братушка.

Весь строй стоял, кусая губы, едва сдерживаясь от смеха.

Поняв, что от бабушки так просто не отделаешься, я решительно шагнул к ней, схватил узел и, сказав: «Сам донесу»,— подал сигнал к маршу.

Звонко прозвучал горн, дробно забил барабан, и отряд тронулся в путь, вытягиваясь по тихой утренней улице. Но бабушка с неожиданным проворством выхватила узел и важно зашагала в ногу с отрядом.

Так мы и отправились в поход с обозом. Встречные прохожие многозначительно улыбались.

Ребята злились на бабушку. И старались не смотреть на Игорька, скорый шаг которого все время сбивался на рысь.

В таких сложных обстоятельствах я решил перестроить план похода и усадил отряд в трамвай. При посадке в вагон мне удалось наконец отделаться от старушки. Но не от узла. На конечной трамвайной остановке нас ждал новый сюрприз: мамаша Котова с огромным мешком, в котором оказался трехведерный самовар.

Когда наша голоногая команда высыпала из трамвайных вагонов, мамаша отсалютовала нам самоварной трубой. Расплываясь в улыбке, развернула мешок и, обнажив начищенную до блеска медь самовара, пропела хрипловатым, базарным голосом:

— А вот вам, ребятушки, чаеварушка-братушка. Пей из него чай, по родителям не скучай!

Какую же Косте пришлось провести работу, чтобы его мамаша совершила такой подвиг?

— Грешила, уж не загнать ли его хочет Костька на какие свои поделки-модельки... Ну вот и доставила сама, убедиться хотела,— громко проговорила она мне на ухо.

Для этих громоздких предметов и для Игорькова бабушкина узла пришлось выделить обозных, которые попеременно тащили за отрядом трубу и узел, а двое, взяв за ручки блестящий, как закатное солнце,— самовар.

За нами, как за странствующим цирком, долго бежала, хохоча и улюлюкая, толпа уличных ребятишек.

8. КАК БЫЛА ПРОСЛАВЛЕНА ЩЕДРОСТЬ ИГОРЬКА

Кто знавал московские окраины в те годы, помнит, что прямо за Симоновской слободой, тут же за последней остановкой трамвая, начинались поля, овражки, небольшие сады и рощицы. А на полпути к селу Коломенскому, с его знаменитой старинной башней, росли три одиноких дуба. Они видали еще, наверное, соколиные охоты царя Алексея Михайловича в москворецкой пойме, которая расстилалась внизу зеленым ковром, украшенным голубыми зеркалами озер.

Под тремя дубами мы и устроили привал.

Сняв заспинные мешки, ребята расположились на траве вкусить первую еду первого в жизни походного привала.

— А ну, у кого что есть — в общую кучу! — скомандовал я.

И на расстеленные полотенца посыпались бутерброды с колбасой, с ветчиной, а то и просто куски черного хлеба, слегка сдобренные маслом. Разные были достатки у родителей моих ребят.

Наш «доктор» достал и смущенно положил в общий пай кусок черного хлеба и головку чеснока.

К каждому звену я подходил «благословить еду», и каждое звено кричало разными голосами:

— К нам, к нам, вожатый!

Увидев смущение Шарикова, я опустился на корточки перед общей кучей еды и, помня наше старое комсомольское правило — дар самого бедного для нас самый ценный, выхватил из общей кучи чеснок и черную краюшку.

— Вот, ребята, молодец тот, кто захватил самое лучшее для похода: в черном хлебе — русская сила, а крепкий чеснок прочищает носок!

И, разрезав черную горбушку на равные куски, разломил чеснок на дольки и подал каждому. А сам, натерев кусок хлеба чесноком и посолив покруче, с этого и начал свой завтрак.

Все звено Спартака последовало моему примеру. Долго потом вспоминали ребята, что этот ломтик хлеба с чесноком был самым вкусным из всего, что едали они в жизни.

А Игорь? Вот он смущенно поглядывает на роковой узел, набитый снедью, и не знает, вынуть ли из него куриную котлету или пирожок с мясом. Руки его дрожат. И все это под взглядами восьми пар глаз звена Либкнехта...

Вот сейчас решается едва ли не вся будущая судьба мальчугана. Определяется его место в товариществе. Быстро подошел я к роковому узлу, поднял его на руки, как младенца, и, понянчив, сказал:

— Скатерть-самобранка, раскройся!

И из развязанного узла, как из рога изобилия, вывалилось на полотенце его содержимое.

Тут было даже больше, чем я предполагал! К жареным цыплятам, котлетам, пирожкам с рисом, с мясом прибавлялись ватрушки с творогом, сладкие булочки с кремом.

— Ура! — крикнул я.— Слава Игорю! С таким товарищем не пропадешь! Добыл пищи не только на звено, на весь отряд!

И при общем веселье стал делить яства по звеньям.

Игорь сидел растерянный и подавленный. Все на-

казы: «Ешь сам, не раздавай всем», «Это тебе, Игорек» — рушились. Ему страшно хотелось закричать: «Это мое!». Но уже до сознания дошло: «Слава Игорю!», «Молодец, Игорь!».

И от бури противоречивых чувств он... заплакал. Эта неожиданность чуть не сбила меня с ног, и, стремясь сохранить равновесие, я с отчаянной решимостью сказал:

— Тут, ребята, заплачешь. Конечно, Игорьку обидно — вот все хвалят его сейчас, все едите пирожки, а ведь только что многие думали: «Обжора, сластена, мамин сынок!» Пока догадались, что Игорь совсем не такой. Игорь за товарищество — подумаешь, пирожки! — он жизни не пожалеет!

После этих слов Игорек заплакал почему-то еще горше, и всему девичьему звену едва удалось его утешить.

9. КАКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ САМИМ ПОСТРОИТЬ СЕБЕ ЖИЛЬЕ!

После короткого привала снова в путь. И вот оно, избранное разведкой заветное местечко — окраина старинного парка на берегу реки! Вид на далекую Москву. А за рекой луга и озера. Диво, да и только! А какая прелесть — говорливый ручей в темном, глубоком овражке!

И никого. Тишина. Слышно, как в парке разговаривают горлинки. В зарослях шиповника настороженно посвистывают малиновки. Казалось, здесь, совсем рядом с Москвой, не ступала нога человека. Вот какой-то шалаш, чуть приметный.

Ребята устремляются к нему и шарахаются назад. Там кто-то есть. Спит, похрапывает. Ба, да это дядя Миша! Он раньше нас сюда добрался и решил отдохнуть.

Проснулся, спугнутый шорохом и суетой.

— А, это вы? Заждался! А ну, окунемся, вода хороша, я пробовал.

У сложенных вещей оставили стражу — и к речке. Радуги от брызг, визг девчат. Котов прямо с кручи кульбетом. Шариков степенно, он же «доктор». Забыл снять очки. Общий хохот. А Игорек на берегу.

— Так совсем-совсем не умеешь плавать? — сокрушается дядя Миша.— Голова тяжелее ног... А ведь окунуться надо...

— Дядя Миша, научите плавать!

— Вначале надо научиться тонуть.

— ?

— Да, не удивляйся, люди тонут, забывая, что человек легче воды и не должен тонуть. Ты это раз и навсегда запомни и, если попадешь на глубину, не теряйся. Тянет тебя на дно, иди до дна, потом оттолкнись ногами и выскочишь, как пробка.

Ребята, умеющие плавать, пробуют этот способ, получается. Значит, смелый, даже не умея плавать, не утонет.

После купания решаем строить жилье.

Строили ли вы когда-нибудь шалаши? А знаете ли, сколько на свете сортов шалашей? Мои ребята тоже не знали. И оказалось, что шалаши есть бродяжные, потайные, на одну ночку (переночевал, соорудив его кое-как, и дальше побежал); рыбацкие — от дождя и от жаркого солнышка, сплетенные из прибрежного ивняка, крытые камышом; охотницкие — прислоненные к деревьям; караульщицкие — солидные, добротные, что строят сторожа на полевых бахчах, в садах, на огородах; луговые — жилища покосников, похожие больше на копешки сена; полевые — состроенные жнецами из снопов в страдную пору.

Дядя Миша, бывший политкаторжанин, умел строить любые — из всего, что только есть под рукой, даже из травы.

Не уступал ему в этом и я, бывший деревенский мальчишка.

— Ну, так какие шалаши будем строить? — спросил дядя Миша, перечислив все виды.

— Пионерские! — крикнул Игорек.

И вот тут мы были озадачены. Пионерских никто из нас еще не строил. И проектов таких не было. Решили пока строить какие получатся, а для настоящего пионерского оставить место в центре лагеря. Построим его не торопясь, на досуге.

Соорудить легкий, рыбацкий шалаш на двоих, на троих — дело нехитрое, кто умеет. Я мог соорудить такой за час, были бы ивовые прутья да осока.

Дядя Миша тоже умел строить такие. И вот началось соревнование. Подручные резали, подтаскивали прутья, камыши, осоку. А мы действовали каждый по-своему. Я воткнул в землю друг против друга шесть пар толстых прутьев, заплел их вершинками, и получилось шесть арок. Затем я скрепил их продольно прутьями потоньше. Укладывая лозинки комлем к челу шалаша, вершинками к хвосту.

В полчаса скелет шалаша был готов.

Дядя Миша из таких же ивовых прутьев строил несколько иначе. Вначале он соорудил внешнюю линию шалаша, воткнув прутья частоколом. Частокол этот заплел, как плетень, а потом уже пригнул вершинки друг к другу. Шалаш у него получился крепче и аккуратней. Правда, строился он дольше.

Накрыть эти легкие сооружения было несложно. Вначале слой широченных лопухов, затем слой камыша или осоки.

И вот мы уже любуемся творениями своих рук. Нами владеет гордость первобытного человека, впервые построившего себе дом. Ребята набиваются в шалаши. К нашему удивлению, в каждом умещается звено! Конечно, тесновато. Можно спрятаться на часок-другой от дождя. Но всем так нравится сидеть в необычном, сказочном жилье, что не выгонишь.

10. КАК НАМ ПОВЕЗЛО, ЧТО С НАМИ ДЯДЯ МИША

А вот и другое заманчивое дело — ставить самовар.

— Кто за еловыми шишками?

— Все!

И, обгоняя Михаила Мартыновича, ребята мчатся в старинный парк, туда, где виднеется группа старых елок.

— Дядя Миша, а почему бы нам не поставить шалаши под большими деревьями?

— А вы догадайтесь.

Догадка не приходит. Ребятам нравятся огромные липы с дуплами. Чем не жилье? Игорек и Франтик облюбовали себе одно огромное и хотят в нем поселиться.

— Но вы же не юные дикари, а пионеры. Надо жить вместе. Что же будет, если вы разбежитесь по дуплам?

Парк запущен. В зарослях лопухов и крапивы гниют поваленные деревья. На дубах, на кленах, на липах много сухих сучьев.

— Вот так же в тайге,— сказал дядя Миша.— Однажды нас с товарищем застигла буря. Как загудела, затрещала, как начали лететь сверху сухие сучья... Только в таком вот дупле и спаслись.

Ребят удивляло, что некоторые сучья кто-то воткнул глубоко в землю.

— А это буря прошла по вершинам деревьев,— сказал дядя Миша,— и пообломала сухие сучья. Они летели вниз, как копья.

— Да, если такой вот сучище в шалаш угодит, насквозь проткнет,— сказал Игорек и поежился.

Еловых шишек мы притащили много, сырые разложили на солнышке, а сухими растопили самовар.

Вскоре под басовитый гуд медного пузана ребята уже доставали из заспинных мешков кружки, чашки, захваченную с собой снедь. У дяди Миши оказались старенький жестяной чайник и заварка чая на всех.

К нашему веселому чаепитию выполз из-под берега старичок-корзинщик, назвавшийся Иваном Данилычем. Он уже вызнал у наших ребят, кто мы такие и зачем явились. И теперь ему хочется повыспросить побольше, чтобы рассказать дома.

Мы гостеприимны. Гостю — честь и место. И вот он уже вприхлебку потягивает чай из кружки, с удовольствием откусывая по маленькому кусочку конфету, а вторую спрятав в карман для внучки.

— Тэкс,— рассуждает он, захватывая в кулак свою какую-то пеструю бороденку,— значит, вы пионеры, передовые ребята... Хотите по-трудовому жить... Тогда вам без меня не обойтись. Беспременно вам надо у меня эту науку перенять, как корзинки плести.

— А зачем они нам?

— А как же без корзинки? — говорит дядя Миша.— Вот хотя бы еловых шишек притащить... Да знаете ли вы, что корзинка была одним из первых величайших изобретений человечества? Обмазанная глиной, она дала начало горшку, в котором варили пищу.

— Без корзинки у нас в деревне никуда,— соглашается Иван Данилыч.— Вещь простая, а сплести ее на первый раз хитро. А вот Владимир Ильич Ульянов-Ленин все науки превзошел, он и корзинки мог плести. И обучала его этому делу моя племянница Маша Бендерина, она в Горках в совхозе живет. А Маше преподавал эту науку я лично! А жаль, что Маша обучала, я бы, конечно, лучше научил... И теперь вам всенепременно надо перенять это мастерство из первых рук. Из моих то есть.— И старик показывает нам свои узловатые, много потрудившиеся руки.

Ребята расспрашивают у старика все подробности, как его племянница учила Ленина корзинки плести. Ахают, смеются, радуются. Как Маша-то нечаянно Ильича прутиком хлестнула! А он не обиделся. «Ничего,— говорит,— ученику от учителя так и полагается». Шутил, конечно, а слушался.

Ублаженный чаепитием, старик обещается научить нас плести такие корзинки, что залюбуешься.

Он умеет плести всякие — маленькие для ягод, побольше для яблок, еще больше для картошки, большущие для еловых шишек и громадные, кормовые, скотине мякину таскать.

Нам обещает сплести хлебные. Это такие, чтобы продукты хранить, к дереву или на шестах подвешивать, чтобы мыши, крысы не забрались.

Выделенные нами «ивоплеты», тут же получившие это новое прозвище, азартно принимаются за дедовскую науку. Остальные помогают мне строить шалаши. Нам надо еще хотя бы штуки три-четыре.

Дядя Миша рассказывал о побеге из ссылки.

А Михаил Мартынович плетет вершу, хитроумную корзинку для ловли рыбы. Он хочет попытать счастья. Заметил несколько всплесков под крутым берегом на быстринке...

Июньский день — самый длинный в году. Но как он оказался короток, наш первый лагерный день! Как быстро покатилось солнце на закат! Словно колобок с горы. Не успели выкупаться после постройки шалашей, а вот уже и холодком повеяло из парка. Над заречными лугами появился туман.

Иван Данилыч, страдающий ревматизмом, поспешил к дому. С ним мы отправили группу «соломотрясов», старик пообещал нам старой соломы для подстилки в шалаши. Он надел себе на голову пирамиду сплетенных за день корзинок и резво зашагал, словно огромный гриб, сказочно сорвавшийся с места. Ребятам это так понравилось, что и они нахлобучили на головы корзинки — так интересней! — и зашагали в деревню, видневшуюся на горе, за оврагом.

К вечеру Михаил Мартынович сплел свою вершу. Показал нам ее, сам полюбовался, остался доволен: «Давненько не плел, а вот не разучился».

Долго мы выбирали место, где ее поставить. Наконец я закрепил ее под кустом, который рос прямо в воде, среди корней, подмытых течением.

По совету многоопытного дяди Миши мы притащили из парка муравьиных яиц. До чего же больно кусаются рыжие муравьи! Ух!

Замесили из грязи пирог, начиненный муравьиными яйцами, и я засунул его в вершину верши. Вода будет постепенно размывать его, выкатывать муравьиные яички, и по их струйке, по «тропинке» придут в нашу ивовую ловушку падкие до этой прикормки подусты, подлещики, плотва... Если они есть, конечно, в Москве-реке.

У нас на Оке, там, где моя родина, такая верша да с такой привадой пуста не бывает.

С замиранием сердца следили за моими действиями ребята. Разговаривали шепотом, обсуждая все возможности. Словно боясь, что рыба услышит, догадается и...

Перед сном мы еще посидели у жаркого костра. Дядя Миша рассказывал о побеге с каторги.

Ночь летняя светла, но вокруг огня тьма гуще. И как-то страшновато. Парк кажется таким зловещим, черным. Предостерегающе кричит какая-то птица под берегом. Ребята жмутся к нам, взрослым. Без дяди Миши, без его богатырской спины, возвышающейся над костром, без его басовитого, спокойного голоса было бы совсем страшно.

Расширив глаза, смотрят ребята в огонь. Дядя Миша рассказывает, как бежали они с товарищами с каторги и как их подстерегали охотники за беглыми.

— Вдруг ветка хрустнула. Мы сразу — наземь. Бац! И пуля мимо. Тут мы за ножи — и прочь ползком в разные стороны. Сначала хотели бежать. Но обидно мне стало. Кто же это выследил нас, как зверей, какой подлец, в каком он человеческом образе? Захотелось мне схватить его за шиворот, заглянуть в глаза...

Пополз. Крадусь — листом не шелохну, как уж. Захожу подальше от костра, чтобы он мне на огне виден стал, а не я ему. И нашел. По тени определил. Тень вдруг шевельнулась у старого пенька.

Прыгнул, навалился, нащупал кадыкастую глотку под жесткой бородой...

— Отпусти!.. Не предавай смерти... Дети малые...— хрипит.

А товарищ мой подоспел и камнем замахивается.

— Стой, не надо!

Вытащили мы негодяя к костру. Смотрим, невзрачный он, охотник на людей. Зипунишко драный, ружьишко кое-какое. Переломили мы его пополам, трахнув о дерево. А «убивец» в слезы:

— Погубили, каторжанцы, погубили, окаянные, чем жить будем! У меня же трое внучат. Сироты...

— А зачем же ты, чалдон, вышел в темную ночь сирот плодить? Может, и у нас в России жены, дети? Молчит, старый гриб.

— Сколько вам за каждого убитого полиция платит?

— Двадцать пять целковых, милай! Это же подумать, пять кулей муки! На всю зиму нам... Да разве ваш брат, каторжанец, больше стоит? Все равно пропадет зря, тайга слопает... А так хоть людям польза... Не чалдоны мы, переселенцы из Расеи. Запашку третий год зря делаем. Опять мороз в самое колошение, весь посев убил... Чего кусать будем? Поселенцы, известно, нищие... Вот и надоумили казачки-староверцы... Они ведь на вашем брате дома построили... Под железом! Вот как...

Отлупили мы его, дурака, как следует. А потом напоили нашим каторжанским чайком, заваренным на травах, и отпустили. И сами, конечно, от такого места подальше ушли.

После такого рассказа отойти от костра страшно. Где уж там заснуть в шалаше, темном и ненадежном!

Я чувствую, как прильнувшие ко мне тела дрожат мелкой дрожью. Узнаю Игорька. Это он крепко сжимает мой палец. Узнаю, чую, как греет мне бок прислонившаяся толстая Рая. Слышу, как громко бьется сердце Кати-беленькой.

Чтобы отогнать страхи, дядя Миша вдруг свистнул по-разбойничьи:

— А ну, молодцы, песенку! Нашу любимую, бродяжную, все ее знают?

И затянул про славное море, священный Байкал.

Ребята подхватили. Мы распелись. И страхи отлетели от нас.

Ночью долго не могли угомониться ребята. Нелегко заснуть первый раз в жизни не дома в кровати, а в шалаше, на соломе. На коломенской башне таинственно кричит сова. С Москвы-реки доносится плеск от широких плиц колесного парохода. Ржут кони на лугу, тревожно и призывно.

Вожатый ходит и, отвечая на вопросы, говорит:

— Спать, спать, ребята! Подъем будет ранний.

Нет, нелегко заснуть.

Когда я хотел уже покинуть палатку звена Либкнехта, которое притворилось крепко спящим, вдруг меня схватила рука, высунувшаяся из-под одеяла, и притянула к себе.

— Вожатый,— жарко зашептал мне на ухо Игорек,— вожатый, ты это правду обо мне сказал, когда мой узел на всех делил? Ты это про меня так думаешь, что я такой товарищеский?

— А какой же ты, Игорек?

Мальчик не ответил. Но вдруг я ощутил, что его маленькая рука гладит мою, тихо, осторожно.

И, отвечая на эту робкую ласку маменькиного сына, не привыкшего засыпать без ласк и поцелуев, я, «старый комсомолец» из суровой школы первого поколения, вдруг, сам того не ожидая, нагнулся поближе и поцеловал «пионерчика» в горячий, влажный лоб.

Накрыл его покрепче одеялом и поскорей вышел. У меня как-то странно забилось сердце.

(Продолжение в следующем номере).

ЧТО быстрее

С плотины, будто в пропасть,
Бросается вода:
— Быстрей меня не мчался
Никто и никогда!

Но лопасти турбинные
Ответили воде:
— Ну, нет, быстрей
вращения
Не видели нигде.

— А мне так не до спора,
Спешу я на восток,—
Сказал и за горою
Исчез электроток.

Советская ракета
Взлетела к звездам, ввысь.
Космическая скорость!
Попробуй угонись...

Но я мальчишку встретил
(Встречал его и ты) —
Быстрей ракеты к звездам
Летят его мечты.

Нурадин ЮСУПОВ

Рисунки А. Брея.

Перевел с лакского
Г. Мамлин.

МУРАТ и Козёл

Козел знакомою тропой
К реке идет на водопой.
Глядите,— люди
говорят,—
На речку топает Мурат!

Не станет,
пусть их говорят,

Козлом от этого Мурат.
Да и козлу Муратом
Не сделаться, куда там!

Мурат купается в реке,
Лежит одежда на песке.
Тряся над нею головой,
Стоит козел, как часовой.

Не подходи на три шага,
А то поднимет на рога!

Однажды,
люди говорят,
Шел поздно вечером Мурат,
И на него из мрака
Накинулась собака.

Но в этот миг,
тряхнув седой,
Лохматой, славной бородой,
Козел как двинет пса
рогами!
Перевернувшись вверх
ногами,
Пес громко взвизгнул.
С той поры
Пес лает лишь из конуры.

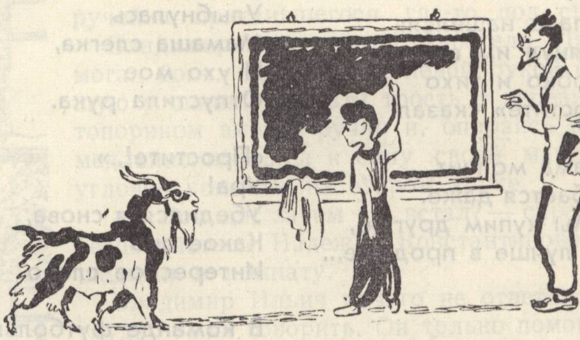

...С деревьев падает листва,
Сентябрь вступил в свои
права.

Мурат вздыхает с видом
грустным:
— Мы расстаемся до тепла.

И кормит свежею капустой
Он на прощание козла.
— Держи еще морковок
пару,
Съешь и вот этот кочешок.
Мне в школу, а тебе в отару
Пора!
Что сделаешь, дружок!

Козла в отару он отвел,
Но путь назад нашел козел.

Мурат, сжимая мел в руке,
Пример решает на доске.
И раздается на уроке:
— Четыре пишем, два
в уме...

Вдруг настежь дверь —
и на пороге
Козел кивает другу: — Мэ-э!

Учитель заикаться начал.
И почему-то, став в углу:
— Кто в-вы т-такой? Что
э-это значит?
З-закройте дверь,— сказал
козлу!

Перевел с лакского
Я. Козловский.

«Простите»

Папа разбил
Драгоценную вазу.
Бабушка с мамой
Нахмурились сразу.

Но папа нашелся:
Взглянул им в глаза
И робко и тихо
«Простите» сказал.

И мама молчит,
Улыбается даже.
— Мы купим другую,
Есть лучше в продаже...

«Простите!» —
Казалось бы,
Что в нем такого,
А вот ведь какое
Чудесное слово!

Пошел я гулять
И в саду,
По привычке,
Я дернул девчонку
За обе косички.

На крик прибежала
Девчонкина мать,
Меня изловчилась
За ухо поймать.

Попробовать, что ли?
И в землю куда-то:
«Простите меня»,—
Я шепнул виновато.

«Ступай»,—
Улыбнулась
Мамаша слегка,
И ухо мое
Отпустила рука.

«Простите!..»
Ура!
Убедился я снова,
Какое оно
Интересное слово.

В команде футбольной
Я лучший игрок.
Мне, право, не грех
Опоздать на урок.

Мячом по воротам
Стучал я полдня
И в школу явился:
«Простите меня».

Я снова прощен
(И не ждал я иного!)
«Простите!» —
Какое
Всесильное слово!

Всю осень и зиму,
До самого мая,
Я жил с этим словом,
Печали не зная...

Ребята на лето
Спешат в лагеря.
Я тоже проснулся
Ни свет ни заря.

Но папа сказал:
— Ты наказан, негодник.
Какой тебе лагерь?
Лежи, второгодник!

Эй, люди, на помощь!
Эй, люди, спасите!
Простите, простите,
Простите, простите!

Мы с мамой приходим
К директору на дом:
— Не надо
Наказывать сына,
Не надо!

Он робкий, он тихий,
Он так огорчен.
Простите ребенка,
Исправится он.

Директор раскрыл
Перед мамою двери:
— Я очень сочувствую,
Можете верить.

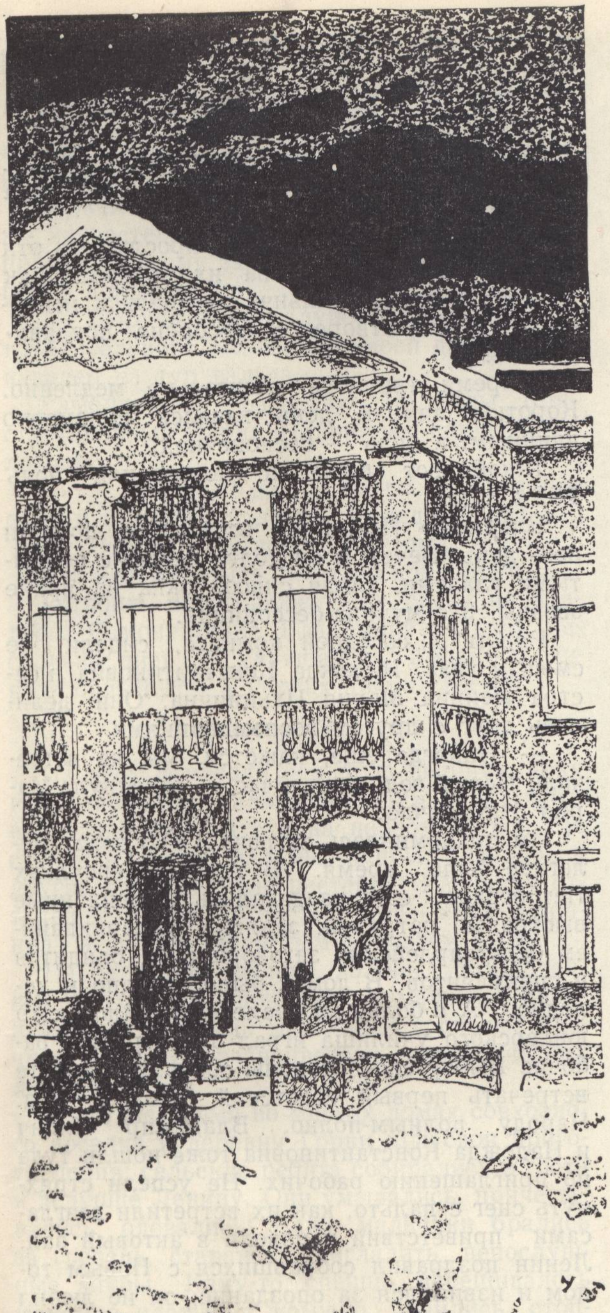
Но вы об услуге
Такой не просите:
Закон не могу я
Нарушить. Простите...

Вот так убеждаешься
Снова и снова,
Какое оно
Интересное слово.

Перевел с лакского
Г. Мамлин.

Павло МАКРУШЕНКО

Рисунки О. Коровина.

На елке в Горках

РАССКАЗ

Зима выдалась холодная, снежная.

Владимир Ильич болен и вот уже несколько месяцев живет в старинном доме с колоннами, в глубине обширного парка под Москвой.

Тишина.

Бесшумно двигаются по комнатам люди, стараясь не потревожить больного. Охвачен зимнею дремой безмолвный парк, покинутый птицами. В эту пору не услышишь и говора ручейка, притаившегося где-то под снегом.

Владимир Ильич встал с постели. Превозмогая боль, он нащупал левой рукой стоявшую у спинки кровати трость с деревянным топориком вместо ручки и, опираясь на нее, медленно подошел к окну своей маленькой угловой комнаты на втором этаже.

— Володя, зачем ты встал? — спросила с беспокойством Надежда Константиновна, вошедшая в комнату.

Владимир Ильич ничего не ответил: ему трудно было говорить. Он только поморщился, как бы желая сказать:

«Надоело мне лежать без дела...»

Надежда Константиновна, видимо, так и поняла его. Подвинув к нему мягкое кресло с полосатым чехлом, она сказала:

— Хорошо, хорошо, Володя, побудь у окна. Только сядь. Обязательно сядь. Тебе нельзя долго стоять: тяжело.

Владимир Ильич немного посторонился, чтобы она могла поставить кресло у самого окна, но все же не сел, показав знаками:

«Не беспокойся, Надюша, мне удобнее смотреть в окно стоя. А когда устану, я сяду».

Надежда Константиновна вышла, и Владимир Ильич остался один.

Сколько раз Ленин смотрел на пейзаж, открывающийся из окна спальной комнаты. Он, вероятно, уже знал его во всех деталях.

Вот справа стоит молодая, стройная елочка. Она похожа на зеленый шатер с белой крышей. На ее мохнатых игольчатых лапах покоятся пушистые подушки снега. Сразу же за елочкой — густая поросль молодых березок. На их ветвях снег не задержался. Но

стволы березок и без него сверкают своей белизной, отчетливо вырисовываясь на фоне большого темного дуба. Внизу — Малый пруд. Весной березки засматривались в зеркальную гладь воды, любуясь, как на тонких висячих ветвях горят на солнце золотые сережки.

А сейчас все вокруг белым-бело. Не видно ни мостика через протоку, ни скамейки у самого пруда, на которой Владимир Ильич частенько отдыхал. Все под снегом.

За прудом начинается возвышенность. На ее склоне — поля и сады крестьян деревни Горки. Поодаль видна и сама деревня с рублеными домами.

Владимир Ильич задумался. Его исхудавшее лицо озабочено. О чем он думает?

Может быть, он сожалеет, что не придется ему этой зимой пойти в лес на охоту? Ее он очень любил, а теперь вот прикован к постели, даже по комнате ходит с палкой.

Может быть, глядя на деревню Горки, Владимир Ильич думает о своих знакомых — крестьянах, перед которыми еще совсем недавно выступал с докладом, помогал им провести в деревню электричество. Крестьяне жаловались, что у них нет машин для обработки земли. В деревни надо послать много машин, а в стране их пока очень мало.

Три месяца назад, когда Владимир Ильич последний раз ездил в Москву и побывал на Сельскохозяйственной выставке у Крымского моста, он увидел там советский трактор, построенный рабочими Путиловского завода. Это очень хорошо! Но тракторов надо много-много — сто тысяч!..

В комнату снова вошла озабоченная Надежда Константиновна.

— Володя, прошу тебя, приляг! — взмолилась она.

Владимир Ильич пошел к постели. Рядом с ней на столе лежала стопка книг.

Врачи запретили ему читать. Но разве может жить без книг человек, который полжизни провел за чтением? Владимир Ильич повиновался требованию врачей: сам не читал. Но он нашел выход из затруднения — все чаще и чаще просил Надежду Константиновну почитать вслух. Она читала ему произведения Салтыкова-Щедрина, Горького, Джека Лондона. Любил Владимир Ильич слушать стихи Демьяна Бедного. На этот раз Надежда Константиновна раскрыла книжку поэта Василия Князева. После каждого прочитанного стихотворения останавливалась и смотрела на Владимира Ильича, как бы спрашивая или проверяя: понравилось ли ему? Он одобрительно кивал головой.

В одном стихотворении встретились строчки:

«Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!»

Владимир Ильич попросил остановиться.

— Что, Володя? — спросила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич пожелал прослушать эти строчки еще раз. Слова их звучали, как клятва. В глазах Ильича загорелись искорки. Это стихотворение особенно понравилось ему.

...Время тянулось томительно медленно. Короткий зимний день казался непомерно длинным, а ночь — бесконечной.

Такой вот была и новогодняя ночь 1924 года.

Владимир Ильич не вставал с постели весь день. Вечером он долго лежал с открытыми глазами, глядя сквозь окна на яркие звезды. Его мучила бессонница.

Рядом, в соседней комнате, сидели, не смыкая глаз, Надежда Константиновна и сестра Ленина Мария Ильинична. Они делились друг с другом воспоминаниями.

— Никогда еще, кажется, мы не встречали Новый год, как сейчас, — вздохнула Мария Ильинична.

Им припомнилась встреча 1918 года. Нелегкое было время. В темных переулках Петрограда еще раздавались неожиданные выстрелы патрулей, занятых вылавливанием белогвардейских заговорщиков, бандитов и спекулянтов. В домах было голодно и холодно. А в большом зале Михайловского юнкерского училища играл оркестр. Это рабочие Выборгской стороны собрались вместе встречать первый советский Новый год. Народу полным-полно. Владимир Ильич и Надежда Константиновна тоже пошли туда по приглашению рабочих. Не успели стряхнуть снег с пальто, как их встретили возгласами приветствий и повели в актовый зал. Ленин поздравил собравшихся с Новым годом и извинился за опоздание: он не любил опаздывать. В своей краткой речи Владимир Ильич сказал:

— Вот уже полчаса, как мы живем в новом году. Наверное, это будет очень трудный и очень суровый год. Мы можем это предвидеть по бешеным нападкам на нас со стороны врагов. Но мы твердо убеждены, что никому не удастся подавить молодую Советскую республику силой оружия или голода. Будущее за нами! Порукой тому великая, неиссякаемая сила, какую представляет собой русский пролетариат и прежде всего вы — питерский пролетариат!

После выступления Ленина начались танцы. Какая-то девушка подошла к нему:

— Владимир Ильич, пойдемте танцевать!

Ленин засмеялся и стал уверять, что не умеет танцевать. А девушка, взяв его за руки, настаивала на своем.

Бойкая девушка. Но Владимир Ильич тоже не растерялся. Он предложил ей руку, провел по всему залу к распорядителю танцев и попросил:

— Выручите, пожалуйста, меня из затруднительного положения: моей даме нужен кавалер на тур вальса.

Улыбнувшись рассказу Надежды Константиновны, Мария Ильинична вдруг предложила:

— А что, если нам устроить новогоднюю елку и пригласить детей? Володя любит их.

— Что ты, Маняша! Это утомит его.

— А может быть, все-таки попробуем, а?..

Устроить новогоднюю елку сразу не удалось. Самочувствие Владимира Ильича несколько дней не улучшалось. Только 7 января белый дом в Горках принял гостей.

* * *

Из лесу привезли большую пышную елку и установили в «зимнем саду». Так назывался просторный зал на первом этаже, где стояли в кадках пальмы, лавры, олеандры и другие вечнозеленые растения. Раскинув оттаявшие в тепле иглистые лапы, елка заполнила весь зал смолистым ароматом хвои.

На ветках развесили яблоки, позолоченные орехи, разноцветные бумажные цепи, игрушки, укрепили маленькие восковые свечи и гирлянду разноцветных электрических лампочек.

В это же время во многих домах совхозного поселка и деревни Горки шли свои приготовления: сельские ребята собирались в гости к дедушке Ленину. Они умывались, причесывались, одевались. Даже мальчики брались за гребень, стараясь пригладить непослушные вихры. Кому-то спешно перешивалось мамкино платье, а кому-то чинились стоптанные валенки. Трудно было с одеждой в ту пору.

К вечеру санные упряжки повезли разом всех гостей Ленина.

Доехали быстро. Войдя в большой дом, дети жмурились от яркого света электрических лампочек, в нерешительности толпились у входа, искоса посматривая на нарядную елку.

Встречать гостей вышли Надежда Константиновна, Мария Ильинична и их семилетний племянник Виктор. Помогая малышам раздеваться, они ласково расспрашивали ребят:

— Как доехали? Не замерзли? Как зовут?

Расторопнее всех оказался самый маленький гость — Вася Соколов. Он бойко отвечал на все вопросы. Когда его познакомили с Виктором, Вася спросил:

— А где Ленин?

— Владимир Ильич скоро придет.

— Он уже не болеет?

— Ему лучше...

Постепенно все ребята освоились. Мария Ильинична села за рояль, и в зале зазвучала веселая музыка. Надежда Константиновна повела хоровод вокруг елки.

Неожиданно прервав игру, Мария Ильинична воскликнула:

— Надюша, мы же свечи не зажгли!

— Действительно!.. Какая елка без свечей?

Зажигание свечей прошло в торжественном молчании.

Когда в зале погасили свет и включили дополнительно разноцветные электрические лампочки, ребята от радости захлопали в ладоши, не сводя восторженных глаз с волшебной, сказочной картины. Они снова взялись за руки и закружились вокруг елки.

Надежда Константиновна спросила ребят, какие детские песни они знают. Те переглядывались и молчали. Тогда Мария Ильинична заиграла «Интернационал». К удивлению взрослых, дети дружно запели — они наизусть знали слова гимна.

В этот момент в зале появился Владимир Ильич. Он увидел оживленную компанию поющих ребят, и на лице его засветилась улыбка. А дети, прервав пение, бросились навстречу:

— Дедушка Ленин! Дедушка Ленин пришел!

Обступив Владимира Ильича, дети смущенно притихли, не зная, как вести себя в его присутствии. К тому же они помнили наказ родителей: не шуметь. Помнить, что дедушка Ленин болен.

Это смущенное молчание прервал сам Владимир Ильич, подав сестре знак играть. Зазвучала плясовая мелодия. Дети, однако, не хотели отходить от Владимира Ильича. Вася Соколов спросил Надежду Константиновну:

— А почему Ленин не ходит?

— Немного болезни еще осталось в ногах. Давайте продолжим хоровод. Споем что-нибудь. Дедушка Ильич тоже, видимо, примет участие?

Владимир Ильич кивнул в знак согласия. Ребята обрадовались. Вернувшись на прежнее место, к елке, они приготовились петь и уже не сводили глаз с Ленина.

Торжественно прозвучал вступительный аккорд песни «Мы — кузнецы». Дети хорошо знали революционные песни. Хор пел дружно и стройно. А Владимир Ильич покачивал головой в такт.

— Кто из вас знает стихи? — спросила Надежда Константиновна, когда хор умолк.

Стихи знали, конечно, все. Ребята специально разучивали их к елке. Только вначале они стеснялись выступать.

— Пусть Вася начнет, — послышались голоса.

Вася Соколов не из тех, кого надо упрашивать. Подойдя ближе к Владимиру Ильичу, он поднял высоко голову и стал громко декламировать:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы...

Все захлопали в ладоши. Владимир Ильич подозвал Васю к себе и обнял левой рукой. Польщенный одобрением дедушки Ленина, Вася хотел было начать новое стихотворение. Но тут раздались голоса других ребят:

— Я прочту!

— И я хочу прочитать стихотворение дедушке Ленину, — просила худенькая девочка с косичкой.

— Хорошо, не спешите. Все будете выступать, — успокоила их Мария Ильинична.

Ребята подходили один за другим поближе к дедушке Ленину и читали ему стихи. Выступили все юные гости.

А потом каждый из них получил новогод-

ний подарок. Владимир Ильич сам доставал из корзины пакеты со сладостями и фруктами. Мария Ильинична раздавала ребятам игрушки, которые снимала прямо с елки. Надежда Константиновна дарила книги.

На радостях дети так расшалились и расшумелись, что забыли о болезни Ленина. Они прыгали, смеялись, громко перекликались. Мария Ильинична даже встревожилась, как бы шум не утомил брата. Она попыталась было унять ребят и уже подумывала, что на этом можно бы и закончить вечер.

Но тут вмешался Владимир Ильич. Он попросил сестру не стеснять детей. Он сказал, что они его нисколько не беспокоят и что надо дать им возможность вдоволь насладиться праздником.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна обменялись взглядами — они поняли, что сейчас нельзя, не следует возражать Владимиру Ильичу. Но все же как-то надо было унять расшумевшихся гостей. Тогда решили показать им кинокартину — это тоже входило в программу праздника.

На середину зала поставили стулья, потушили свет, и на сшитых вместе двух простынях, укрепленных на стене, появились немые кадры. Многие дети увидели это «чудо» впервые. Шум в зале моментально смолк, слышно было только потрескивание проекционного аппарата, стоявшего здесь же, на тумбочке.

...На экране возник деревенский мальчик Мишка, взявший себе кличку Следопыта — по имени героя прочитанной книги. Его примеру последовала и сестра Дуняша, ставшая отныне легендарным Оводом. Переодевшись старцами и приклеив бороды, они пробираются через белогвардейские посты в штаб Первой Конной армии Буденного, где знакомятся с юным буденновцем — негром Томом Джексоном. Тройка смельчаков, прозванных «красными дьяволятами», совершает столько героических и порой даже фантастических подвигов, что у зрителей дух захватывает.

Сидящие в зале ребята горячо сочувствуют героям фильма и приходят в отчаяние, когда те оказываются на волоске от смерти.

Но «красные дьяволята» неуловимы и неуязвимы. Они задались целью взять в плен известного бандита — батьку Махно. После долгих преследований с изумительными приключениями им удается посадить Махно в мешок и привезти своему командиру...

Юные зрители в восторге. Они катаются со смеху.

Наблюдая, как искренне хохочут ребята, Владимир Ильич и сам смеется от души.

Надежда Константиновна, Мария Ильинична, врачи — все смотрели и поражались: вот оно — могучее и чудодейственное лекарство!

Как ни пытались врачи придать бодрости и сил Владимиру Ильичу в последние дни, никакие средства не помогали. А пришли дети, побыл Ленин с ними один вечер, и улыбка не покидает его лицо.

Ребята об этом, конечно, не думали: просто им было весело у Ленина, хорошо с ним. И, конечно же, при прощании с дедушкой Лениным, ласково улыбавшимся, разве кому из ребят могла прийти в голову мысль, что они видят его в последний раз!

Через две недели, 21 января 1924 года, в 6 часов 50 минут вечера Владимира Ильича Ленина не стало.

Ливень

Эдуард ШИМ

Рисунки Д. Пяткина.

Поезд проскочил последний темный туннель, рявкнул, сбавляя ход, в окнах вагона замелькали станционные домики.

— Вот и приехали... — испуганным шепотом сказала мать. — Погляди, мы на полках ничего не оставили?..

Тимка стащил вниз чемодан, повесил на плечо авоську с пустыми бутылками и прочей дорожной мелочью, и они вышли на платформу.

В первую минуту ему показалось, что на платформе стоит оглушительный звон и гвалт. Тимка завертел головой, оглядываясь и не понимая, в чем дело. Народу с поезда сошло не так уж много, станция была небольшая и пустынная, даже электровоз не гудел; он стоял, опустив на спину красную дугу, и словно спал с открытыми глазами. А звон все-таки слышался.

Лишь спустя какое-то время Тимка догадался, откуда это странное ощущение.

Оглушительным было солнце. Оно прямо-таки давило своими лучами на Тимкино лицо, слепило глаза, заставляло жмуриться. Казалось, что солнечные потоки льются с неба сплошной стеной. Этими потоками были залиты неестественно зеленые и близкие горы, каменистая белая дорога, здание станции, похожее на шкатулку из ракушек, редкие деревья с белой корой, почему-то висящей лохмотьями. Тени от всех предметов были короткие, жиденькие, и чудилось, вот-вот испарятся, как мелкие лужи.

Мир выглядел ослепительным и блистающим до звона. Хотя нет, не весь целиком. Когда Тимка повернулся в сторону, он увидел море. Совсем близко, за железнодорожной насыпью.

Оно занимало добрую половину мира, выпуклое, словно бы горбатое, расплеснутое в такие дали, что сразу не охватишь глазом. И тот солнечный блеск, что поразил Тимку над горами и землей, был здесь увеличен втрое, впятеро. Как зеркало в громадном прожекторе, отбрасывало море потоки лучей, и они трепетали, ярились и беззвучно гремели над морем.

Подталкиваемый матерью, Тимка шел по перрону и едва ли сознавал, что происходит вокруг. Мелькали чьи-то лица, кустарник с белыми цветами, чемоданы, зонтики, станционные киоски, следы на горячем асфальте. Тимка все это видел как в торопливом утреннем сне. А наяву было лишь самое главное: небо, земля и море, подобные гремящему оркестру.

Потом он почувствовал, как мать трясет его за плечо. Он поднял глаза.

— Что с тобой? — говорила мать, а лицо у нее тоже было необычным — каким-то помолодевшим, очень бледным и жалким. — Постой, надо бы узнать... Тут где-то квартирное бюро, дают адреса... Хорошо бы нам поближе к морю! Ах, Тимка, сколько лет я тут не бывала, ничего не помню!..

Они стояли на ступеньках вокзальной лестницы. Внизу, по маленькой и круглой, как блюдце, площади, расходились пассажиры, втискивались в запыленные такси. Несколько смуглых женщин, одетых во все черное — от башмаков и до наброшенного на голову

платка, — останавливали проходящих, выкрикивая гортанными голосами: «Комнаты, комнаты! Кому надо комнаты?..»

— Боюсь я к незнакомым людям, — сказала мать нерешительно.

— Чего это они? — спросил Тимка.

— Постояльцев ищут.

— Нет, почему черные? Траур, что ли?

— Просто здесь так одеваются. У кого бы спросить, где бюро?.. До чего же я не люблю ездить без путевок, одно мучение! Девочка, можно тебя на минуту?

Им навстречу неторопливо поднималась по лестнице девчонка, наверно, ровесница Тимки, и когда она приблизилась вплотную, то и мать и Тимка отчего-то смутились.

Девчонка была очень красива. Скорей всего она напоминала цирковую гимнастку — такой была загорелой, стройной, тоненько-крепкой, и даже легкое платье ее, казалось, посверкивало блестками. Короткие волосы падали ей на лоб небрежными прядями, глаза под четкими бровями смотрели ясно, весело и очень уверенно.

Она стояла в свободной позе, сунув руки в кармашки пестрого платья, покачиваясь на носочках, и все пассажиры, шедшие по лестнице со своими корзинами и тюками, невольно задерживали шаг и оглядывались на нее.

— Вам комнату? — спросила девчонка.— Я могу проводить. Отдельный вход, все удобства, грудных детей нет. До моря десять минут, столовая рядом, а можно и на полном пансионе. Вы на такси поедете?

— Не знаю...— растерянно сказала мать, краснея под взглядом девчонки.— Я думала, в бюро сначала... Надо ведь о цене договориться и вообще...

— Цены теперь везде одинаковые,— с вежливой улыбкой проговорила девчонка, как бы объясняя то, что всем давно известно. — Дешевле не найдете.

— Правда, не знаю...— повторила мать, для чего-то сворачивая железнодорожные билеты и заталкивая их в сумочку.— Я как-то не думала...

— Если не хотите, я найду других.

— Нет-нет, не в том дело. Мне все советовали пойти в бюро... А тебя как зовут?

— Женя, — ответила девчонка, ничуть не удивясь. — Сейчас подойдет автобус, хорошо бы занять места.

Тимка слушал этот разговор, смотрел на мать, и отчего-то ему не хотелось, чтобы мать дала согласие. Он не знал, почему. Вероятно, потому, что эта девчонка уж очень красива. Тимке становилось нехорошо и неловко, когда он смотрел на нее. Вообще все здесь было каким-то чересчур новым и неожиданным. Тимка ехал на юг впервые, и впервые были

у него такие суматошные сборы и такая длинная дорога, и то, что осталось позади — и школа, и тесный московский двор, по утрам холодноватый, а к вечеру душный, и знакомые мальчишки (с ними было так просто, так легко), и гребная секция, где Тимка начал заниматься и вдруг пришлось бросить из-за отъезда, и многое, многое другое, привычное и близкое, — все это еще жило в нем, волновало, и новые впечатления не могли уложиться, словно бы не вмещались. А тут еще эта девчонка, до того красивая, что нехорошо и неловко. Все уж как-то слишком. Тимка потянул мать за рукав и кашлянул, стараясь привлечь внимание.

— Ну, ладно, — сказала мать. — Может, так и лучше. Пойдемте. Где остановка?

Тимка еще не успел нагнуться за чемоданом, как Женя подхватила его и понесла к площади. Чемодан был тяжелым, Тимка таскал его с трудом, часто меняя руки. Но Женя шла сейчас прямо, легко, не напрягаясь, и чемодан будто плыл рядом с нею по воздуху.

— Пустите, — сказал Тимка. — Я сам.

— Зачем же?

— Я сам.

— Пустяки! — В голосе Жени не слышалось ни ехидства, ни желания удивить. Одна только искренность и радушие. И глаза были ясны и ласковы.

— Что ж ты, кавалер, — укоризненно и с каким-то сожалением сказала мать, — хоть помог бы!..

— Нет-нет! — откликнулась Женя. — Это моя обязанность.

У автобусной остановки выстроилась нетерпеливая очередь, ссорились какие-то мужчины. Женя на секунду остановилась, затем прошла мимо всей очереди и встала у другой таблички с надписью: «Посадки нет».

Подкатил автобус, пахнущий подгорелой резиной; все из него вышли, парень-кондуктор собрался дернуть за сигнальный шнурок. В это время Женя вскочила на подножку.

— Вы разрешите? — громко спросила она и, когда небритый, уставший кондуктор зло повернулся к ней, вдруг расцвела в улыбке, почти засмеялась, прямо и доверчиво глядя на него.

Кондуктор поморгал, потом улыбнулся тоже:

— Ха, давай, только быстро!..

Они заняли места у окошка, на теневой стороне. Для всех, кто стоял в очереди, мест не хватило. Рядом с Женей, в проходе, тесно сгрудились какие-то одинаковые парусиновые старички, над головой у нее качались узлы и сумки. Наконец все разместились, притихли, и тогда Женя встала с диванчика.

— Садитесь, пожалуйста! — кивнула она ближнему старичку.

И опять, так же как и на вокзальной лестнице, все вокруг смотрели на нее, а она стояла непринужденно, свободно, повернувшись к Тимке и матери, и автобусная теснота как будто не касалась ее и не беспокоила.

— Вчера мы ездили за форелью, — рассказывала она вполголоса, — если захотите, можно будет еще съездить. Это интересно, вам понравится. А еще все приезжие в горы ходят за орехами. По вечерам тоже скучать не будете: у нас рядом санаторий, а там все новые кино...

И пока ехали несколько остановок, Женя успела рассказать о самых удобных пляжах, о погоде за минувший месяц, о том, что можно достать в магазинах и чего достать нельзя. Говорила она охотно, увлеченно, как говорят с давно знакомыми людьми, развлекать которых — одно удовольствие. Тимка видел, что мать успокаивается от этой болтовни, веселеет, да и сам он мало-помалу перестал отводить глаза, когда встречался взглядом с Женей.

Дом, где им предстояло жить, и впрямь был удобен. На склоне горы, прямо в саду, белела чистенькая, словно игрушечная коробочка, но когда вошли внутрь, оказалось, что в ней два этажа, а комнаты светлы и просторны.

— У нас еще четверо постояльцев живут, — сказала Женя, — но их редко увидите, они всегда на пляже. Нравится?

— Нравится! — с облегчением засмеялась мать. — Только где же хозяева? Вдруг они еще не согласятся?

— Что вы! — Женя тряхнула головой. — Я всегда сама с отдыхающими договариваюсь... Мама уехала, а отец не вмешивается: он занят. Я сама все делаю. Хотите сад посмотреть?

Сад тянулся вниз по горе, ступеньками, деревья росли тесно и самые дальние сверху казались карликами. Между стволами была натянута проволока. Гривастый рыжий пес бежал вдоль нее, позванивая кольцом. Заметив чужих, он круто свернул и кинулся наперерез.

— Салют! — сказала Женя так, будто ударила хлыстиком. — Нельзя, свои!

И громадный пес вдруг приник к земле, сжался и пополз навстречу, извиваясь и так молотя хвостом, будто заколачивал гвозди.

— Овчар? — с завистью спросил Тимка.

— Ага.

— Чего ухо разорвано?

— Злой. — Она погладила спутанную шерсть под ошейником.— Такой злой песик!..

— С собаками дерется?

— Я не позволяю. Мы с ним купаться ходим на море. И вообще он меня провожает. Знаете, хулиган может пристать, пьяные... А с ним удобно, все боятся. С дороги, Салют!

Пес отскочил, и они спустились вниз по широким ступеням. В саду было влажно, как в бане, пахло то лимонами, то хлоркой, то преющим древесным листом. Ядовито-зеленые мандаринчики величиной с пуговицу кучками лепились на ветках.

— Много-то как! — удивилась мать. — И созревают?

— Конечно. Еще молоденькие, недавно посадили. Тридцать шесть корней. А вот там гранаты, орех. Виноград не трогайте, его утром опрыскивали. А у забора наша с папой копилка.

— Что, вот это?

— Ну да, лавр. В суп кладут листья, знаете? Никакого ухода не нужно, а осенью сдаем по сто рублей за килограмм. Прямо копилка!

Сад Тимке не очень понравился: ни зеленой травы, ни цветов, ни птиц, и хоть прибрано везде, а все равно почему-то вспоминается строительная площадка с ее разрытой землей и мусором. А Женя, видимо, садом гордилась. Она вела все дальше и дальше, показывая каждый уголок. Похвалилась даже аккуратной поленницей дров и новым забором, который они сколотили с отцом своими руками.

Салют, наверное, очень стосковался по людям, давясь, он танцевал на дыбках и натягивал проволоку. Тимка несколько раз оглядывался: было странно видеть громадного пса, безмолвно и неуклюже переступавшего на задних лапах.

— Ну вот, — сказала Женя, когда они вернулись в дом, — теперь вы знаете, что у нас везде порядок. И вы, пожалуйста, соблюдайте. Это же нетрудно...— И вновь улыбнулась.

В полдень пришел ее отец — молчаливый, толстый, обрюзгший, — поздоровался с Тимкой и матерью, но ни о чем спрашивать не стал. И когда мать протянула ему деньги за жилье, буркнул:

— Дочке, дочке!

— Она хозяюшка у вас! — польстила мать. — Такая хозяюшка!..

Он глотнул, будто что-то кислое выпил, поморщился и, не ответив, ушел в сад.

— Кажется, хорошо мы устроились, — подытожила мать, выйдя вместе с Тимкой вечером на веранду. — Я думала, хуже будет...

Внизу шумели темные деревья, казавшиеся мокрыми, дальше поблескивали рельсы железной дороги, еще дальше пролегало шоссе, где журчали невидимые автомашины. А за всем этим, уходя к горизонту, слабо мерцало море, тихое и сонное. Проплыл вдали прогулочный пароходик, побренчал музыкой; огоньки светились у него в мачтах, и такие же огоньки, только вытянутые, полоскались в воде.

— Салют, купаться! — крикнула где-то внизу Женя.

Мать положила руку на Тимкино плечо:

— Ты отчего хмурый? Она тебе не понравилась?

— Понравилась, — помолчав, сказал Тимка.

Внизу, по каменистой, как бы слюдяной от лунного света дороге, скользнули две тени — легконогая девчонка и громадный пес, несущий в зубах полотенце. Они взлетели на высокую насыпь, на миг замерли, озаренные бледным светом, и внезапно пропали во тьме.

Ночью Тимка долго не засыпал. Было непривычно жарко, шершавые простыни липли к телу, раскладушка шаталась и скрипела при каждом движении. Вспоминался весь сегодняшний день, такой пестрый и долгий, словно бы составленный, как мозаика, из целого десятка дней. И чаще всего вспоминалось Тимке лицо Жени. Он старался не думать о нем, отгонял его, а оно появлялось вновь, будто проступая сквозь все предметы, — красивое, четкое, с глазами, похожими по цвету на морскую воду, и отчего-то становилось тревожно и радостно. Так бывало с ним прошлой зимой, когда он возвращался с катка, усталый, разгоряченный, и музыка еще звучала в ушах, и падал снег, и светили дымные фонари, и вдруг вечерний город и улицы становились незнакомыми, волшебными, странными, и охватывало предчувствие каких-то неожиданных перемен, которые должны были вот-вот свершиться. И хоть потом эти перемены не наступали, он все равно верил в них, ждал их, и само ожидание было томительно-радостным. А может быть, перемены все-таки совершались, но только в нем самом, где-то в самой глубине его существа, и радость возникала просто из-за того, что он сегодня уже не такой, как вчера, на какую-то кроху богаче, сильнее, взрослей, ощутить это было можно, а объяснить и по-

нять нельзя, и оттого к радости примешивалась тревога.

Проснулся он за полночь от грохота, водяных брызг и тупых подземных толчков, сотрясавших дом. Электричество не горело, и в сумраке резко выделялся голубой квадрат окна. Свет за окном был какой-то пляшущий, судорожный. Тимка не сразу понял, что это вспыхивают молнии. Мокрая занавеска трепыхалась на окне, то взлетая, то распластываясь и прилипая к наличникам. На миг открывалось клубящееся небо, все в извилистых огневых трещинах, а потом ливень распрямлял занавеску, и она казалась очень толстой, свитой из прозрачных веревок.

Мать в ночной рубашке стояла у окна, лицо и руки у нее были мокры от брызг.

— Надо бы помочь хозяевам, но я боюсь! — говорила она. — Я и дома-то грозы боялась...

Тимка спрыгнул с раскладушки, выглянул наружу.

Весь дворик возле дома и ступеньки к саду были затоплены. Грязный пенный поток наискось рушился вниз по горе, таща за собой камни и образуя воронки вокруг древесных стволов. Струи ливня были похожи на стебли гигантских трав, они стояли сплошной зарослью, и казалось, что если захочешь пройти, то придется их раздвигать руками.

Во дворе около забора метались какие-то фигуры. Тимка узнал отца Жени, одетого в плащ с капюшоном, почти закрывающим лицо. Рядом что-то делали два парня, наверное, постояльцы, а у самого забора, в брызжущем водовороте, стояла Женя с доскою в руках. На ней не было ничего, кроме трусов и лифчика, и мокрая спина ее и плечи отливали металлически-темным блеском.

— Мам, я пойду! — кинул Тимка и, не дожидаясь ответа, выскочил за двери.

Когда он ступил босыми ногами в поток, то едва устоял. Что-то больно ударило по коленке, еще раз, еще... Это вода тащила камни, и они колотили по ногам.

Ливень был теплый, и ночь была тоже теплая, душная, но оттого, что кругом так грохотало, свистело, выло, Тимка невольно сжался, его затрясла дрожь. Стиснув зубы, качаясь, он добрел все-таки до забора и заставил себя шагнуть в кипящий водоворот.

Женя повернула к нему грязное хохочущее лицо с царапиной на щеке:

— Ага!.. Молодец, давай!.. Доску к забору... Чтоб вода... Держись за меня!

Устоять здесь было почти невозможно, и они прижались плечами друг к дружке и вместе стали подпихивать вздрагивающую, непослушную доску. Несколько таких досок уже было закреплено, оставалось перекрыть небольшой участок, чтоб вода повернула в сторону.

— Чуть поленницу... не унесло!.. — кричала Женя. — Едва успели... А тут забор... и мостик... Ух, бьет!..

Тимка не понимал, чему она радуется — тому ли, что пока удалось отстоять и поленницу и забор с мостиком, или тому, что Жене попросту нравится эта сумасшедшая борьба с ее грохотом и криками — сейчас кричал даже отец, сипло и тонко, как женщина...

Они протолкнули между кольев одну доску, вторую, а потом весь длинный забор качнулся и очень медленно, сопротивляясь натиску, стал валиться прямо на них.

От неожиданности Тимка выпустил руку Жени, хотел отпрыгнуть, его сбило с ног и потащило вниз. Он только успел увидеть, как Женя, подняв доску наперевес, рванулась к падавшему забору.

Спасло Тимку старое грушевое дерево, что-то толкнуло в плечо. Тимка понял: опора, можно схватиться, — и, обдирая ладони, уцепился за кривую ветку.

Придя в себя, он увидел, что забор хоть и накренился, но все же стоит. Женя успела подпереть его доской и сейчас вместе с двумя пареньками укрепляла добавочные подпорки.

Тимка охнул сквозь зубы: ныло плечо, — стер со лба щекочущую пену и опять пошел к Жене. Та по-прежнему смеялась, на темном лице белели оскаленные зубы.

— Ловко, а? — закричала она Тимке. — Ты живой?

— Живой.

— Давай еще немножко!..

И они вновь стали подпихивать доски уже вчетвером и наконец-таки заткнули прореху. Внезапно водоворот утих, начал оседать книзу, мутный поток свернул с дороги и загрохотал уже где-то вдали, ломая кусты на обочинах.

Во дворе проглянула земля и бетонные ступени с наносами глины. Рваная простыня пены уползала вниз, к саду. Сделалось тише, даже ливень как будто ослаб. И тут из сада, из дымящейся его темноты долетел глухой и сдавленный стон.

Тимка испуганно обернулся:

— Что это?

— Салют, — сказала Женя, надув оцарапанную щеку и трогая пальцем. — Я его забыла отвязать. Совсем забыла.

Тимка торопливо зашлепал по грязи, прошел меж деревьев. Впереди тонко и зло блеснула обвисшая проволока, убегая во тьму.

Пес лежал, полузанесенный грязью и щебнем. Голова его была задрана и казалась худой и длинной. Слипшийся клок шерсти, как заноза, торчал под глазом.

Вся земля вокруг была изрыта, валялись обломки камней, размочаленные поленья, щепки. Видимо, здесь поток бушевал сильнее всего.

А собачья цепь запуталась вокруг ствола, закрутилась, и Салют не смог отсюда уйти.

— Ах, как жалко!—вздохнула Женя.— Триста рублей мы за него уплатили... Да теперь и не достанешь такого щенка. Может, еще поправится?

Она отстранила Тимку и шагнула вперед.

— Салют! — Опять голос ударил, как хлыстик. — Встать!

Голова пса качнулась, все тело дрогнуло, словно пронизанное током. Заскребли лапы, как-то странно сгибаясь, и вот он весь натужно, мучительно медленно попробовал встать, выбраться из грязи, словно заранее чувствуя, что это безнадежно, невыполнимо, и все-таки стараясь из последних сил, и видеть это было страшно.

— Да, плохо... — сказала Женя. — Наверно, лапы сломаны. Очень жалко!.. Надо же, и как я не вспомнила?! Оставь его, Тима.

А Тимка, не помня себя, подбежал к Салюту, встал на колени и пляшущими пальцами начал отстегивать ошейник. Словно что-то оборвалось у него внутри, обрушилось, и, уже не ощущая ничего, кроме свободы и накатывающей ярости, он поднял лицо и почти с наслаждением сказал Жене:

— Ну и дрянь же ты!.. Ну и гадина же ты!

А она стояла перед ним в мокрых трусах и грязном лифчике, с оцарапанной щекой, с волосами, нелепо торчащими в разные стороны, измазанная, потная и все-таки красивая и продолжала улыбаться, и глаза ее были ясны и безмятежны, как у ребенка.

ЗА ЧТО ЛЮБЯТ ТИМУРА?

Когда я был еще не вожатым, а пионером, я все время мечтал начать новую жизнь.

Вот, думал я, с завтрашнего дня стану делать зарядку. Все уроки до одного выучу, чтобы не приходилось дрожать, когда карандаш учителя ползет по списку в журнале перед тем, как вызовут отвечать. Ну и другие планы были: например, записаться на станцию юных техников и построить необыкновенный соленоидный электромоторчик или даже катушку Румкорфа. Словом, эту самую новую жизнь я представлял себе со всеми подробностями!

Приходил назначенный день. Утром я делал зарядку до тех пор, пока голова не начинала кружиться; раньше всех приходил в школу... А на следующий день просыпал, было уже не до зарядки, уроки делать не хотелось (все равно день пропал, так что ж стараться-то!) — и все шло кувырком.

Ничего, утешал я себя. Начну новую жизнь с будущего понедельника. Но, конечно, с «будущего понедельника» опять ничего не выходило.

Позже я встречал многих ребят, которые, оказывается, мечтали о том же. Всем хочется вдруг, «с понедельника», стать сильным, хорошим человеком, много заниматься и работать. Но почти никому это не удается.

Человек живет не в пустыне и не в диком лесу — джунглях. Все, что он ни затеет, он должен делать с товарищами вместе, иначе его ждет поражение.

Самый славный мальчишка на свете, которого я знаю,— это Тимур, герой книг А. Гайдара. Посмотрите: Тимур не один был такой хороший. Рядом с ним стояли товарищи, его команда: Гейка и Коля Колокольчиков, Женя Александрова и Сима Симаков и много других ребят.

Они все вместе (не в одиночку, а вместе) становились все умнее и сильнее, и воля их крепла. Даже хулиган Мишка Квакин перешел в друзья Тимура.

Можно рассуждать так: гайдаровским ребятам было хорошо, потому что среди них был замечательный, настоящий пионер Тимур. Вот он и сплотил свою команду. Если бы в нашем отряде был такой Тимур!..

Но что же все-таки делать, если нет в отряде такого человека, как Тимур?

Выход один: придется нам с вами самим становиться Тимурами. Иначе у нас никогда не будет дружного отряда, и все жалобы — впустую.

Давайте посмотрим, за что мы любим Тимура, и не можем ли мы сами стать такими же.

Вы скажете: он хороший товарищ... Он смелый... Он честный... Он не обижает девочек... Он справедливый...

Верно. Но все эти качества вытекают из чего-то другого, самого главного.

В сценарии А. Гайдара «Клятва Тимура» есть такое место, которое сразу объясняет нам, что за человек Тимур.

Тимуру плохо. Товарищи почти все отвернулись от него — даже верный Гейка, даже Женя. И в это трудное время Тимур встречается с Фигурой, который нарочно подкараулил его вместе со своими друзьями, чтобы избить.

Тимур не испугался. Ну что ж, что изобьют,— все равно ведь он прав! Но только драки не вышло. Тимур прочитал Фигуре такие строчки:

Отец, отец! Дай руку мне...
Ты чувствуешь — моя в огне.
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в душе моей.

Вы знаете, чьи эти стихи? Ну правильно, Лермонтова, «Мцыри».

И вот Тимур спрашивает Фигуру, который уже кулак занес, чтобы ударить:

— У тебя пламень в душе есть?

Очень поразил Фигуру этот вопрос. Настолько поразил, что он не стал драться, отпустил Тимура, а потом спросил одного из своих мальчишек:

— А у тебя есть в душе пламень?

— Нет... Этого нету...— гордо ответил глупый мальчишка.

— Вот... то-то и есть, что нету! — горько и зло пробормотал Фигура. Он по-

нял, чем отличается Тимур от других, от него, Фигуры: у Тимура в душе с юных дней (и не таясь!) горит пламя, «пламень», как говорили в старину.

Мне хотелось бы спросить каждого, кто читает сейчас журнал:

— А у вас в душе горит пламень?

Погодите отвечать... Давайте подумаем: что это такое? Какое пламя с юных лет должно гореть в душе человека?

В свое время каждый из вас поклялся перед Красным знаменем, перед своими товарищами до конца бороться за дело Коммунистической партии. С тех пор каждому часто приходится повторять: «Всегда готов! Всегда готов к борьбе за дело Коммунистической партии». Заметим: не в будущем готов, не готовишься, а уже сейчас, сегодня, сию минуту готов к борьбе.

Вот это «Всегда готов!» — священный девиз пионера — и есть тот пламень, который горит в душе каждого.

«Я всегда готов! — говорит пионер.— Что нужно делать для партии? Учиться? Я готов учиться, стиснув зубы, сжав кулаки, как бы трудно мне ни приходилось. Работать? Я всегда готов работать, даже если пот зальет мне глаза, а руки покроются кровавыми мозолями. Я всегда готов прийти на помощь другу, на помощь людям. У меня нет личных дел, которые нельзя было бы отложить в сторону, если я нужен своему отряду, если во мне кто-то нуждается».

Для Тимура слова «Всегда готов!» были самыми главными на свете. Он действительно был готов к борьбе всегда, при любых обстоятельствах.

Помните, ночью позвонила ему дочь командира Женя Александрова?

Тимур сразу помог ей в беде.

Помните, в «Клятве Тимура» товарищи отказались идти с ним полоть колхозный огород, таскать воду семьям красноармейцев?

Тимур идет один... И товарищи поняли свою ошибку, вернулись к нему.

Не надо великих слов, грандиозных планов, не надо шума и трескотни. Пионер не болтает, он делает. Он просто помнит, каждую минуту помнит: «Всегда готов! Всегда готов!» Эта клятва пламенем горит в его душе, и ведет его, и подсказывает ему, что надо делать, как поступать, за что сражаться.

Глубоко ошибаются те, кто думает, что Тимур — это только в книге, а в жизни Тимуров не бывает. Совсем недавно я случайно попал в маленькую восьмилетнюю школу в Нымме — есть такое место под городом Таллином, в Эстонии. Там меня познакомили с председателем совета дружины. Его зовут Як, фамилия его Гросс. Як Гросс учится в седьмом классе. Он пионер-инструктор по девяти специальностям. Он замечательный пловец, прыгун, фотограф, лыжник, костровой, танцор, санитар, баскетболист, турист. Он организовал ребят, и они вместе отремонтировали комнату в одном старом доме, так что школа получила лишний класс и еще тридцать ребят стали заниматься в первую смену.

Но нечего расписывать «чужих» Тимуров. Давайте будем ими сами.

И помните: Тимуром нельзя стать в одиночку. Надо уметь дружить.

С этого номера журнал «Пионер» открывает школу дружбы, школу Тимуров. Кто хочет научиться дружить по-настоящему, кто хочет стать настоящим человеком (ведь только такие люди умеют дружить), всех приглашаем в нашу школу.

ВОТ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Если ваш отряд недружный и нет у него никаких дел, соберите двух-трех друзей и принимайтесь за работу. Не надо устраивать сборов о дружбе, не надо говорить о дружбе. Просто пусть три-четыре человека организуют теневой театр для малышей, или возьмут в колхозе овес, прорастят его дома и дадут на ферму зеленый корм, или начнут строить снежную горку для всех ребят, или каждый научит хоть одного человека кататься на коньках... Дел можно придумать много, только надо соблюдать два закона:

1. Не в одиночку, а вместе.

2. Вместе — для всех.

Кто решил поступить в школу дружбы, пусть напишет нам, что он уже сделал для того, чтобы стать Тимуром, и что решил сделать. Пусть под каждым письмом будет хотя бы три-четыре подписи. Не забудьте поставить на письме знак Тимура — красную звезду.

Итак, ребята,

— Будьте готовы!

Вожатый Сима Соловьев

СЛАВНЫЕ ЗНАМЕНА

В октябре 1955 года Первая советская антарктическая экспедиция отправлялась в свой далекий и трудный путь. Провожать полярников пришли и пионеры 661-й московской школы. Ребята принесли им подарок — знамя своей дружины. Принимая

его, начальник экспедиции Герой Советского Союза Сомов от имени полярников торжественно обещал, что с этим знаменем они преодолеют все преграды и водрузят его на земле Антарктиды.

Через несколько месяцев в школу пришла телеграмма:

«19 мая, в день рождения пионерской организации имени В. И. Ленина, на станции «Пионерская» в 9 часов утра в антарктическую метель под салют разноцветных ракет рядом с Государственным флагом нашей Родины было поднято знамя пионерской дружины № 661 города Москвы».

Пионерское знамя, поднятое на мачту рядом с Государственным флагом Советского Союза, стало символом крепкой дружбы между полярниками и всеми пионерами нашей Родины.

А когда участники Первой антарктической экспедиции закончили свою работу и вернулись в Москву, они привезли с собой и пионерское знамя, чтобы снова вернуть его в школу. И еще они решили передать дружине на вечное хранение свое знамя, знамя полярников станции «Мирный».

Географ Дралкин, магнитолог Губанов, радист Ветров и другие участники экспедиции побывали в гостях у пионеров, рассказали им, в каких трудных и суровых условиях им приходилось работать в Антарктике. Ребят интересовало все: как чувствовали себя полярники при морозе в 70—80 градусов, как они выбирались из своих палаток, когда их занесло сугробом толщиной в восемь метров, расспрашивали о последних данных глубинных измерений, о том, почему в Антарктиде нет насекомых, и, конечно, больше всего о пингвинах. Ведь одно дело — прочитать обо всем этом в книжке, а совсем другое — услышать рассказ самих участников экспедиции.

Полярники подарили ребятам огромный ключ (оказалось, это символический ключ от станции «Пионерская»), альбом, посвященный жизни экспедиции в Антарктиде.

И теперь в актовом зале школы появился «Уголок Антарктиды»; там хранятся оба знамени, побывавшие почти у самого Южного полюса, подарки, письма, телеграммы полярников.

На снимке слева внизу вы видите эти славные знамена, два других снимка сделаны в Антарктиде.

Г. Седельникова

А вот другое знамя. Давно, еще за несколько лет до войны, его вручили пионерам 329-й школы старые большевики Бауманского района Москвы.

С тех пор стало традицией все важнейшие дела дружины решать у этого знамени. А больших, важных дел выполнено немало. Вот хотя бы этот актовый зал — все в нем оборудовано руками самих ребят. Красивый тяжелый занавес куплен на деньги, которые получили за собранный металлолом. По сбору металлолома школа держит первое место в районе.

В школе много цветов, на одном из этажей — целая картинная галерея. Неплохо поработала дружина и во время капитального ремонта школы: ребята и парты сами красили, и полы настилали, и весь мусор потом сами вынесли.

Но, может быть, одно из самых интересных дел, задуманных ребятами,— написать историю своего знамени, создать летопись жизни пионерской дружины.

Ю. Островский

Юрий НАГИБИН

Рис. Ф. Лемкуля.

Шампиньоны

ИЗ КНИГИ «ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»

Все свое детство я собирал утиль: металлолом, пустые бутылки и с особым усердием бумагу. В начале тридцатых годов в стране был бумажный голод, и мы, школьники, испытывали это на себе. Каждый тетрадочный лист нам полагалось использовать с предельной плотностью. Бывало, учителя снижали отметку на контрольной за слишком размашистый почерк. Каким же радостным событием было развернуть новенькую тетрадь или припахивающий клеем альбом для рисования! Изредка тетрадочные листы были плотными, глянцевитыми, белыми — с голубым отсветом от линеек,— чаще — газетно-тонкими, серыми, с крупными волокнами, а то и с плоскими кусочками древесины. Я любил выковыривать из бумаги эти бедные останки погубленных деревьев — мои тетрадочные листы напоминали сито.

Когда наша новая вожатая Лина Кузьмина объявила «бумажный аврал», для нас это было желанным делом.

— Собирать будем на почтамте? — деловито спросил Карнеев.

— На почтамте, само собой,— ответила Лина.— Но каждый должен посмотреть и у себя дома, нет ли старых газет, обоев, всякой, как говорит моя бабушка, лохматуры!..

Как важно бывает одно вовремя сказанное слово! После Шаповалова у нас сменилось четверо вожатых, и ни одному не удалось поднять дух отряда до прежнего накала, ни с одним не возникло настоящей душевной близости. Шаповалов был горяч, речист, честолюбив, взрывчат, притом доступен и прост. После него к нам приходили какие-то надутые и замороженные молчальники. Возможно, задержись кто-либо из этих вожатых подольше — и лед был бы сломан. Но председателю базы Мажуре не терпелось поднять активность некогда лучшего отряда в школе, и вожатые менялись у нас что ни месяц.

Вот потому незамысловатая шутка Лины Кузьминой вызвала радостную, дружную улыбку на всех лицах. На нас сразу повеяло чем-то простым, добрым, открытым, мы признали в Лине своего человека. А Лина и правда была хоть куда: крепкая, мускулистая, с решительными стальными глазами, и если проглянуть кукушечью пестроту ее веснушчатого лица, то очень красивая: нос с легкой горбинкой, нежный и строгий овал, легкий пушок над чуть вздернутой верхней губой.

И я с былым победным задором крикнул:

— Второе звено, за мной!..

Мы пошли на Чистые пруды. Морозы в этом году нагрянули сразу после Ноябрьских праздников. На многих деревьях еще сохранились медные листья; тревожимые ветром, они жестко терлись друг о дружку. Снега не было, лишь в желобках твердо скованных песчаных дорожек, у подбоя бурого с зелеными прожилками газона белела сухая крупка. Мы шли, давя каблуками хрусткий ледок, затянувший лужи. Широко и светло блеснул всем своим чистым зеркалом замерзший пруд. По краю, оскальзываясь сбитыми сапогами, словно прибуксовывая, шел сторож со скребком и зачищал неровности.

— Скоро каток откроется...— мечтательно сказала Нина Барышева.

В этом году классы были перетасованы, мы оказались с Ниной в одном классе и в одном звене. И еще несколько ребят из звена Карнеева попало к нам. Но в глубине души они остались верны старым знаменам. Это стало ясно, едва начался разговор.

— Кровь из носа, мы должны побить Карнеева! — сказал я.

— Держи карман шире! — как на пружинке, подскочил маленький альбиносик Костя Чернов.

— Конечно, побьем! — уверенно сказала Лида Ваккар.

— Всегда мы вас били и сейчас побьем! — Чернов яростно вытаращил свои кроличьи глазки.

— Притормози, Костя,— остановил его я.— Ты, кажется, забыл, в чьем ты звене.

— Как в чьем?.. А, ну да...— Чернов не то чтобы смутился, а как-то опечалился.

И я опечалился: трудно рассчитывать на успех, если и другие ребята, перешедшие к нам из звена Карнеева, разделяют чувства Чернова. Я взглянул на Нину Барышеву.

— А тебе не все равно, Чернов, где работать?..— лениво проговорила Нина.

— Кабы было все равно, то лазили б в окно...— пропищала Тюрина, «девочка в тигровой шкуре»: она носила шубку из шкуры тигра, убитого ее отцом на Амуре.

Мимо нас, поддавая ногой консервную банку, грохотавшую на твердо промороженной земле, как танк, прошли Калабухов, курносый предводитель чистопрудных ребят Лялик и его адъютант Гулька. Калабухов бросил на меня злобный взгляд — сидел на скамейке рядом с Ниной,— но воздержался от враждебных действий.

Уже смеркалось, когда, составив план действий, мы двинулись по домам. В лиловатом воздухе, какой бывает в Москве погожим морозным днем поздней осени, мягко таяли деревья, и свет рано зажегшихся фонарей казался серебряным. Мы шли с Ниной по главной аллее в сторону Телеграфного переулка.

— Меня все-таки очень беспокоит Чернов и компания,— говорил я.— Мы должны обязательно победить, а то все развалится. Ребятам надоело, что мы какие-то второренькие...

— А разве можно приделать человеку чужие руки? — неожиданно спросила Нина.

— Какие руки?

— Ну, помнишь, Конрад Вейдт...

— А, «Руки Орлаха»! Да чепуха все это!..

— Какие у него глаза! — сказала Нина.— Я ни у кого не видела таких глаз. Запавшие, огромные...

— Послушай,— прервал я,— может, мы зря включили Чернова, Тюрину и Сергиенко в одну бригаду?

— Ох! — сказала Нина.— Настали веселые времена. Кроме утиля, ты уже ни о чем не можешь говорить!..

Это была правда: когда меня что-нибудь захватывало, я, будто лошадь в шорах, уже ничего не видел по сторонам. И тут я понял вдруг, за что еще так люблю пионерскую работу, в особенности авральные дела. В эту пору я немного отдыхал от той постоянной, изнурительной заботы, какой была для меня Нина. Ведь вот, я даже не сразу понял, что взамен Витьки Шаповалова у меня появился новый соперник — Конрад Вейдт. Все девчонки влюблялись в киноартистов, но отвлеченная любовь не мешала их романам с одноклассниками. А Нина отдавала им свое сердце безраздельно, будто герой мог сойти с экрана и принять ее дар.

Мы замолчали. По освещенной фонарями земле наперерез мне текла четкая и стройная Нинина тень. И вот по этой тени я впервые увидел, как сильно изменилась она за годы нашей дружбы. Прежде ее коротенькая, круглая тень катилась колобком, потом она стала все утоньшаться и вот сейчас, повзрослев раньше своей хозяйки, стала тенью маленькой женщины. И я пожалел, что не могу сейчас же ринуться в бумажный водоворот...

Мы перешли линию трамвая. В устье Телеграфного переулка маячили знакомые фигуры: Калабухов, Лялик, Гулька. Они поджидали нас, вернее, меня. Тут не отделаешься маленькой дракой. До чего же не вовремя! Я не смогу явиться завтра на почтамт с разбитым лицом.

— У тебя есть медяки? — спросил я Нину.

— Тебе нельзя сейчас драться,— быстро сказала она,— ступай к Хорькам.

На углу Телеграфного и Чистых прудов в полуподвальном этаже жили два брата с нелепой фамилией Хорок, старший из них, Миша, учился с нами в одном классе.

— Что скажешь о новой вожатой? — спросил Толя.

— А зачем я к ним пойду? — проговорил я нерешительно.

— У них мать в театре работает, пусть Мишка притащит старые афиши!

— Ну, что же,— я улыбнулся,— благородный повод, чтобы не дать набить себе морду. До завтра!..— Я помахал Калабухову рукой и сбежал вниз по крутым ступенькам...

От своей матери, цыганской певицы, братья Хорок унаследовали южную смуглоту лиц, глаза, как влажные маслины, жесткую кудрявость иссиня-черных волос. Старший, Миша, был тучный подросток, с томной округлостью движений, сонно приоткрытым ртом, лентяй и меланхолик. Мне думается, в какой-то мере его меланхолия была порождена однообразной и утомляющей необходимостью сто раз в день объяснять разным людям, почему он «Хорок», а не «Хорек», коль уже носит такую фамилию.

Младший, Толя, такой же смуглый, кудрявый и черноглазый, во всем остальном был вовсе не похож на брата: худенький, с подвижными, тонкими мускулами лица, с быстрыми, всегда занятыми руками, полный неиссякаемого любопытства к окружающему. Старший с неохотой влачил по жизни свое залежавшееся тело, младший, весь напоенный внутренним движением, был прикован к постели детским параличом.

Когда я вошел, Толя, высоко подпертый подушками, мастерил что-то из кусочков картона.

— Здорово, Ракитин! — закричал он радостно.

Миша валялся на тахте, он только закатил глаза, показав голубые белки, и вздохнул.

— Что скажешь о новой вожатой? — жадно спросил Толя.

— Поживем — увидим,— ответил я удивленно, хотя уже мог бы привыкнуть к тому, что Толе ведомы все наши школьные дела.— А как продвигается дрессировка Мурзика?

— Неважно. По-моему, Мурзик считает меня никудышным дрессировщиком...— Толя вдруг сделал большие глаза и приложил палец к губам.

Со стороны тахты слышалось сонное бормотание:

Грустно алый закат смотрел в лицо...
Грустно алый закат смотрел в лицо...

Я обомлел: Хорок-старший сочинял стихи! Вот уж не думал, что он способен на такой лирический подвиг!

— Грустно алый закат...— томно простонал Миша и замолк, по-судачьи приоткрыв рот.

— Плохо твое дело, Ракитин,— сказал Толя.— Знаешь, кому посвящены стихи?

— Заткнись...— вяло донеслось с тахты.

— Вон как! — догадался я.—Бедный Конрад Вейдт.

— А что? — заинтересованно спросил Толя.—У Нины новый герой?

— Да... В «Маяке» подряд шли «Человек, который смеется» и «Руки Орлаха»... Братцы, вот какое дело. Ваша мать работает в театре, там до черта старых афиш и вообще всякой лохматуры...— Я невольно повторил выражение Лины.

— Опять утиль?..— с унылым отчаянием произнес Миша.

— Да, опять!.. Кстати, почему ты не был на сборе?

Миша не ответил.

— Зубная боль в сердце,— засмеялся Толя.— «Грустно алый закат смотрел в окно»...

— Хотя бы один мешок,— сказал я Мише заискивающе.

— Мешок? — повторил Миша, приподнявшись на локте.— Чтоб я потащил мешок?..

— Мешка мало! — решительно сказал Толя, и глаза его загорелись.— Он притащит два мешка!

— Сумасшедший!..— пробормотал Миша.
— Мое условие: стихи против двух мешков.
— Стихи?..— недоверчиво, но с любопытством повторил Миша.— Какие стихи?
— Твои собственные, я только их докончу. Идет?
— Идет!
— Пиши...— Толя на миг задумался, сморщив свой маленький смуглый лоб, затем быстро прочел:

Грустно алый закат смотрел в лицо.
Я сидел у окна и ел яйцо.
Вдруг подходит она, на ней нет лица,
Стало жаль ее, не доел яйца!..

Я расхохотался, но Хорок-старший даже не улыбнулся. Он взял карандаш и стал записывать стихи. Я с чувством пожал сухую горячую Толину руку,— почин был сделан...

На другое утро до занятий наша тройка — Нина Барышева, Павлик Аршанский и я — отправилась на почтамт. В семь часов утра на дворе еще была ночь, устало горели фонари; визгливо скрипнув примороженными петлями, глухо хлопали двери парадных. Наш тихий Телеграфный переулок даже в праздники не бывал таким людным. Обгоняя друг друга, шли на работу печатники, наборщики, брошюровщики, офсетчики, переплетчики, населяющие наш дом.

— Помнишь?..— сказал Павлик.

Конечно, я помнил. Таким же вот ночным осенним утром мы шли с ним четыре года назад на почтамт, чтобы взять последнюю преграду, отделяющую нас от красных галстуков. Какими мы были маленькими, робкими, как боялись, что нас не пропустят в священные недра почтамта! А сейчас мы ветераны, пионеры последнего года, нас ждет новая высота — комсомол, и даже поверить трудно, что мы уже такие взрослые...

Мы суем в крошечное окошко пропускной наши ученические билеты. Рослый человек в шинели пожарника и командирской фуражке придирчиво проверяет наши пропуска.

— Мы у вас уже были,— говорит Павлик.
— Что-то не помню,— подозрительно оглядывает нас вахтер.
— Ну как же, года четыре назад!
— Вон куда хватил!..— смеется вахтер и отдает нам пропуска.
— А тут до нас ребята не проходили? — спрашиваю я.
— Не видал...

Чудесно, на этот раз Карнеев не успел перебежать нам дорогу!

По крутой лестнице мы поднялись наверх. Миновали площадку и будто из тоннеля вырвались в огромный светлый простор. Слева, за барьером, в гигантском провале, пустынный по раннему часу зал, где происходят все почтовые операции; над ним возносится стеклянный купол, как на вокзале, справа в бесконечно повторяющихся светлых помещениях обрабатывается, сортируется, распределяется, пакуется вся корреспонденция, посылки, газеты, журналы, рассылаемые по подписке. Без устали шуршат на быстрых роликах резиновые ленты конвейеров, на них плывут разноцветные толстые конверты, пакеты, залитые темной сургучной кровью, татуированные штемпелями и печатями, кипы газет, посылки в фанерных ящиках, иногда голых, иногда в серой холстине, перевязанные бечевой. Ленты передают кладь друг дружке, а затем сбрасывают в темный зев приемника, который мягко обрушит их на конвейер этажом ниже. Бесшумно проносятся электрокары со штабелями газет, попискивают вертким передним колесом ручные тележки...

Волнующее чувство дороги, пространства, расстояний охватило меня. Подобное чувство я всегда испытывал на вокзале. Да почтамт и был вокзалом, не только потому, что его перекрывал вокзальный ку-

Мы перетаскали чертову уйму мешков, а общий вес не достиг и тридцати килограммов.

пол и вся его громада напоена движением. Как и вокзал, почтамт также творил разлуки и свидания, расставания и встречи, уносил в широкий мир человеческие радости, надежды, печали; как и вокзал, он был пронизан неведомыми далями, манящим зовом дорог.

Я заметил, что Нина будто завороженная смотрит на плывущий по конвейеру голубой конверт. Там, где под лентой крутился ролик, конверт чуть приподымался, перекатывался через горбинку и вновь бережно укладывался плашмя; казалось, он наделен самостоятельной устремленностью, он словно знает, как важно скорее и в сохранности донести свое содержимое до адресата.

— Ты в первый раз здесь? — спросил я Нину.

— Да. Мне так нравится! Можно, я буду каждый день собирать тут бумагу?

— На здоровье!

— А почему ты не пишешь мне писем?.. Они бы тоже плавали на этих лентах, и никто бы не мог догадаться, что там написано.

— Что же мне писать, ты и так все знаешь.

— Может, в письмах будет интереснее?..

— Я попробую...

— Иду сдавать,— послышался голос Павлика.

Пока мы разговаривали, он не терял времени даром и уже собрал полный мешок. Мы тоже взялись за дело. Почтамт был золотым дном. Нам попадались целые кипы газет, испорченных бечевой при транспортировке, огромные куски рваной оберточной бумаги, испачканные и, видимо, потому списанные в брак брошюры, обрывки картона, негодные конверты, не говоря уже о всякой «лохматуре».

Один за другим рысью проносили мы набитые бумагоутилем мешки через двор почтамта на приемочный пункт, расположенный в углу двора под навесом. Старик приемщик шмякал на весы мешок и, кряхтя от усердия, выписывал корявыми пальцами квитанцию. В помещении было очень тепло, даже жарко, а во дворе, так забитом машинами, что, казалось, им сроду не разъехаться, пронзительно холодно. И этот сбивающий дыхание сухой, морозный холод был удивительно приятен, он подстегивал нас, хотелось скорее набить мешок и окунуться в студеную свежесть двора. Жаль только, что бумага так мало весит, мы перетаскали чертову уйму мешков, а общий вес не достиг и тридцати килограммов.

Но, узнав в школе, сколько собрали другие ребята, мы поняли, что трудились не зря. Все звено Карнеева не собрало и одного пуда!..

Удачный рывок на какое-то время вывел нас в герои, только для нас сверкали стальные Линины глаза. А дальше все удручающе напоминало историю со сбором средств на торпедный катер. Звено Карнеева медленно и неуклонно стало нас нагонять. Я ничего не понимал. Наши бригады добросовестно ходили на почтамт, собирали бумагу по квартирам своих домов, Хорок притащил два мешка со старыми афишами и лоскутьями какой-то толстой разноцветной бумаги, а просвет все сокращался. Тщетно витийствовал я на сборах звена, призывал, умолял, язвил ребят, тщетно рисовал картину страшного позора, который нас ждет, если мы опять окажемся побежденными. Наши звенья так основательно выскребли почтамт, что ежедневная «добыча» в его цехах не превышала четырех-пяти килограммов. Свои дома ребята тоже облазили сверху донизу, и теперь им доставались жалкие поскребыши. Можно было подумать, что Карнеев и его ребята творят бумагу из воздуха.

Как и прежде, бессильный найти новые пути, я обратился к собственным ресурсам. В течение нескольких вечеров мы с Павликом перебирали библиотеку моего покойного деда. Я беспощадно зачислял в утиль ценные книги и альбомы по медицине, комплекты медицинских журналов, французские романы в желтых обложках, разрозненные тома «Британской энциклопедии», труды древних философов, дореволюционные иллюстрированные издания. Да, беспощадно, но не безжалостно. С малых лет я был приучен любить и уважать книгу. У меня мучительно сжималось сердце, когда мы отправляли в грязноватый мешок из-под картофеля толстый том в чудесном переплете, с атласной бумагой и яркими рисунками под тонкой папиросной бумагой или журнал с фотографиями старинных русских усадеб, парков, фонтанов, садовых клумб. Но передо мной всплывало худенькое насмешливое лицо Карнеева, и жалость отходила. Павлику это давалось едва ли не труднее, чем мне. Почти про каждую книгу он убежденно говорил:

— Ну, эту мы, конечно, оставим...

Фальшиво-беспечным тоном я говорил: «Дребедень!» или «Устарело!» — и швырял книгу в мешок.

Мы с трудом оттащили на приемный пункт два огромных туго набитых мешка. А потом на сборе звена я говорил, размахивая квитанциями:

— Почему мы с Павликом смогли за день сдать тридцать килограммов, а другие не могут? Сейчас бы поднажать всем дружно — и победа в кармане!..

— «Поднажать», «поднажать», только и слышишь!— с непонятной горечью сказал Чернов.— А чего нажимать-то, когда бумаги нету? Нету — все!..

— Просто ты работать не хочешь! — резко возразил я.— Небось, у Карнеева так бы не рассуждал.

— Факт, нет! — Чернов вызывающе вскинул свою кроличью мордочку.— Карнеев нас сроду не уговаривал и не подстегивал. Просто мы собирались и думали, как бы получше, поинтереснее сделать...

— Петух думал, думал да издох!.. Надо работать, а не трепаться. Мы обогнали Карнеева и не уступим ему!..

И все-таки перед последним днем соревнования звено Карнеева снова вышло вперед. И я знал, что Карнееву не пришлось опустошать для этого дедушкину библиотеку, что его ребята не надрывались, как наши, выискивая в своих домах и дворах каждую завалящую бумажонку, что и на почтамт он ходил реже нашего, что ради сбора бумагоутиля они не забросили всю остальную работу. А все-таки они были впереди, пусть ненамного, но впереди. На них работали «дворовые дружины» — изобретение Юрки Петрова. В каждом чистопрудном дворе они сколотили отряды из малышей-дошкольников, которые и занимались сбором бумажного мусора в своем доме. За это «карнеевцы» водили ребятишек по воскресеньям в зоопарк или на детские утренники в кино «Маяк»; кроме того, Юрка Петров обещал им создать школу фигурного катания на коньках.

На совете отряда я обжаловал незаконное использование детского труда, но Лина Кузьмина сказала, что это просто замечательно: ребятишки сызмальства втягиваются в общественную жизнь, и Карнеев с Петровым черт знает какие молодцы!..

В последний день наша тройка снова отправилась на почтамт. Если у меня еще оставалась маленькая надежда на успех, то она рассеялась в дым, едва мы вступили в цеха. Наверное, сходное чувство испытывает старатель, когда обнаруживает, что золотоносная жила выработана до конца. Изредка попадаются чешуйки золота, но уже ясно: больше здесь делать нечего. Мы уныло бродили с этажа на этаж, подбирая лоскутки бумаги, даже заглядывали в урны, но мешки оставались тощими, легкими. Смешно бы-

ло думать, что мы соберем те двенадцать килограммов, которые отделяли нас от Карнеева.

«Проиграли! — стучало у меня в мозгу.— Опять проиграли!» До боли отчетливо я представил себе торжество Карнеева, уныние наших ребят и ту безнадежную, серую будничность, какая приходит за поражением. Нелегко мне будет теперь расшевелить звено, да и каким авторитетом может пользоваться вожак, идущий от поражения к поражению? Ох, как важно было выиграть! Важно не только для меня — для всего звена, и чтобы навсегда заткнулся Чернов, подрывающий доверие ребят ко мне!..

Вокруг меня громоздились горы бумаги; бумага плыла на резиновых лентах, бумагу развозили на электрокарах и ручных тележках, бумага водопадом низвергалась из широких зевов штолен, соединяющих этажи, бумага пахла, шуршала, шелестела... Я смотрел, как размашисто, грубо хватают работницы кипы газет, чтобы перенести на другое место. Будь бумага из стекла, она разлетелась бы вдребезги, и все осколки достались бы мне. А вот развалили целый штабель брошюр, будто дом рухнул. А бумаге хоть бы что! Какой дьявольской прочностью обладают эти тонкие, легче воздуха, листки!

Я стоял в полутемном углу цеха, загроможденном связками брошюр. «Как разводить шампиньоны» — рассеянно ухватил глаз название верхней брошюры. И все другие пачки вокруг меня заключали руководство по разведению шампиньонов. На что тратится бумага! Бумага, которая так нужна нам для сдачи в утиль! Бумага, которая могла бы стать тетрадками в клетку по арифметике и в линейку по русскому языку! Я приподнял одну связку. Натренированное плечо определило ее вес в четверть пуда. Передо мной было никак не меньше тонны прекрасной бумаги. Ну кто разводит шампиньоны? Я четырнадцать лет прожил на свете и не встречал человека, разводящего шампиньоны. А шампиньоны я видел в Саратове, они росли прямо на мостовой, среди булыжников, перед нашим домом. Никто их там не разводил, они росли сами по себе, в сухой земле, круглые, пыльные, похожие на картофельные клубни. Целыми семьями погибали они под колесами телег, под копытами лошадей и волов, превращаясь в розоватую кашицу.

Я не колебался больше. Четыре пачки, одна за другой, легли на дно моего мешка. Я замаскировал их сверху всяким бумажным мусором и побежал на приемный пункт.

Я не испытывал ни страха перед разоблачением, ни угрызений совести, только огромную, победную радость оттого, что мне так сказочно повезло. И эта радость вспыхнула еще ярче, когда я выбежал во двор. За часы, что мы торчали на почтамте, выпал снег, первый снег этой ранней зимы. Белый, нежный, пушистый, девственно чистый, он покрыл двор, брезентовые крыши и капоты грузовиков, угольно-черные ветви засохшей липы, сиротливо торчащей посреди двора, навес над приемным пунктом. Он принес с собой ту особую прозрачную тишину, какую слышишь лишь при первом снеге, вмиг приглушающем все звуки, шаги, шум колес. С радостной улыбкой вбежал я под навес и уронил тяжелый мешок на весы.

— Простудишься, труженик! — добродушно сказал старик приемщик, накладывая на отвес круглые плоские медные гирьки.

— Да ничего! — беспечно ответил я.

И так же беспечно и радостно смотрел я, как он опорожнял мешок над большим деревянным ящиком, как тяжело вывалились оттуда кипы брошюр и смешались с бумажным мусором. Меня ничуть не тревожило, что приемщик может заметить эти брошюры. И старик не заметил, он поправил очки с подвязанными ниткой дужками и сел выписывать квитанцию.

Бережно сложив и спрятав в нагрудный карман квитанцию, удостоверяющую, что мною сдано восемнадцать килограммов бумагоутиля, я вышел из-под навеса. Навстречу мне через двор плелись со своими тощими мешками Нина и Павлик.

— Ты уже?..— удивился Павлик.

— Ага...— Я небрежно махнул рукой.

Видимо, их мешки были так легки, что я даже не услышал того привычного лязгающего звука, какой издают весы, когда на платформу опускается груз.

— У нас одна квитанция,— смущенно сказал Павлик, выходя с Ниной из-под навеса,— на пять килограммов.

— Значит, всего двадцать три...

Павлик, всегда сдержанный, скупой в проявлении чувств, содрал с головы ушанку, кинул в снег, придавил ногой, затем, не отряхнув, нахлобучил на затылок и двумя руками пожал мне руку.

— Ты великий человек! — сказала Нина.— Завтра мы пойдем на каток.

Это была высокая честь. На каток Нину обычно сопровождали старшеклассники.

В проходной мы столкнулись с Карнеевым и еще двумя ребятами из его звена.

— Зря идете, братцы,— сказал им Павлик.— Там пусто.

— Неужто нам ничего не оставили? — улыбнулся Карнеев.

Меня всегда раздражала его улыбка, какая-то слишком легкая, случайная и оттого словно бы пренебрежительная.

«А вдруг он догадается сделать то же, что и я?» — мелькнула испуганная мысль. Но тут же я понял, что Карнееву и в голову не придет подобное, хотя бы он сто раз проиграл соревнование. И мне стало душно, словно лежащая в кармане квитанция придавила мне грудь всей обозначенной в ней тяжестью...

— А где разводят шампиньоны? — спросил я Павлика, когда мы уже приближались к дому.

— Понятия не имею,— удивленно ответил Павлик.— Я думал, грибы нельзя разводить.

— Кроме шампиньонов,— вдруг сказала Нина.— Их разводят во Франции, я читала.

— А у нас разводят?

— Наверное... Они вкусные!

— Да уж и вкусные!..— сказал я с болью.— Что я, шампиньонов не видал?

— Видать видал, а едать не едал! — пробормотал Павлик.

Нина засмеялась.

— Самые вкусные грибы на свете! Моя бабушка жарит их в сметане — пальчики оближешь!

— Ну и черт с ними!..— сказал я.

Лина Кузьмина говорила долго. Отряд вышел на первое место в базе, и Лина, самая молодая вожатая, внутренне ликовала. Маскируя свое ликующее чувство, она с нарочитым спокойствием и ненужной обстоятельностью рассуждала об итогах соревнования. Особенно много внимания уделила она «замечательной инициативе 1-го звена», привлекшего к сбору бумаги малышей. Можно было подумать, что Петров с Карнеевым открыли новый материк. Она даже обмолвилась, что это самый ценный результат соревнования. Можно было подумать, что победили не мы, а первое звено. И странно, меня это почти не трогало. Хотелось лишь одного: чтобы все скорее кончилось.

Не такой рисовалась мне победа. Я думал, это будет самый счастливый день в моей жизни, а мне было томительно и пусто. Я глядел на знамя, распластанное по стене, на золотой горн; обычно один их вид подымал мою душу, а сейчас и знамена и горн казались чужими, холодными.

Но вот каким-то будничным голосом Лина сказала:

— Все же победу в соревновании одержало второе звено.

Громко и дружно вспыхнули аплодисменты, словно легкая волна пробежала по кумачовому полотнищу знамени.

— Мне хотелось отметить лучших,— продолжала Лина,— но Ракитин говорит, что лучшие — это все звено!..

— Неправда! — вскочил Чернов.— Мы плохо работали. Почти всю бумагу собрал сам Ракитин!..

— Не преувеличивай, Чернов...— пробормотал я, скромно потупясь. И тут же до меня дошел другой, ядовитый смысл им сказанного.— Неправда! — без передышки, но уже в ином тоне крикнул я.— Все собирали, и ты собирал!

— Да что мы собрали!..— махнул рукой Чернов и сел.

Наше звено возмущенно загалдело. Прав Чернов или нет, сейчас это никого не интересовало; ребят обозлило, что он наводит тень на нашу победу.

— Тише, товарищи! — Лина стукнула ладонью по столу.— Если звеньевой показывает пример в работе, в этом нет ничего плохого...

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась повязанная платком голова коридорной нянечки.

— Кузьмина, тебя к директору требуют!

— У меня сейчас сбор! — блеснула стальными глазами Лина.

— Да я ему говорила, а он велел срочно...

— Подождите, ребята,— сказала Лина и вышла из комнаты.

Когда Лина вернулась, глаза ее казались не стальными, а свинцовыми.

Она села за свой столик, сжала виски длинными пальцами, затем тряхнула головой и тихо сказала:

— Большая неприятность, ребята. С почтамта поступило заявление: кто-то из пионеров сдал в утиль связки с брошюрами.

Вспыхнул короткий смешок и, будто удавленный, смолк.

— А зачем?..— удивленно проговорил кто-то.

— Небось, для веса,— пояснил Ладейников.

— Чепуха! — громко и брезгливо сказал Карнеев.— Никто из наших не мог этого сделать!

— Помолчи, Карнеев! Директор хотел прийти сюда, но я сказала, что мы сами разберемся. Кто был сегодня на почтамте?

— Я, Цыганов и Васильева, а из второго звена — Ракитин, Барышева и Аршанский,— с вызовом ответил Карнеев.

«И чего он лезет? — тоскливо подумал я.— Хочет показать, что он ни при чем? Да на него и так никто не подумает...»

— Ну вот,— сказала Лина,— я обращаюсь к названным товарищам: кто из вас это сделал?

— Я! — прозвенел за моей спиной такой знакомый и любимый голос, что я мгновенно узнал бы его из тысячи голосов.

— Ты, Барышева? — недоверчиво произнесла Лина.— Зачем?

— Надоела возня с мусором,— свободно ответила Нина.— А Ракитину подавай мировой рекорд. Ну, я и сунула эти брошюры. Подумаешь, ценность: «Как разводить опенки в сухой местности»!

— А ты понимаешь, Барышева, что ответишь за это пионерским галстуком? — как-то без особого гнева сказала Лина.

Короткое молчание и затем:

— Да!

Я молчал не потому, что хотел схватиться за спасательный пояс, брошенный мне Ниной. Я молчал от счастливой растерянности, от огромного, до боли сладкого чувства, залившего мне душу. Ради меня Нина взяла на себя стыдный и жалкий проступок, не испугалась ни позора, ни кары!..

— Барышева тут ни при чем,— сказал я, вставая.— Это сделал я.

— Ладно прикрывать-то!..— крикнул Ладейников.

— Не валяй дурака! — жестко сказал Карнеев.

Но по тому, как металлически холодно вспыхнули глаза Лины, я понял, что она мне поверила.

— Чем ты докажешь?

— Брошюры назывались «Как разводить шампиньоны» — четыре связки...

Стало очень тихо, лишь за моей спиной любимый голос прошептал:

— Ну и дурак!

— Может, ты потрудишься объяснить, зачем ты это сделал? — со сдержанной яростью проговорила Лина.

Я ничего не ответил Лине, да и не сумел бы я

Я не ответил, и дверь пионерской комнаты захлопнулась за мной.

сейчас объяснить, что заставило меня сунуть в мешок брошюры. Я думал в это время: настанет ли день, когда я буду вспоминать об этом, как о давно минувшем и мне безразличном?

— Ясно зачем,— раздался насмешливый голос Юрки Петрова.— Чтобы победить в соревновании!

— Честно — кишка тонка, так давай на обмане! — крикнул Чернов.

— Это подло! — с отвращением сказал Карнеев. И только его слова попали мне в сердце.

Чем злее и беспощаднее меня осуждали, тем сильнее крепла во мне уверенность, что все кончится благополучно. Мы столько лет дружили, неужели ребята не понимают, что не просто из тщеславия и самолюбия совершил я свой дурацкий поступок. И когда секретарь отряда, новенькая в нашей школе, Женя Румянцева сказала, что я недостоин носить галстук и меня надо гнать из отряда, я усмехнулся, настолько мне это показалось диким.

— Согласны с предложением Румянцевой? — поднялась из-за стола Лина.

Тогда я тоже встал и, ни на кого не глядя, пошел к двери.

— Ракитин, ты куда? — крикнула Лина.

Я не ответил, и дверь пионерской комнаты захлопнулась за мной.

— Нешто уже кончилось? — спросила меня заспанная уборщица, выдавая мне пальто.

— Нет еще.

— А ты чего раньше времени убег? — проворчала старуха.

Я молча выдрал из рукава шапку, нахлобучил на голову и, не попадая в рукава пальто, выскочил из раздевалки.

На чугунных перилах школьного крыльца лежал пушистый молодой снег. Я сгреб его ладонью и отправил в рот. Снег мгновенно стаял в холодную, с металлическим привкусом каплю воды. Я с усилием проглотил эту каплю. Затем я побежал на угол Лялина переулка и купил у лоточника две толстых папиросы «Люкс». Моя мать внушила мне священный ужас к курению. Я всерьез думал, что погибну, стоит мне только закурить. Но я выкурил подряд две толстых, крепких папиросы и ничего не почувствовал, наверное, оттого, что не затягивался.

Неужели из-за одной ошибки можно зачеркивать всю жизнь человека? Еще в первом классе я заболел мечтой о пионерском галстуке. В нашей школе не было звездочки октябрят, и я с огромным трудом пристроился к октябрятам базы ВСНХ. Сборы там происходили вечером, и путешествие от Армянского переулка до площади Ногина требовало мужества. Я не мог попросить у мамы на трамвай, она никогда бы не пустила меня одного в такую даль да еще вечером. Но однажды у меня оказался в кармане гривенник, и после сбора, в одиннадцатом часу вечера, я вскочил в 21-й номер трамвая. Я обнаружил, что еду не в ту сторону, когда под колесами проухал незнакомый мост, маслянисто отблеснула река и в черное небо уперлись гигантские черные заводские трубы. В отчаянии я соскочил на полном ходу на булыжную, сразу ускользнувшую из-под ног мостовую, которую я обрел, лишь больно растянувшись на ней всем телом. А потом меня, словно эстафету, передавали друг другу разные ночные прохожие, пока я, растерзанный, окровавленный и навек потрясенный ночной враждебной громадностью города, не оказался в тихом устье Армянского переулка. Почти год ходил я на площадь Ногина, работал там рубанком и стамеской, ножницами и клеем, и за этот год выяснилось, что мои родители не имеют никакого отношения к ВСНХ. Меня выгнали.

Мой сосед по квартире и старый друг Колька Поляков записал меня в звездочку при своей школе. К торжественному дню присяги я красиво оформил ленинский уголок будущего отряда, но к присяге допущен не был, поскольку выяснилось, что я учусь в другой школе... Да, я в полном смысле слова выстрадал красный галстук и ни за что его не отдам. Вся история моей пионерской жизни прошла у меня перед глазами, пока я слонялся вокруг школы, куря папиросы. И чем больше я думал, тем сильнее убеждался, что я хороший человек и нельзя так поступать со мной. Ведь я хотел, чтобы ребята поверили в себя, гордились своим звеном, злее работали. А тут еще Чернов постоянно совал мне палки в колеса, да и Тюрина... Может, это Карнеев их подучил? Как это он крикнул: «Подло!» Тоже мне чистоплюй! Сам настраивает против меня ребят и еще орет!..

Все распиравшие меня чувства слились в одно, огромное, как жизнь: в ненависть к Карнееву. Теперь я знал, что мне делать. Это не спасет, не выручит меня, но я должен это сделать, чтобы жить дальше.

Я быстро вернулся к школе и стал в тени подворотни на другой стороне. Ждать мне пришлось недолго. Вот распахнулась дверь, и, кутаясь в свою тигровую шубку, с крыльца сбежала Тюрина. Я глядел на нее и чувствовал, что с наслаждением продырявил бы эту полосатую шкурку со всей ее начинкой.

Гурьбой вышли Ладейников, Панков, Сергиенко и сразу погнали по мостовой консервную банку.

Появились Нина Барышева и Павлик. Они о чем-то говорили, озирались, будто отыскивая кого-то. Я глубже запрятался в подворотню. Но вот Нина почти бегом устремилась к Чистым прудам, туда же медленно, поминутно оглядываясь, побрел и Павлик. Потом высыпала большая толпа ребят и растеклась по переулкам. Наконец показался в своей короткой курточке и кепке с пуговкой Карнеев. Мне повезло: он был один. Задумчиво насвистывая и заложив руки в косо прорезанные карманы, он постоял, поднял воротничок и быстро сбежал по ступенькам.

Я нагнал его под высоким старинным фонарем.

— Ну-ка, постой!

Карнеев остановился, знакомо изогнув тонкие брови.

— Я давно хотел тебе сказать... Ты... ты сволочь... Я тебя вызываю...

Он как-то странно посмотрел на меня. В его долгом взгляде не было ни растерянности, ни удивления, лишь заинтересованность, будто он хотел решить для себя какую-то загадку.

— Ты с ума сошел! — проговорил он наконец.

— Не увиливай!.. Я тебя вызываю!.. Что, побежишь жаловаться, любимчик?..

Губы Карнеева дернулись, но не сложились в улыбку.

— Тебе хочется сорвать злобу? Не понимаю только, почему ты выбрал меня?..

— Ладно трепаться, еще как понимаешь! Кто подначивал ребят против меня?

— Хватит! — с силой сказал Карнеев.— Сумасшедший ты или просто дурак, мне это надоело. Говори, куда идти?

Мы быстро зашагали к Чистым прудам. Там, в левом углу, в стороне Покровских ворот, находилось наше ристалище. Мы давно выбрали это место, где никто не мог нам помешать.

Карнеев все время меня обгонял. Можно было подумать, что ему не терпится в драку. Но скорее всего он просто волновался. Уж кто-кто, а Карнеев не был драчуном. Ростом чуть повыше меня, но щуплый, худенький, он в неписаном школьном реестре зани-

Круг за кругом отмахивали мы по большой дорожке катка.

тивно его натуре, и сейчас он с обычной добросовестностью хотел довести дело до конца. Будь во мне больше истинной смелости, я бы попросил у него прощения, но на это меня не хватило.

Мы подошли к железному ящику уборной. От нее на землю падала густая черная тень, за пределами тени промороженная земля в тончайшей наледи казалась стеклянной.

— Перчатки снять? — спросил Карнеев.

— Как хотите,— ответил Павлик.

— Можно в перчатках...— сказал я.

— Ну, начинай.

— Нет, ты начинай...

— Ты меня вызвал, ты и начинай.

Я ткнул его кулаком в плечо, и Карнеев бросился на меня. Если бы он не был так безрассуден и отважен, все бы обошлось, я совсем не хотел его бить. Но драка имеет свои законы. Обороняясь от сыпавшихся на меня градом несильных ударов, я совсем не нарочно попал ему в нос. Карнеев упал, но тут же вскочил, по лицу его текла кровь.

Павлик протянул ему носовой платок.

— Ничего, ничего!..— Карнеев попытался улыбнуться.

— Высморкайся, — сказал Павлик,— а то дышать не сможешь.

Карнеев высморкался и вернул платок. Потом он довольно ловко ударил меня в

мал по силе одно из последних мест, слабее его были только Чернов да, пожалуй, Миша Хорок. Я же в шестых классах уступал лишь волжанину Агафонову, но тот мог осилить и восьмиклассника. Карнеев никогда не дрался, его и не задевали. Тронуть Карнеева — значило иметь дело со всем первым звеном, а там были серьезные люди.

Около бульвара я заметил Павлика и окликнул его. Это было очень кстати: не полагалось драться без свидетелей.

— Ты не возражаешь против Аршанского?

— Конечно, нет! — улыбнулся Карнеев.

Что ни говори, он прекрасно владел собой. И это его мужество и его слабость, так ощутимая во всей его поджарой фигурке, поколебали мою решимость, мне вдруг расхотелось с ним драться. Я уже не верил, что он подзуживал ребят, впервые за весь этот тягостный вечер я стал сам себе противен.

Павлик, с присущей ему сдержанностью, ни о чем не спросил. Он видел, куда мы направлялись, и молча пошел рядом. У меня мелькнула надежда, что Карнеев, не привыкший к нашим рыцарским церемониям, скажет Павлику что-нибудь шутливое, я подхвачу, и все уладится. Но Карнеев и не думал шутить. Его вынудили принять участие в том, что было про-

челюсть. Я отступил, он прыгнул вперед и заколотил меня по голове. И тут мне показалось, что он совсем неплохо дерется, и я ударил его по-настоящему и еще раз. Он снова упал, встал, плюнул кровью и опять пошел на меня. Я ударил его в скулу, он опять упал.

— Хватит! — сказал Павлик, подавая ему руку.

Карнеев поднялся, под глазом у него натекал синяк, по подбородку бежала темная струйка.

— Ничего не хватит! — сказал он с искусственной, жалкой усмешкой.

Я не мог смотреть на его худенькое разбитое лицо. В горле у меня стоял комок, я чувствовал: еще секунда — и я разревусь. Я умоляюще взглянул на Павлика.

— Хватит! — повторил Павлик.

— Это нечестно! — возмутился Карнеев.

— Ладно, продолжайте.

Теперь я уже злился на Карнеева, злился, что он принуждает меня к драке, принуждает бить его, бить, и жалеть, и мучиться собственной низостью. И только для того, чтобы это скорее кончилось, я перестал себя сдерживать. Кепка слетела с его головы, затем он как-то умудрился потерять перчатку и, падая в очередной раз, ободрал руку о мерзлую землю. На-

верно, это было очень больно, он несколько секунд сидел на земле, зажимая кисть коленями, а когда встал, лицо его было совсем белым.

— Кажется, я вышел из строя,— через силу, спокойно проговорил он.

— Что, доволен? — сказал я от злобы не на него, а на себя.

Набрав в горсть снега, Павлик протянул его Карнееву. Карнеев умылся снегом, стряхнул с лица пропитавшиеся кровью комочки, вынул чистый носовой платок и утерся.

— Доволен,— сказал он,— я ведь никогда не дрался.

— Ты молодец,— сказал Павлик.

— Чепуха! Будь здоров, Аршанский!—Карнеев сделал приветственный жест рукой, и щуплая фигурка его скрылась в тени деревьев.

— Ты бы еще целоваться с ним полез! — упрекнул я Павлика.

Мой друг не ответил.

— А я рад, что набил ему морду! — сказал я.— Иногда это полезно.

Павлик молчал. Такая была у него манера: если он был в чем-либо несогласен со мной или что-то осуждал во мне, он замолкал, и не было возможности его разговорить.

— Слушай, Великий немой, одно ты можешь сказать мне: чем кончился сбор?

— Лина хотела проголосовать твое исключение,— холодно ответил Павлик,— а Карнеев сказал, что это надо сперва обсудить на совете отряда; так и решили.

— Что же ты раньше молчал?

— А ты спрашивал?

— Теперь он меня угробит!

— Кто?

— Карнеев, кто же еще!..

Тут Павлик снова замолчал, и больше мне не удалось вытянуть из него ни слова.

У Меньшиковой башни нам встретилась Нина Барышева, я остановился с ней, а Павлик, не задерживаясь, прошел дальше.

— Ты куда пропал? — спросила Нина.

— Так... ходил... Слушай, как тебе пришло в голову сказать на себя?

Нина засмеялась.

— Я сразу догадалась, что это ты... Мне что — ну, выгонят, потом назад примут, а для тебя — конец света.

— Ну, спасибо.

— Да ладно!.. А знаешь, мне, по правде говоря, нравится, что ты эти брошюры жахнул. Ей-богу! Не всякий бы решился. А я люблю, кто рискует. Победа или смерть! — Она опять засмеялась.

Не знаю, говорила она от души или из желания подбодрить меня, но слова ее не доставили мне радости. Мне совсем не хотелось, чтобы она восхищалась тем, что не было во мне моим, это не приближало, а отдаляло ее от меня.

— Только не ханжи,— будто угадав мои мысли, сказала Нина.— На каток идем?

Я забыл, что сегодня открытие сезона.

— Конечно, пойдем,— сказал я, немного помедлив.

Чтобы не сталкиваться в раздевалке с нашими ребятами, я надел коньки дома и зашагал по хрустким от песка, обледенелым тротуарам к Чистым прудам. Когда я увидел гирлянды лампочек над ледяным полем, услышал музыку, звонко-хрипло рвущуюся из репродукторов, все тягостные переживания оставили меня, тело наполнилось упругой радостной силой, будто предощущением полета.

Я перелез через низкую ограду, проваливаясь по пояс, одолел крутой снежный вал, опоясавший каток, и с отвычки чуть не шлепнулся навзничь, когда лезвия коньков коснулись гладкого зеленоватого льда. Разогнавшись на мысках своих хоккейных коньков, я в резком темпе пробежал метров пятьдесят, четко прошел поворот и понял, что не забыл старую науку. Я круто, на одной ноге затормозил и только успел распрямиться, как кто-то налетел на меня сзади и обнял за плечи.

— А я уж думала, ты не придешь! — сказала Нина.— Решил сэкономить рубль?

— Да нет... Неохота с нашими встречаться. Ну что, рванем?

— А ты не разучился?

— Увидишь!..

Мы взялись наперекрест за руки и побежали в сторону теплушки, наши коньки согласно резали лед. Бежать было легко и приятно, четкий ритм дарил ощущением единства, какой-то понимающей близости. Но это было только разминкой, пробой сил, так не разовьешь большой скорости. И перед поворотом Нина крикнула сквозь громкую музыку:

— Выходи вперед!..

Вот теперь начался настоящий бег. Пригнувшись и закинув левую руку за спину, я пошел неразмашистым, сильным, рубленым шагом. Нина шла за мной, шаг в шаг, держась за мою руку. Если идущий позади слабее тебя, все удовольствие пропадает: тащишь его, как на буксире. Нина бегала не хуже меня, поскольку же мне приходилось одолевать сопротивление воздуха, ей было легче наращивать скорость. Она была не столько ведомой, сколько толкачом, я все время чувствовал нажим ее руки, и это заставляло меня бежать быстрее и быстрее. Врозь нам не удалось бы развить такой скорости.

Круг за кругом отмахивали мы по большой дорожке катка, и другие конькобежцы почтительно расступались, освобождая нам путь. Каток был освещен неравномерно: близ теплушки залит огнями, а противоположная сторона тонула во мраке, чуть просквоженном тощим светом лампочек. И мы все время проносились из света в темь, изо дня в ночь. На освещенном круге у теплушки толпились наши: Юрка Петров показывал свои фокусы. Мелькнула Тюрина, даже на катке она не расставалась с тигровой шубкой, Ладейников об руку с Лидой Ваккар, маленький Чернов на длиннющих «норвегах». Потом я заметил и Карнеева с черной повязкой на глазу — пришел демонстрировать свои раны. Интересно, сказал ли он ребятам, кто ему подбил глаз?

Когда мы снова вынеслись на темную половину катка, я вдруг перестал ощущать нажим Нининой руки и затормозил.

— Устала! — Нина обмахивала варежкой разгоряченное лицо.— Пошли к нашим.

— Не пойду.

— Пошли!.. Юрка показывает «пистолет» с поворотом.

— Ну ладно... Слушай, кто это разукрасил Карнеева?

— Не знаю. Хочешь спрошу?..

И, не дождавшись ответа, Нина покатилась к теплушке.

Все было правильно. Не стоило обижаться на Нину. В конце концов я не был ни Шаповаловым, ни Конрадом Вейдтом. И Юрка Петров показывал «пистолет» с поворотом, а это никому из нас не давалось... Я смотрел, как Нина легко бежит по льду в своем красном свитере и красной шапочке, и вдруг безотчетно, спиной, почувствовал опасность. Оглянувшись, я увидел, что ко мне приближаются Калабухов, Лялик и Гулька. Все трое были без коньков,

их ноги разъезжались, и мне ничего не стоило сбегать к теплушке за подмогой. Но я понял, что не могу этого сделать. Мои товарищи рядом, но я не смею крикнуть им: «На помощь!»

Калабухов придерживался странного правила: если Нины не было рядом со мной, он никогда не начинал драки. Так и сейчас. Он хмуро глянул на меня и сказал:

— Мотай отсюда!..

В руке он держал тонкий железный прут и этим прутом совсем не больно ударил меня по бедру. Можно было не обратить внимания на жест Калабухова и тихо убраться с катка. Я сам спровоцировал драку, вернее сказать, избиение. Это была какая-то странная месть самому себе. Я выхватил у Калабухова прут и отшвырнул далеко в сугроб. Они взялись за меня все сразу. Коньки не давали мне никакого преимущества, напротив: я только успел ударить Лялика коньком по голени, как тут же был сбит с ног. Я уже не сопротивлялся, только прикрывал лицо и живот.

Ко мне приближались Калабухов, Лялик и Гулька.

Было очень скверно возвращаться домой на коньках. Ноги стали ватными, я все время спотыкался и раз упал, больно ударившись локтями. Я уже хотел снять коньки, идти прямо в носках, но не мог развязать смерзшиеся шнурки. А потом я стал видеть свой чудовищно распухший нос, он розоватым бугром выпирал на моем лице, натянув кожу щек.

— Что с тобой? — в ужасе воскликнула мама, когда я, стуча коньками, вошел в комнату.

— Упал на лицо.

— Что-то ты слишком часто падаешь на лицо! Возьми свинцовую примочку.

Я стоял у окна, промокал нос свинцовой примочкой и опять думал: будет ли такой день, когда я стану вспоминать о нынешней своей беде, как о чем-то давно прошедшем и неважном?

Мягко растекался зеленоватый лунный свет по заснеженным крышам, в вышине чернели купола старинной церкви, построенной при Иване Грозном, в окнах домов уютно желтели и розовели абажуры. И завтра будут так же лунно зеленеть снег, и чернеть купола, и алеть, желтеть абажуры, и ничего не изменится в окружающем мире, только мне придется начинать жизнь сначала.

Я где-то читал, что мужчина должен уметь проигрывать, что сила человека проверяется поражением. Я виноват и знаю, что виноват, мне нечего рассчитывать на снисхождение. Мужественно и покорно приму я любую кару...

На другой день я не пошел в школу. Я чувствовал, что не смогу появиться на совете отряда. От вчерашнего моего смирения не осталось следа. Все мое существо восставало против того жестокого приговора, который, я почти не сомневался в этом, мне вынесут.

Вместо школы я отправился в кругосветное путешествие по кольцу «А». Незаконность этого маленького путешествия придавала особую остроту и странность всем моим впечатлениям. Казалось, в городской жизни таится какой-то второй, тайный смысл. Не зря так нахлестывали лошадей извозчики, каменно восседавшие в своих толстых шубах на высоких облучках саней: они-то знали то радостно-скрытное, что гнало их седоков в снежные дали улиц. Не зря так отчаянно сигналили машины, яростно прорывая уличную толчею в погоне за неведомым призом. Не зря штурмовали площадки трамваев и дверцы тупорылых автобусов толпы людей: им тоже надо было поспеть на какой-то их праздник. Мне казалось, город наполнен счастливыми людьми, счастливыми машинами, счастливыми лошадьми. А потом я вспомнил, что завтра выходной и все вокруг торопится на отдых...

Маленький чистый глазок, отвоеванный мной у затянутого морозом стекла, все время подергивался стрельчатым узором, я отогревал его дыханием и опять видел людей, машины, лошадей с инеем на храпе, но почему-то не узнавал улиц и очень удивился, увидев вдруг стенд кинотеатра «Центральный». А потом, думая, что мы на Гоголевском бульваре, я вдруг обнаружил под самым окошком каменный парапет Москворецкой набережной и заснеженную белую реку, а потом, не узнав Яузские ворота, я ре-

Когда последние сани съехали со двора, я понял, что могу вернуться домой:

шил, что заехал в какой-то другой, незнакомый провинциальный город, сплошь двухэтажный, с золотыми кренделями над дверьми булочных. А вот уже и Чистые пруды, мы сделали полный круг, и надо сходить, кондукторша давно косится на меня.

Потом я долго слонялся по двору и понял, что прогульщики — самые несчастные люди на свете. До чего же томительно, скучно и пусто болтаться без дела!

Во двор то и дело въезжали широкие, приземистые сани, груженные бочками с вином. Сизопикие, огромные возчики, в брезентовых плащах поверх тулупов на пахучей овчине, без устали ругали все на свете: мороз, своих заиндевевших красноглазых битюгов, друг друга и самих себя. Бочки сползали по каткам в темные недра подвалов, возчики, ругаясь, разворачивали сани, визжали полозья, скрипели оглобли; воробьи слетались на дымящиеся кучи навоза. Когда последние сани съехали со двора и захлопнулись обитые жестью створки подвальных воротец, я понял, что могу вернуться домой: был третий час.

Тут началось самое мучительное. Каждые десять — пятнадцать минут я звонил Павлику и выслушивал все более сухой ответ его матери, что Павлик еще не пришел из школы. Я знал, что совет отряда не может кончиться так скоро, что Павлик прямо из школы зайдет ко мне, и все-таки звонил. Стемнело, но я не стал зажигать огня. Оттого, что в комнате было темно, особенно ярко сиял снег за окнами.

— Ты чего сидишь в темноте? — спросил Павлик, входя и щелкая выключателем.

Я зажмурился от света и, зевая, пробормотал:

— Ну, чего там у вас?..

— Где?..— тоже зевая (он не терпел ломания), спросил Павлик.

— На совете отряда, идиот!

— Вот так-то лучше!.. Все в порядке, галстук тебе оставили.

— Не валяй дурака! — закричал я, и рука моя непроизвольно сжала концы галстука.

— Ну, ну, спокойно.

— Прости, пожалуйста... Не сердись. И расскажи, как все было.

— Поначалу паршиво. Лина требовала исключить, Румянцева ее поддерживала, Мажура сидел темнее тучи, и все были уверены, что он тоже за исключение... Ну, а потом Карнеев толкнул речь...

— Что же он говорил?

— Не стоит передавать: зазнаешься. В общем, он сказал, что пошел бы с тобой в разведку. Тут Мажура засмеялся: «Молодец, хорошо друга защищаешь!» «А он вовсе мне не друг, товарищ—да, а дружбы у нас нет». «Почему?» Карнеев покраснел. «И скажу! Сам Ракитин, может, лучше всех в отряде работает, а наладить работу звена не умеет. Ему и обидно...»

— Слушай! — вскричал я.— А ведь он совершенно прав, я действительно никудышный звеньевой!

— Наконец-то понял...

Теперь я понимал. Понимал не только это, но и многое другое, и прежде всего — какая сила в прощении. Все во мне будто осветилось ярким и ровным светом, не осталось ни одного темного угла, где бы могло притаиться что-то мелкое, самолюбивое, жалостливое к себе.

Я подошел к окну, увидел снег, крыши, купола, пятна абажуров и вспомнил, как смотрел на них вчера. Все вышло совсем не так, как мне думалось. Нежданно быстро минула беда, но что-то не минуло, и это останется во мне навсегда, не бедой, не горечью, а новой важной частицей меня самого.

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

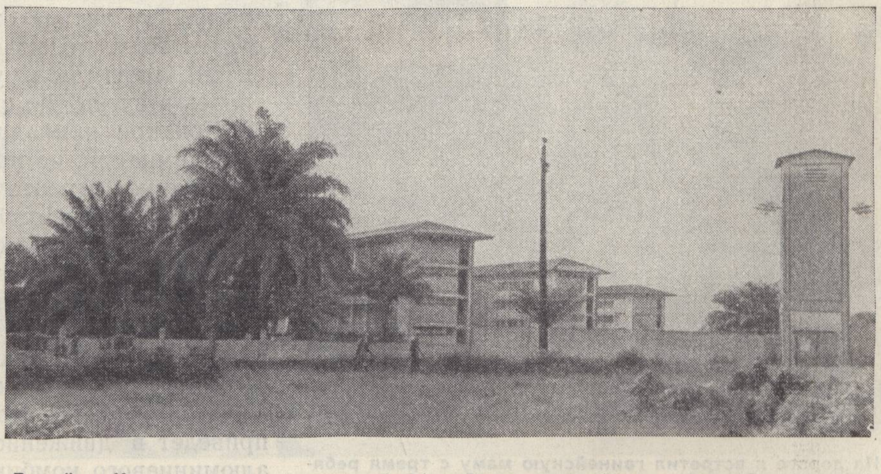
Гвинея, 1960 год

Есть на свете такая земля — Гвинея. Она вытянулась широкой полосой вдоль западного берега Африки. Когда-то там жили многочисленные негритянские племена. Жили так, как им нравилось. У них были своя культура, свое хозяйство, свой уклад жизни. И вдруг на эту богатую, цветущую землю обрушилось страшное бедствие: нагрянули приплывшие издалека чужие люди с белой кожей и начали все кругом грабить. Негров, которые не хотели им покориться, чужеземцы убивали, а наиболее сильных и здоровых они ловили, сажали в трюмы своих кораблей, увозили в Америку и там продавали плантаторам в вечное рабство.

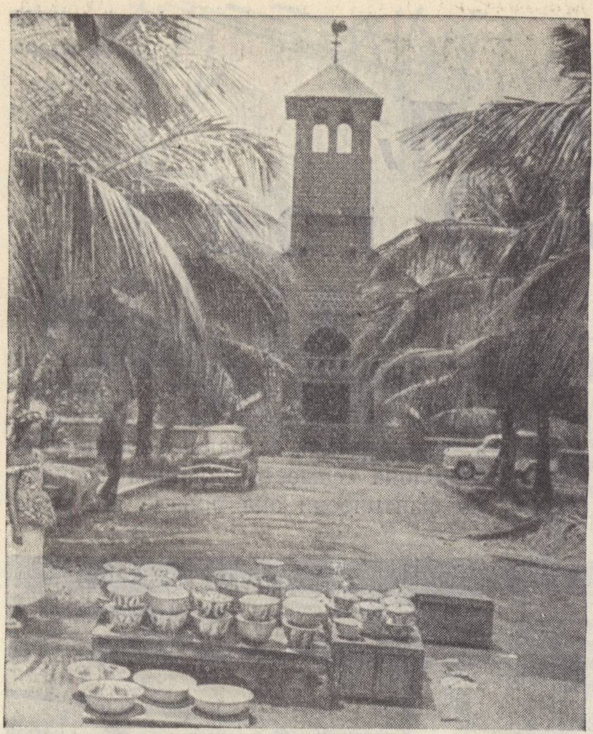
Гвинею эти люди объявили своей добычей. Разделили ее на куски — колонии. Некоторые куски достались на долю французских колонизаторов и были ими названы: Берег Слоновой Кости, Дагомея, Французская Гвинея. Англичане отрезали себе Золотой Берег, Нигерию, Сьерра-Леоне. Португальцы основали свою колонию, назвав ее Португальской Гвинеей, испанцы — свою. Бельгийцы тоже захватили себе часть. Немцы присвоили Того и Камерун, потом эти колонии отняли у них французы и англичане. И только небольшая часть Гвинеи — Либерия, что значит «страна свободы»,— была объявлена самостоятельным государством, но фактически она попала под конт-

Это памятники колонизаторам. Тем, что пришли в Африку с библией и мечом, убивали, грабили и продавали негров. Народ Гвинеи свергнул власть палачей-колонизаторов. А заодно и их памятники. Теперь они валяются во дворе музея.

Лицей в Конакри, столице республики. Здесь гвинейские студенты учатся управлять государством. Пройдет немного времени, и рядом с лицеем вырастут корпуса технологического института. Он будет выпускать инженеров. Советские архитекторы уже работают над его проектом.

Обычный базар в одном из маленьких городков. В мрачном кирпичном здании (на заднем плане) помещалась миссия католической церкви. Попы помогали колонизаторам разбойничать, а неграм проповедовали терпение, смирение и покорность.

На дороге я встретил гвинейскую маму с тремя ребятишками. Они будут расти в свободной стране. И когда станут взрослыми, им, вероятно, будет трудно даже представить себе, какими тяжелыми были детство и юность их родителей.

роль Соединенных Штатов Америки. Там обосновалась хищная компания по изготовлению автомобильных резиновых шин — «Файрстоун». Капиталисты компании нажили многие миллионы долларов на каучуке, получаемом из сока гевеи — дерева, которое в изобилии растет в этой стране.

Вот так расправились чужеземные пришельцы с Гвинеей!

Сейчас настали иные времена. Народы Африки один за другим разбивают цепи рабства. Освободился от ига англичан Золотой Берег — теперь он называется Ганой, в память о древнем и могучем африканском государстве, которое было разорено колонизаторами. Освободились и многие другие страны Гвинеи. Только Сьерра-Леоне, Португальская и Испанская Гвинеи все еще остаются колониями, но можно не сомневаться, что и эти страны отвоюют себе независимость.

Недавно мне довелось побывать в Гвинейской Республике — одном из новых государств Гвинеи. Это небольшая республика. Она занимает всего лишь 251 тысячу квадратных километров, и живет в ней около двух с половиной миллионов человек. Но имя ее недавно прогремело на весь мир. Маленький мужественный народ этой страны бросил французским колонизаторам смелый вызов: он решительно потребовал для себя полной свободы и добился своего.

Дороги Гвинеи проложены по необыкновенно красной, каменистой земле. Человек, который приезжает туда впервые, удивляется: что это за земля? И ему спокойно отвечают: это — железо! Да, республика Гвинея вся стоит на железе, вернее, на железной руде, которой тут превеликое множество. В самой столице Конакри — красная земля. Тут же, на окраине города, рабочие долбят гору, добывая руду. Ее вывозят за океан, чтобы там в чужих домнах она превратилась в чугун. До сих пор рудник на окраине Конакри принадлежит франко-американской компании, но правительство Гвинеи уже проектирует строительство нового рудника у подножия горы Нимба. Это будет очень крупное и — что важнее всего — государственное, национальное предприятие.

Так же богата республика и бокситами, из которых выплавляют алюминий. Это настоящий клад для хозяйства страны. Чтобы его использовать, на реке Конкуре будет сооружена мощная гидроэлектростанция. Ее ток приведет в движение механизмы огромного алюминиевого комбината. В этом строительстве гвинейскому народу окажет помощь Советский Союз.

Богата, необычайно богата Гвинея, но коренное ее население до последнего времени жило крайне бедно. Все сокровища недр, все дары природы доставались колонизаторам. В стране, где никогда не бывает зимы, где много тепла и солнца, где буйно растут любые плодовые деревья и злаки и можно несколько раз в год собирать урожай, народ постоянно голодал. Сейчас, завоевав свободу, гвинейцы решили покончить с нуждой. В республике наряду с национальной промышленностью начнет развиваться и свое сельское хозяйство. С помощью Советского Союза здесь будет создано, например, огромное рисовое хозяйство, возникнут плантации земляного ореха, бананов, ананасов и многих других тропических культур.

Гвинейский народ уже начал выполнять свой первый трехлетний план экономического развития. Он ведет наступление на джунгли, прокладывая дороги и расчищая площадки для новостроек. По выходным дням молодежь под звуки барабанов «тамтам» с песнями идет на строительство школ и больниц. Много дел надо сделать гвинейцам, чтобы стереть с лица своей земли следы разрушений, причиненных колонизаторами. Но все в стране — от мала до велика — трудятся с большим воодушевлением, потому что это свободный труд на свободной земле.

Тем, кто хочет заказать себе новое платье, не нужно долго искать портного. Он работает прямо на улице. Такую сценку я увидел на базаре в Конакри.

На этой улице Конакри вы видите госпиталь. Скоро он получит из Советского Союза новейшие медицинские инструменты и оборудование.

Чем помогают нам артисты

Дорогая редакция!

Люди разных профессий по-разному помогают человеку. Рабочие, например, изготовляют станки, машины, строители строят дома, больницы, клубы, учёные работают над созданием космических кораблей, чтобы человек мог проникнуть в тайны космоса.

А чем помогают нам артисты?

Вот какое письмо нам прислала Таня Крюченкова из Куйбышева. Прочитав его, мы подумали, что Тане лучше всего ответит артист или артистка...

И мы обратились к чудесной артистке Софье Владимировне Гиацинтовой. Она играет в театре и в кино, и вы, должно быть, знакомы с ней по фильму «Семья Ульяновых».

Беседу с Софьей Владимировной помещаем здесь.

Что ж, Таня, пожалуй, правильно ставит вопрос. Машина — вещь необходимая, без домов тоже не обойдешься. Нужны нам и космические корабли... Все это ценности, их можно увидеть, потрогать руками. Ну, а где ценности, которые создают артисты? Видел ли их кто-нибудь?

Как-то я читала разговор Льва Николаевича Толстого с детьми из яснополянской школы.

— Лев Николаевич! — сказал один из ребят. — Для чего учиться пению?

— А зачем рисование, зачем хорошо писать?..

— А зачем липа?

— Стропила сделать...

— А еще летом зачем, покуда она не срублена?..

Сейчас мне вспомнился этот разговор. Толстой считал его очень важным. Это разговор о нужности искусства.

В самом деле, зачем стихи, зачем театр, зачем красивое цветущее дерево?.. Ведь «зачем машина» или «зачем дом», никто не спросит. Всем понятно, что это нужные, полезные вещи.

Но давайте подойдем к этому вопросу с другой стороны. Разве безразлично, в чьи руки попадет машина: к плохому или к хорошему человеку? А космический корабль?.. Представьте себе хоть на минуту, что космосом могут завладеть злые, ненавидящие жизнь люди. Чем обернется тогда творческий труд ученых — изобретателей корабля?

Значит, характер человека — владельца вещей не совсем безразличен. А что делает человека лучше или хуже? Что воспитывает его чувства, воздействует на них? Задумывалась ли над этим Таня?

Конечно, на чувства человека влияет много причин, всех и не перечислишь. Однако одним из главных воспитателей чувств по праву считают искусство — настоящее, большое искусство, которое учит нас правде и красоте. Художественные впечатления, которые воспитывают наши чувства, — тоже ценности, хотя их и не потрогаешь руками. И создаются эти ценности поэтами, музыкантами, художниками, артистами...

Потребность в художественных впечатлениях для мыслящего существа почти столь же насущна, как потребность в воздухе и пище. Да она и живет в человеке с самых древних времен. Ведь еще на заре истории люди знали, скажем, пляску, а это — начало театрального искусства.

И в каждом из нас жажда художественных впечатлений просыпается очень рано. Я уве-

рена, что и Таня и ее друзья, если их спросить, вспомнят песенку, сказку или театральное представление, оставившие в их сердце глубокий след.

Для меня таким впечатлением был балет «Эсмеральда», который я видела еще семилетним ребенком. Особенно потрясла меня Федорова 2-я — талантливая балерина того времени. Мне все представлялось, что это не женщина, а оживший цветок. Удивительное чувство она у меня пробудила! Теперь я понимаю, что это было чувство красоты.

Другим сильным впечатлением детства я обязана Малому театру. Среди других замечательных артистов была там незабываемая Садовская. И вот когда, играя сваху в одной из комедий Островского, она запела: «Поросеночек яичко снес», — я вдруг заплакала, хотя это шуточная песня... Плакала я от восторга, от чувства правды, которую внезапно ощутила.

Все это вовсе не «бесполезные» впечатления, как может подумать невежественный человек. С их помощью растет личность, расширяется внутренний кругозор. Ведь нас обогащают не только научные сведения, но и чувства!

Театр — самое доходчивое, самое непосредственное из искусств — показывает нам красоту и величие чувств, раскрывает духовные богатства человека. При мне одна девочка, говоря о «Вишневом саде» Чехова, утверждала, что у Раневской «не может быть положительных черт, потому что она помещица». Это — обеднение человека, упрощение художественного образа. Раневская — образ сложный, это слабая, но добрая женщина. И мне кажется, если бы эта девочка хоть раз увидела в роли Раневской настоящую артистку, она поняла бы, что так говорить неумно.

Зажечь зрителя большими чувствами — вот задача артиста. На нее направлен весь его талант, весь его труд. И обстановка в театре должна ему в этом помогать.

Мне вспоминается Московский Художественный театр в годы, когда я только начинала в нем работать... Спектакль у нас был событием, праздником, к которому торжественно готовился весь состав — от руководителей театра до работников гардероба.

Говоря слово «праздник», я имею в виду не развлечение, не забаву. Спектакль был радостью, от которой люди становились смелей, выше, чище.

Такие артисты, как Станиславский или Книппер-Чехова, приходили в театр задолго до спектакля и молча, сосредоточенно вживались в роль. Станиславский называл это

Народная артистка С. В. Гиацинтова в роли Марии Александровны Ульяновой.

«внутренним туалетом» артиста. Перед спектаклем артисты мобилизовали все свои силы. Готовились к выходу на сцену, как к выходу на бой.

Да ведь хороший спектакль и есть бой — бой за сердце зрителя. Не потому ли он может иной раз вдохновить зрителей на подлинный бой с врагом?

Помню спектакль «Салют, Испания!», который шел в дни испанских событий. Мы все играли с большим подъемом. И когда мы, артисты, по ходу действия проходили через зрительный зал, мы физически ощущали боевой подъем зрителей. «Хоть сейчас в Испанию!» — говорили те, кто был на этом спектакле.

А сколько раз в дни войны после концертов и выступлений на фронте бойцы благодарили артистов за то, что их искусство придало им новые силы! А письма, которые мы все получаем от рабочих, от строителей, от ученых!.. Они пишут нам, что после хорошего спектакля работа лучше спорится в руках, а в голову приходят новые мысли. Таким образом, мы, артисты, хоть и косвенно, участвуем в создании тех нужных простых вещей — домов и машин, — о которых говорит Таня в письме.

Отклики зрителей — лучшая благодарность за наш труд, а труд у артистов нелег-

кий. Ведь «подготовка к бою» для артиста начинается задолго до выхода на сцену и даже до первых репетиций. Работать приходится много. Так, в поисках образа Марии Александровны Ульяновой, матери Ленина, я перечитала все, что только могла достать о ней. И не только биографические сведения и письма, но и все, что могло бы мне обрисовать обстановку того времени. Мало ли за что иногда может зацепиться воображение? Иной раз музыкальный отрывок или даже фасон платья может подсказать больше, чем обстоятельный документ.

Я бесконечно полюбила Марию Александровну, ее сдержанность, скромность, острый интерес ко всем людям, ее женственность, ее скрытую силу, о значительности которой долгое время не подозревали даже близкие люди. Свое отношение к Марии Александровне я старалась передать зрителям. И, хотя этот образ мною глубоко продуман, а главное, прочувствован, я каждый раз выхожу на сцену с волнением: удастся ли и в этот раз выиграть бой?

Кстати, среди писем, полученных мною после «Семьи», есть письмо одной девочки, наверно, Таниной сверстницы. Она пишет, что, посмотрев «Семью», перестала грубить матери. Значит, иногда мы, артисты, приносим самую прямую пользу, хотя обычно воздействие искусства значительно сложней и результаты его сказываются не так скоро...

Итак, артисты воспитывают чувства, вдохновляют людей на жизнь и труд. Так помогают зрителям артисты.

Но и зрители тоже должны помогать артистам. А иной раз, глядя на зрителей — особенно юных зрителей! — в зале, я вспоминаю один эпизод из уличной киносъемки. Артисты, стоявшие неподвижно, вдруг заговорили. И тогда какой-то мальчик на улице удивленно воскликнул:

— Смотри ты, да они живые!

Да, мы, артисты, живые люди. И мы живо воспринимаем настроение зрительного зала. Если зрители внимательно следят не только за действием, но и за мыслью пьесы, — между ними и артистами устанавливается связь, контакт, и спектакль идет в полную силу. Если же в зале перешептываются и — что оскорбительней всего — жуют, подъем у артистов ослабевает...

Зритель — тоже участник спектакля, от него требуется внимание, сосредоточенность. А какая там сосредоточенность, если только что, в антракте, ты кричал изо всех сил и сломя голову мчался в буфет!..

Нужно следить за своим поведением и в антрактах и тем более в зале. Тут мне приходит на ум забавный случай. Как-то я попала в кино, шла «Семья Ульяновых». Что-то мне нравилось в своей игре на экране, но что-то сильно захотелось изменить, и, видно, я так громко это выражала, что сосед, незнакомый человек, сказал раздраженно:

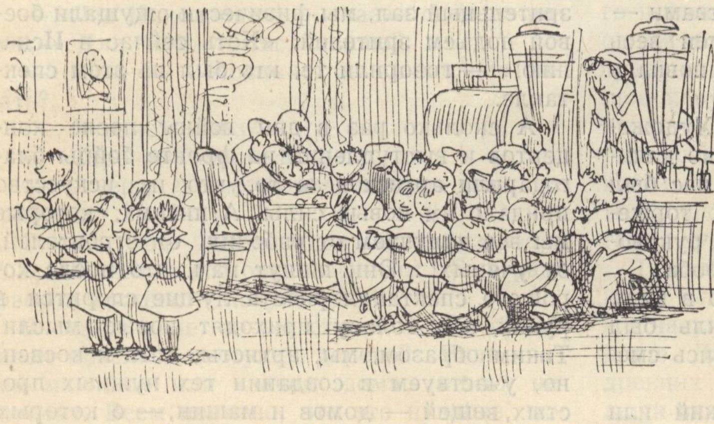
— Если вам не нравится, то уходите и не мешайте другим!

И, пожалуй, он был прав, мой сосед!

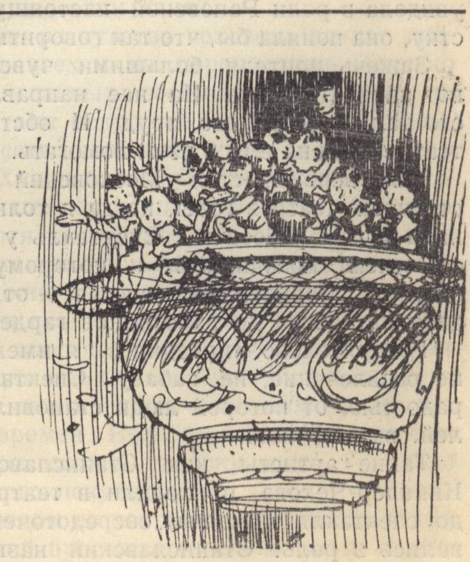
Но вернемся к Таниному письму. Коротко я ответила бы Тане так: артисты — да и другие работники искусств — в меру своих сил и труда помогают человеку стать человеком.

А насколько оно может получиться, это зависит и от вас самих, дорогие зрители, слушатели и читатели!

Записала Ю. Новикова.

Бывают и такие зрители...

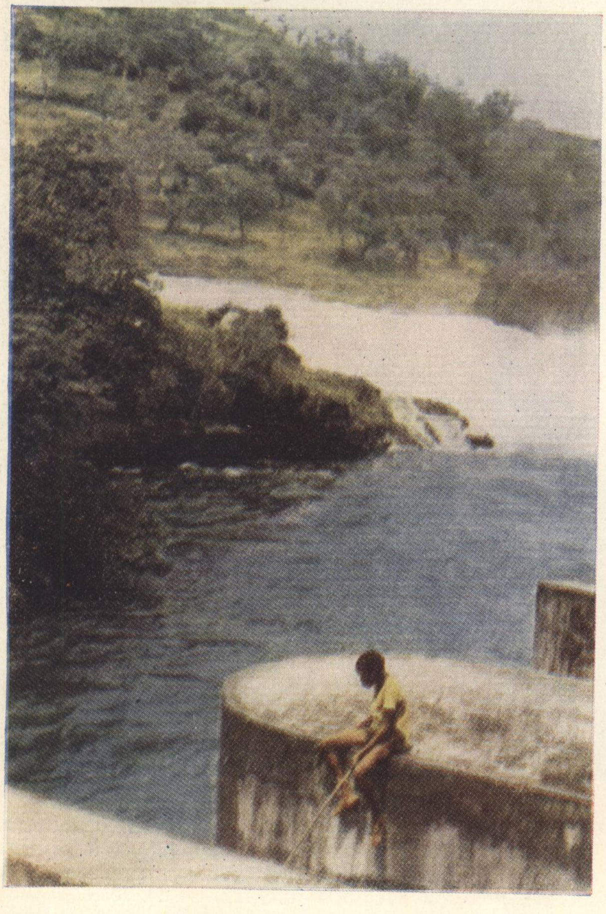
Рисунки Е. Щеглова.

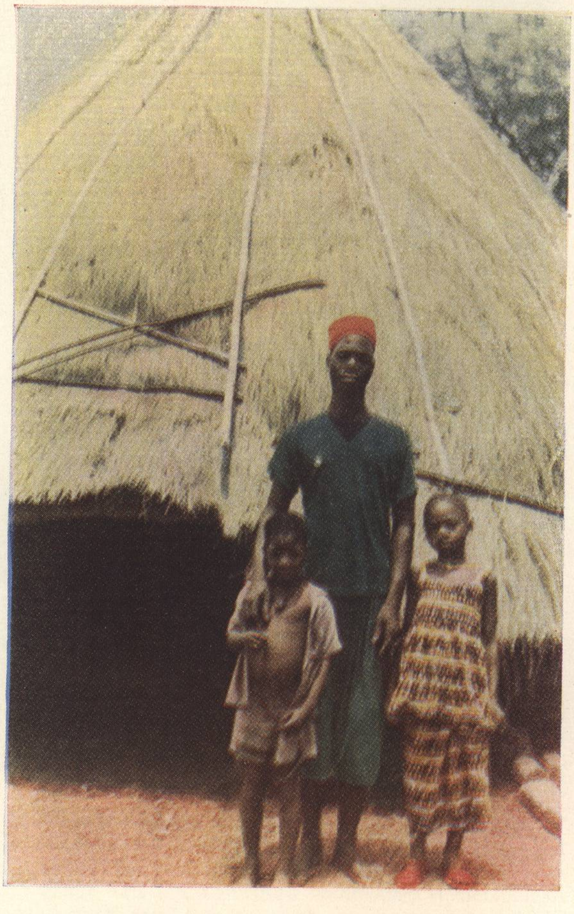

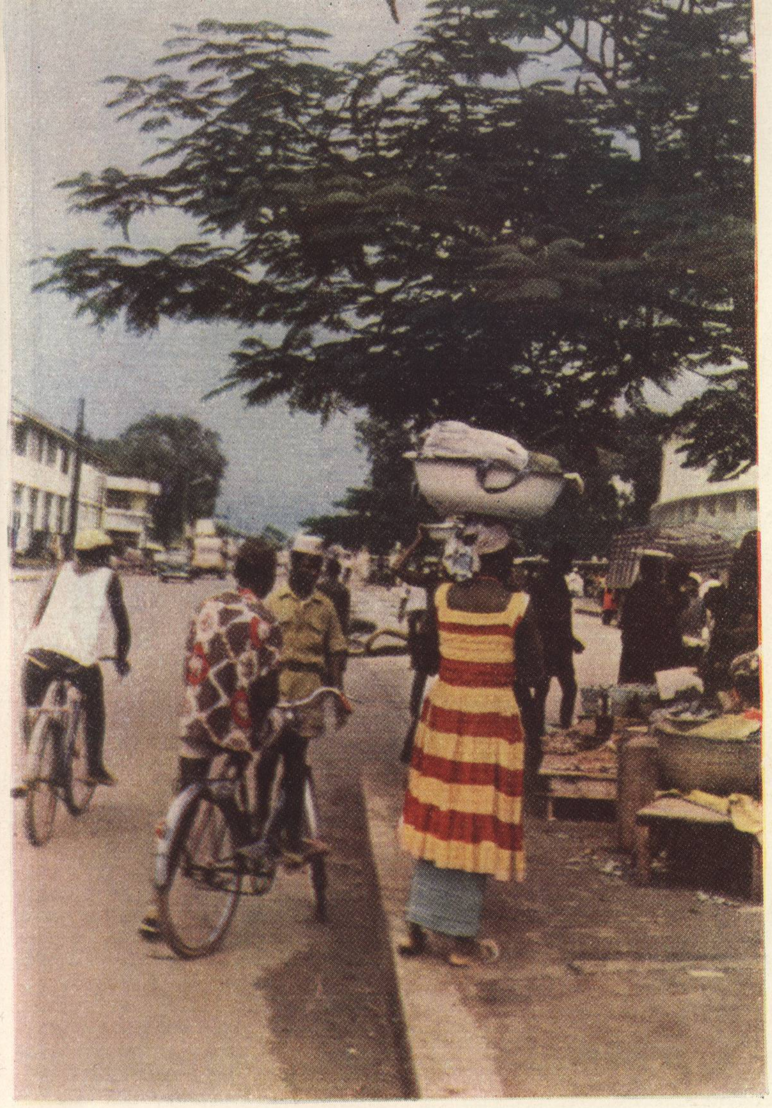
По дороге в школу, в лесном походе, у птичьей кормушки, которую вы устроили, вам встречаются пернатые зимовщики. Наблюдая за ними, так хочется знать их «имена и фамилии»! Ведь правда? Вот здесь нарисованы некоторые из зимующих у нас птиц. Вверху — большая синица, синица-гаичка и парочка длиннохвостых синиц. Внизу слева — клест, свиристель и хохлатая синица. Справа — снегирь, пищуха и поползень. Прочитайте о них в рассказе натуралиста Н. Ф. Смирнова «Лесной концерт».

Рисунок В. Плахова.

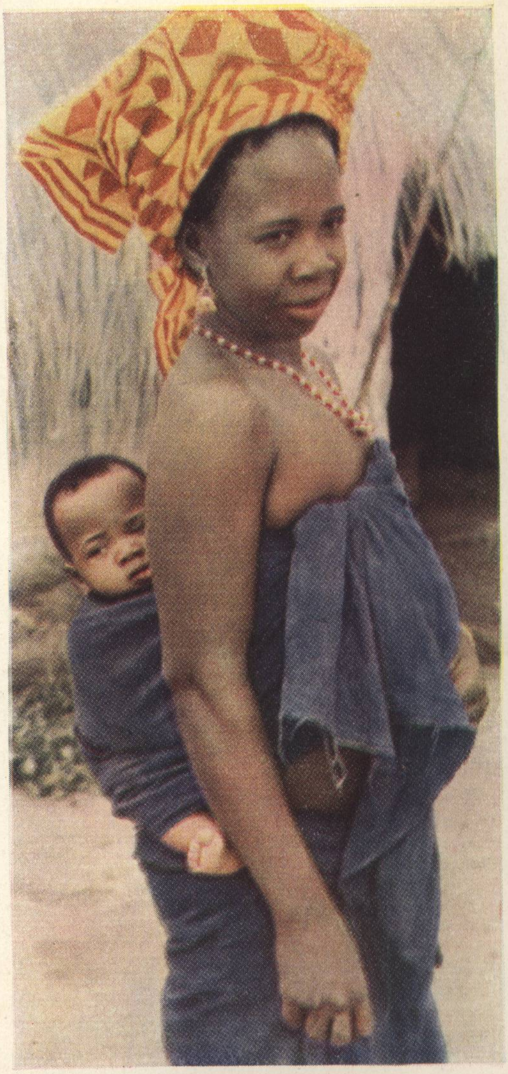

ГВИНЕЯ, 1960 год

Вот она перед вами, эта далекая страна Гвинея! Вверху налево — плотина гидроэлектростанции, затерявшейся в тропических джунглях. Она невелика, но в ней большое будущее молодой республики, начало ее промышленности. Внизу — мальчик-рыбак. Рядом — служащий железной дороги. Сейчас он у себя дома, со своими ребятишками. Вверху справа — живописная улица Конакри. Гвинейские женщины любят, чтобы руки у них были свободны,— поклажу они всегда носят на голове, а малыш сидит за спиной.

Вряд ли на всем белом свете вы найдете улицу более странную, чем Набережная улица Свирска. Весь город стоит на высоком, крутом берегу Ангары, а эта улица ни вверху, ни внизу — между небом и землей. Шестнадцать домиков, словно ласточкины гнезда, прилепились на нешироком уступе, идущем вдоль скалы примерно посередине ее высоты.

Улицы, собственно, нет: где уступ мало-мальски расширяется, там и домик. А между домиками, «на узине», тропка. По одну сторону тропки и домиков громоздится скала, по другую сторону — до самой воды каменная осыпь.

Здесь, между домом № 1 и домом № 3, отчетливо видны рисунки. Они нанесены красной охрой на серый известняк скалы в незапамятные времена: может, тридцать, а может, и сорок столетий назад. Нанесены человеком, принадлежавшим к племени охотников и рыболовов, человеком, стоявшим на границе эпох: на пороге, отделяющем каменный век от бронзового.

Наскальные рисунки помогают археологам, этим следопытам истории, разгадать многое о жизни давно исчезнувших людских поколений. А меня, как художника, никогда не перестанет восхищать и волновать выразительность и сила, с которой изображали мир мои древние, может быть, ещё одетые в звериные шкуры собратья.

КАМЕННАЯ КАРТА

В тот день, с которого начинается рассказ, я снимал копии с рисунков на Набережной улице Свирска. Известно, что прежде их здесь было гораздо больше. Ветер, вода и мороз, эти беспощадные каменотесы, многое скололи и погребли в осыпях. Немало погублено людьми. Совсем еще недавно, всего несколько лет назад, археологи находили здесь замечательное изображение охоты на медведя. Теперь оно исчезло.

На скалах остались: два лося, три человекоподобных («антропоморфных», как их называют археологи) существа, какие-то пятна — должно быть, остатки погибших рисунков — и одна совсем непонятная фигура.

Уже снял копии с лосей, приступаю к антропоморфным существам. Вот лучшее, самое сохранное изображение. Круглая голова на тонкой шее, широко развернутые плечи, атлетический торс, суженный к бедрам. В руках два легких весла. В профиль нарисована маленькая лодка, над которой возвышается, словно вырастая из нее, это странное существо. Оно, должно быть, изображает не человека: ног нет совсем, туловище переходит в змеевидный хвост, упирающийся в дно реки.

Кого же нарисовал древний художник? Он, как и все его племя, жил Ангарой. Река была местом его охоты, его кормилицей. Она же, река, была гладкой дорогой, без нырков и выбоин, по которой скользила его маленькая рыбацкая лодка-берестянка...

И то, чего первобытный человек боялся, и то, чем он дорожил, он превращал в своих богов. Может быть, здесь, на скале, красной охрой он и нарисовал одного из богов, которого придумал? Водяного, хозяина реки.

Вот я уже срисовал и водяного. А что это над ним? Скорпион с растопыренными клешнями и поднятым хвостом? Хохлатый, взъерошивший перья попугай?.. Дерево? Нет. Эта фигура положительно ни на что не похожа! Такие в описаниях обозначаются кратко: «Пятно, ничего не изображающее».

Вероятно, рисунок над водяным так и остался бы для меня «пятном, ничего не изображающим», если бы не два обстоятельства.

Первое обстоятельство: в школе я больше всего любил географию. Для меня карта никогда не была раскрашенным квадратом бумаги, созданным на погибель того, кто вызван к доске. И никогда она не была для меня «немой». Она рассказывала мне о своих пустынях, о своих реках, водопадах, горах и гейзерах, о своих вечных снегах и океанских штормах. Мне виделось на ней все прочитанное в книгах о путешествиях. И, конечно, в мечтах я сам путешествовал по ней.

Второе обстоятельство: во время гражданской войны я был топографом в Красной Армии. Не всегда бывали у нас настоящие, напечатанные карты, а без них на войне трудно. Я вместе со своими товарищами по отряду сам составлял и чертил карты для штаба бригады. Мы делали съемку на местности, вооруженные лишь блокнотом, линейкой и компасом.

Теперь, когда я копировал непонятную фигуру, мысленно выискивая у нее сходство с каким-нибудь предметом, и рука моя послушно выводила причудливые загогулины, выступы, изгибы, в памяти вдруг мелькнуло смутное воспоминание о чем-то очень знакомом, о чем-то очень привычном. Даже для руки привычном. Ну, да. Разумеется. Нашел! Двадцатый год, Урал, топографический отряд Вот так же под моей рукой рождались загогулины, выступы, изгибы какого-нибудь озера или реки. Неужели же... От этой мысли у меня даже мурашки пошли по спине. Неужели же это карта?

Тут я стал уже совсем другими глазами рассматривать «пятно». Рассматривать и думать. Если первобытный художник изобразил какое-то место, это могло быть лишь тем местом, которое он хорошо знал, где он жил, охотился, ловил рыбу. А он все это делал именно здесь, на Ангаре.

Я стал мысленно сравнивать рисунок с современными картами Ангары. Ничего не получалось. На картах, знакомых с детства, Байкал находится внизу, и Ангара течет от него «вверх», потому что север принято изображать вверху. А тут — наоборот. Крючок, похожий на хвост скорпиона, мог быть только Байкалом, и он-то как раз находится вверху.

Но ведь автор каменной карты не мог предвидеть, что далекие

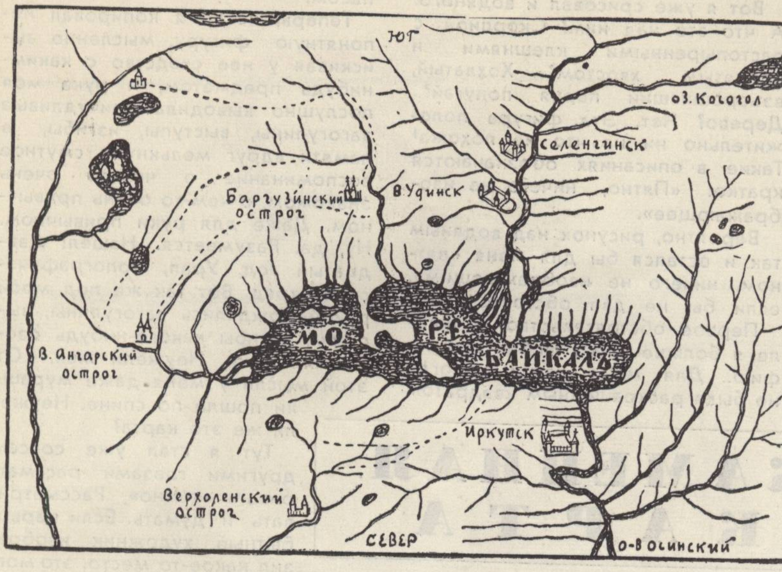

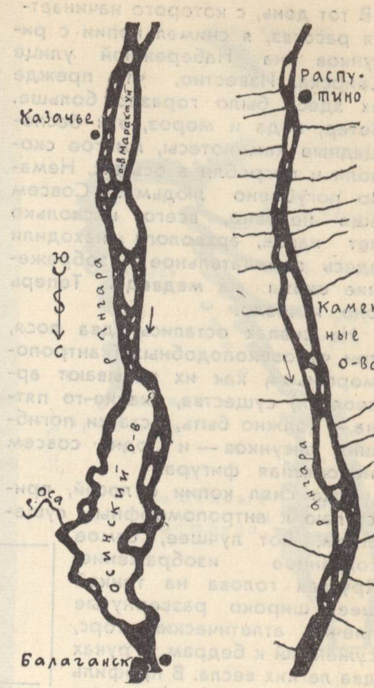
Рисунки охрой у дома №1 по Набережной улице

Лось и человечек со Свирской скалы

Слева — «Карта земли города Иркутска» из атласа Семена Ремезова 1701 г. Справа — два участка Ангары из современной лоции.

потомки условятся изображать север вверху! У него была своя логика: «Река вытекает из озера. Вода всегда течет вниз, а не вверх, значит, озеро надо нарисовать выше, а реку направить от него вниз».

Я продолжал сравнивать. На карте река со своими притоками всегда напоминает ветвистое дерево. А тут никаких ветвей, одни култышки торчат от ствола. Но ведь автор карты не соблюдал масштабов! Он просто старался показать главное. Вот на карте три больших выступа. Это, очевидно, три крупных левобережных притока: Иркут, Китой, Белая. А у Белой в верховьях видна развилина. И действительно, Белая образуется слиянием двух рек: Большой Белой и Малой Белой.

Так, шаг за шагом, я старался расшифровать, понять загадочное изображение, найти доказательства, что это карта.

Вернувшись в Москву, я обратился к истории картографии. Нашел в Ленинской библиотеке старинные карты. В том числе и первые карты Сибири: Годунова и Ремезова.

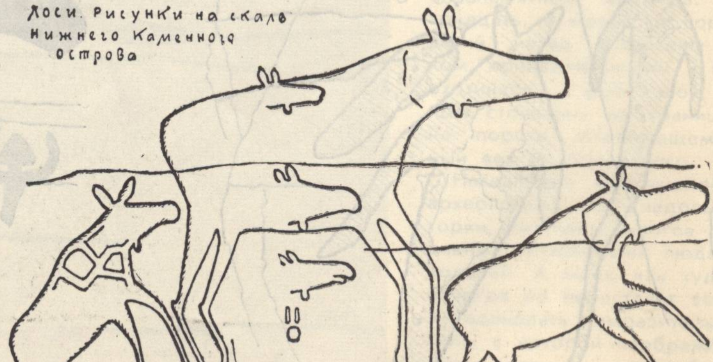
В атласе Ремезова есть «Карта земли города Иркутска». Она показывает нам Байкал и бассейн Ангары. Сравните ремезовскую карту со свирской наскальной. Трудно сказать, какая из них ближе к нашим теперешним точным!

У Ремезова Байкал вытянут с запада на восток и начертание рек очень приблизительно. Погрешности восполняются словесными примечаниями: «Вверх по Ангаре до Шаманского порога 34 версты», «Дорога до Братска за волок двои сутки езды», «Осинский остров 15 верст, а поперек — верста».

А теперь вглядитесь внимательно в свирскую карту. Байкал расположен относительно стран света куда точнее, чем на ремезовской. Правда, он сильно уменьшен, но причины такого искажения понятны. Близ устьев своих верхних притоков — Иркута, Китоя и Белой — Ангара образует крутые излучины. Эти места, защищенные от холодных северных ветров, были излюбленными для древних поселений. В этих же местах жил автор свирской карты. Они были ему лучше знакомы, были для него более важны, и он их выделил, как человек в рассказе выделяет интересное место или как рисуют маленькие дети. Вспомните: на рисунке дом, дерево, а рядом — человек, выше дома и дерева. «Это папа идет»,— объясняет малыш. То, что кажется ему самым важным, он нарисовал покрупнее.

Так, по-детски, мог изображать окружающее и первобытный охотник, преувеличенно подчеркивая знакомые излучины верхнего течения Ангары и уменьшая

Лоси. Рисунки на скале Нижнего Каменного острова

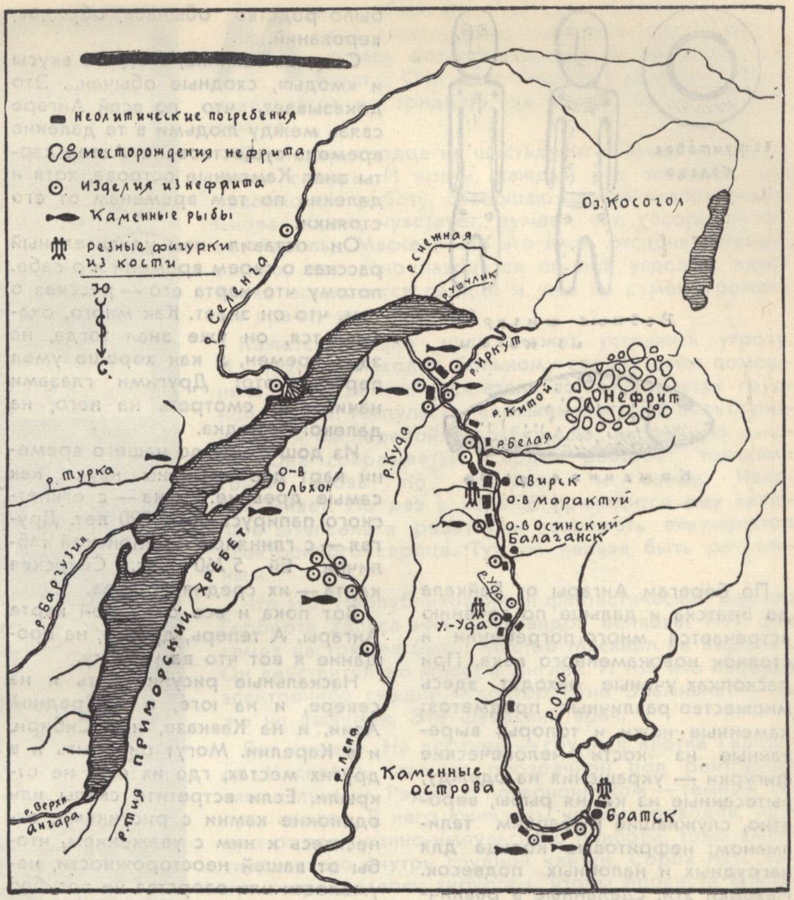
в размерах отрезанный Приморским хребтом Байкал. Но и в этом искаженном виде Байкал узнаваем: можно найти и Верхнюю Ангару, и остров Ольхон, и южный залив Култук, и устье Селенги.

Больше восьмидесяти процентов речек впадает в Байкал с восточной стороны. Даже эту особенность показывает свирская карта. А зубчатое пятно на отлете может быть озером Косогол, откуда берет начало Селенга. Косогол и Байкал на свирской карте не связаны Селенгой; наш первобытный охотник мог не знать об этой связи. Он мог открыть это озеро, поднимаясь к верховьям Китоя, Белой и Иркута. Там он и все его родичи добывали нефрит для своих орудий и украшений. Там и сейчас единственное известное для этих краев месторождение нефрита.

Но посмотрите-ка: что за острова так пристально отмечены в нижней части каменной карты? Почему они так выделены? Ведь на Ангаре от Байкала до Братска более ста больших и малых островов, а на карте мы видим лишь несколько! Может быть, нанесены острова, ближайшие к Свирску? Вернее, к тому месту, где в наше время находится Свирск и где когда-то оставил рисунки на скалах первобытный художник?

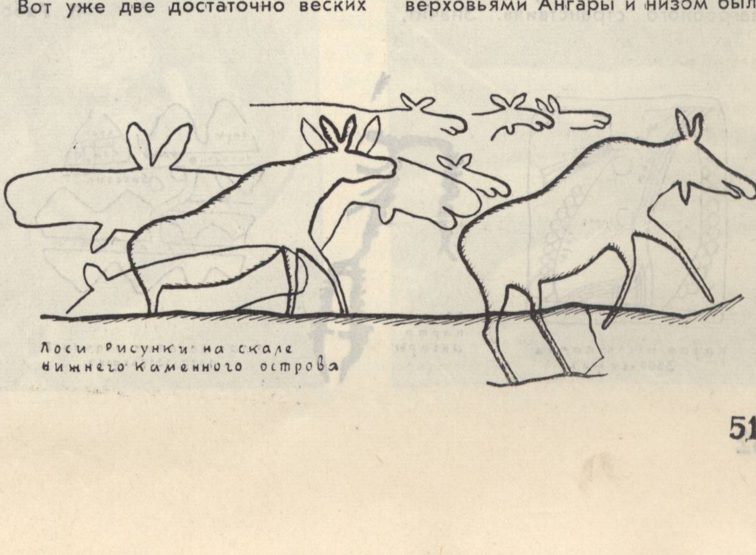
Давайте проверим, действительно ли на его карте изображены ближайшие к Свирску острова. Вот участок Ангары, взятый из лоции, из подробной карты для судовождения. Ниже Свирска, недалеко от него, действительно есть группа островов: Конный, Марактуй, Осинский. По своей форме и взаимному расположению они очень близки к тому, что мы видим на каменной карте. Итак, это Конный, Марактуй, Осинский? Погодите! Не будем делать поспешных выводов, посмотрим внимательнее. На современной лоцманской карте в этом районе почти нет притоков, и в действительности их мало; Ангара вступает здесь в засушливую Балаганскую степь. А на древней карте множество притоков впадает в Ангару именно в районе трех островов. Значит, это какой-то другой участок реки и острова другие. Поищем ниже по течению, дальше к северу: там, где Ангару снова обступила тайга.

Такое место есть. Здесь Ангара принимает в себя множество таежных речек и ручьев, и здесь же находится группа Каменных островов. Эти острова богаты древними рисунками. На лобовой скале Нижнего Каменного в таком множестве выбиты изображения лосей, что, увидев их, начинаешь думать: это неспроста, остров мог быть священным местом у первобытных людей. На другом из островов археологи нашли «мастерскую каменного века»: сваленные у скалы груды «отщепов» — острых и узких осколков кремня, заготовок для будущих орудий труда и охоты.

Карта Прибайкалья с обозначениями археологических находок на Ангаре.

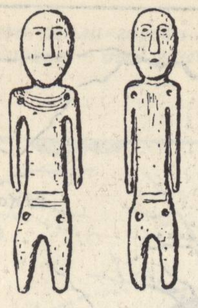
Вот уже две достаточно веских причины, чтобы автор карты, зная и почитая эти острова, нарисовал их повиднее. Вы можете спросить: какое же расстояние от них до места, где жил автор свирской карты? Километров триста. Далеко? Да. Для тех времен очень далеко. Но значит ли это, что наш охотник не мог знать Каменных островов? Нет, не значит! Связь между верховьями Ангары и низом была.

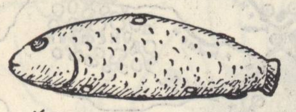
Лоси Рисунки на скале Нижнего Каменного острова

Нефритовое кольцо

Резные фигурки из кости

Каменная рыба

По берегам Ангары от Байкала до Братска и дальше по течению встречается много погребений и стоянок новокаменного века. При раскопках ученые находят здесь множество различных предметов: каменные ножи и топоры; вырезанные из кости человеческие фигурки — украшения на одежду, вытесанные из камня рыбы, вероятно, служившие рыбацким талисманом; нефритовые кольца для нагрудных и налобных подвесок. Находки эти, сделанные в различных местах, имеют много общего.

Ножи и топоры всюду сходной формы и отделки. Значит, техника была одна.

Все нефритовые кольца, и крупные и мелкие, одним способом вырезаны и аккуратно отшлифованы, а коротконогие и длинноголовые фигурки из кости похожи, как родные братцы. Значит, была и общность вкусов у тех, кто носил эти украшения.

Во всех погребениях мертвым придана одинаковая поза и положено одинаковое снаряжение для «загробного странствия». Значит, было родство обычаев, обрядов, верований.

Сходная техника, сходные вкусы и «моды», сходные обычаи... Это доказывает, что по всей Ангаре связь между людьми в те далекие времена существовала. Автор карты знал Каменные острова, хотя и далекие по тем временам от его стоянки.

Он оставил нам удивительный рассказ о своем времени и о себе, потому что карта его — рассказ о том, что он знает. Как много, оказывается, он уже знал тогда, на заре времен, и как хорошо умел передать это! Другими глазами начинаешь смотреть на него, на далекого предка.

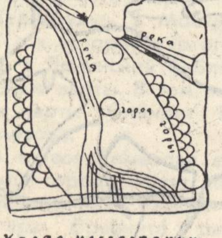
Из дошедших до нашего времени карт две известны науке как самые древние. Одна — с египетского папируса. Ей 3 290 лет. Другая — с глиняной вавилонской таблички. Ей 5 760 лет. Свирская карта — их средняя сестра.

Вот пока и все о первой карте Ангары. А теперь, друзья, на прощание я вот что вам скажу.

Наскальные рисунки есть и на севере, и на юге, и в Средней Азии, и на Кавказе, и в Сибири, и в Карелии. Могут они быть и в других местах, где их еще не открыли. Если встретите скалы или одинокие камни с рисунками, отнеситесь к ним с уважением, чтобы от вашей неосторожности, неумелости или озорства не погибло то, чего не смогло стереть даже время.

Найдя древние рисунки, не царапайте их, не пачкайте, не расписывайтесь ни на них, ни рядом с ними, как это, к сожалению, делают некоторые. И не держите находку про себя. Сообщайте в краеведческий музей. Пусть ученые возьмут под охрану найденные вами следы древней человеческой культуры, чтобы не исчезли они бесследно, как исчезло, например, свирское изображение охоты на медведя.

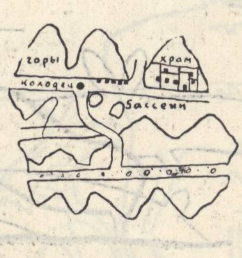
П. Рябов

Карта месопотамии 3800 лет до н.э.

Свирская Карта Ангары

План золотых рудников 1330-1317 гг. до н.э.

Рыбьи чудеса

Недавно одна научная экспедиция работала на дне Индийского океана близ Мальвидских островов. Аквалангисты обратили внимание на подводный луг, покрытый странными растениями, колыхавшимися, словно рожь на ветру. Когда исследователи подошли ближе, трава неожиданно... спряталась в песок.

Для решения загадки нужна была хотя бы одна странная «травинка». Добыть ее удалось лишь «хитростью»: вход в норку расковыряли, залили раствором крепкого наркотика и уснувшую «травинку» вытащили. Оказалось, что это рыба, точнее, неизвестная до сих пор ученым разновидность угря. Все угри — скитальцы: они проплывают тысячи миль и всю жизнь находятся в пути. А эти ведут оседлый образ жизни. Почему? Ихтиологи еще ищут ответ.

●

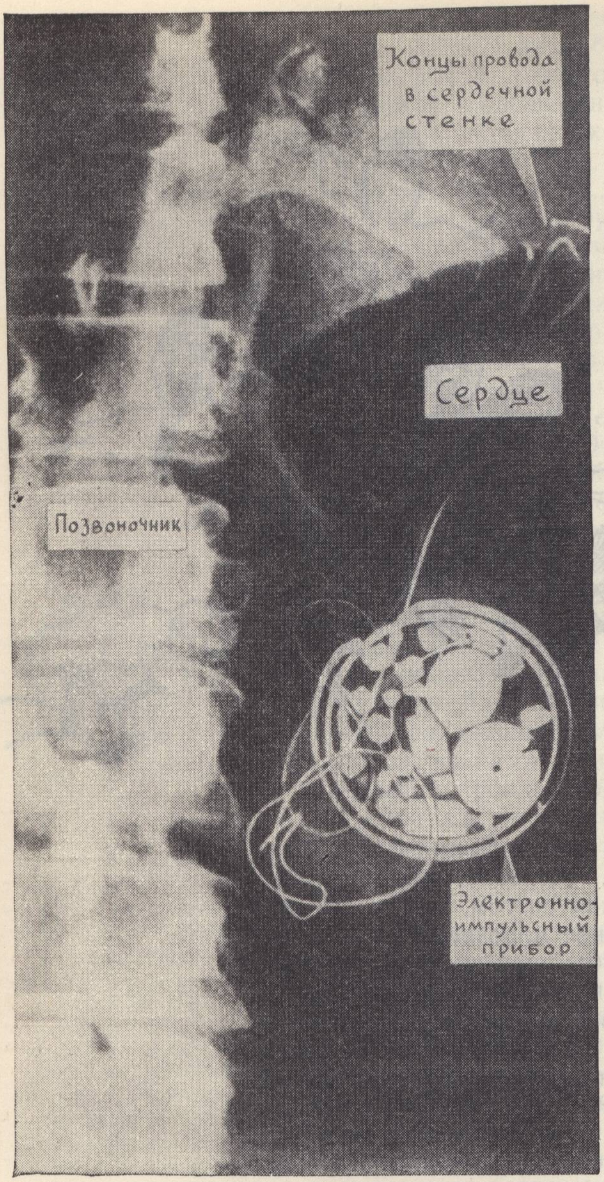
Изучая прибрежную фауну Западной Африки, немецкий зоолог Книппер обратил внимание на морского ежа и решил за ним понаблюдать. Каково же было его изумление, когда морской еж вдруг рассыпался и каждая его иголка оказалась мальком морского сомика!

Мальки деловито зашныряли в воде. Ученый продолжал наблюдать. Вот поблизости мелькнула тень хищной рыбы. Мальки мигом собрались в клубок: хвостами внутрь, а острыми мордочками наружу. Точь-в-точь морской еж, усеянный ядовитыми колючками! Как только враг приближался, клубок мальков угрожающе топорщился.

Есть немало безобидных и беззащитных животных, которые подражают своим видом ядовитым и хорошо вооруженным. Это называется мимикрией. Но «коллективная мимикрия», которую наблюдал Книппер, представляет собой очень редкую форму самозащиты.

Ф. Канторович

Электронное сердце

Мистер Гарольд Маскелл — пожилой английский джентльмен — на краю смерти. Изношенное больное сердце отказывается работать. Оно дает перебои, замирает, останавливается на тридцать, на сорок, на шестьдесят секунд.

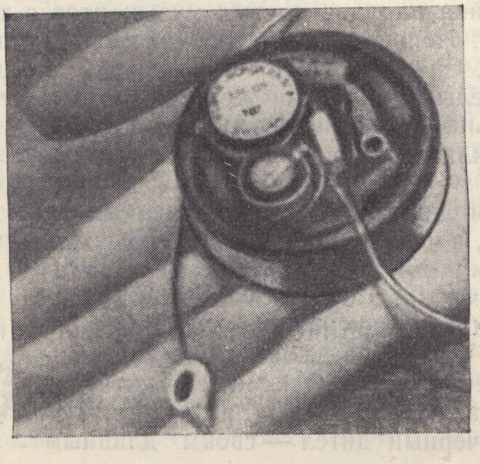
Остановка сердца на шестьдесят секунд — это уже почти смерть. И врачи, каждый раз заставляя его возобновить работу, совершают нечто невозможное. Снова дышит, чувствует, думает, ест, говорит — живет Гарольд Маскелл. Но это лишь отсрочка. Непрестанно, ежечасно находится он под угрозой: вдруг снова остановится сердце и уже не сумеют помочь ни врачи, ни лекарства.

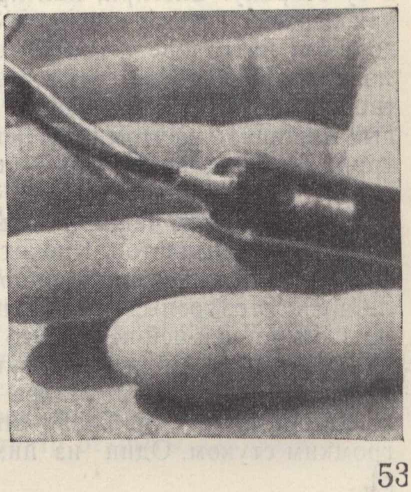
Кажется, только чудо может устранить угрозу. И... чудо происходит. Больному сердцу дают помощника. Электронный двигатель вставлен внутрь грудной клетки. Импульсы напряжением в 2,5 вольта ритмично и бесперебойно возбуждают сердечную мышцу. Она сокращается. Сердце работает, толчками гонит кровь по артериям и венам. Человек живет. Но раз в неделю приходится ему включать штепсель в розетку и заряжать аккумулятор электронного сердца. Тут уж нельзя быть рассеянным...

Что это? Неопубликованный фантастический рассказ Герберта Уэллса или Александра Беляева? Нет. Это самая настоящая быль. Мистер Маскелл не выдуман. Он действительно живет в Англии. И тот, кто изобрел электронное сердце,— доктор Руне Эльмквист — тоже не выдуман. Это шведский врач.

Вот снимки. На верхнем — грудная клетка Гарольда Маскелла, ставшая прозрачной под рентгеновскими лучами. Рядом с позвоночником — темный силуэт сердца. В него вживлены концы проводов, идущих от электронно-импульсного прибора, тоже вмонтированного внутрь грудной клетки. Сорок пять минут потребовалось хирургам, чтобы провести фантастическую операцию.

На нижнем левом снимке хорошо виден этот чудо-мотор для сердца. Он легко умещается на ладони и не превосходит обычных карманных часов ни по размеру, ни по весу. А рядом? А рядом другая конструкция. Это капсула, она вращивается в легочную ткань больного. Поднимается человек по лестнице, застучало тяжело сердце, началась одышка: клик-клак! Щелкнул человек выключателем, спрятанным в кармане пиджака, и электронные импульсы крохотного прибора помогают сердцу справиться с непосильной работой.

Лесной концерт

Ф. СМИРНОВ

Рисунки В. Трофимова.

На краю поляны стоял густой, одетый в белые одежды лес. Было так тихо, что ни одна ветка не шевелилась. Деревья, посеребренные инеем, застыли в безмолвии. Земля, окутанная снегом, искрилась тем холодным блеском, какой бывает только в ясное морозное утро.

Поляна казалась огромной, празднично убранной сценой, а деревья и снежные сугробы напоминали собой гигантские декорации лесного театра: доступ в него открыт для всех, занавес поднят, все здесь находится в ожидании чего-то необычайного.

Я обошел поляну и под прикрытием раскидистой, широколапой елки присел на пенек. Чем не кресло первого ряда?

Ждать пришлось недолго. Как только лучи солнца прорвались сквозь ветви на поляну, справа послышался мелодичный свист. Я глянул в ту сторону. Снегири, как краснобокие яблоки, висели на тонких ветках березы. Тут же шныряла стайка нарядно одетых музыкантов с хохолками на голове — свиристелей. Исполнив несколько «номеров», они полетели куда-то по своим делам. Снегири тоже. Но недолго стояла тишина: ее вспугнули своими веселыми голосами желтогрудые, в черных манишках, неутомимые певуньи — большие синицы. «Пинь-пинь-тррр. Ви-фи-и, ви-фи-и...» — перекликались синицы. Свист и звон стояли на поляне.

Вынырнув из чащи, к большим синицам присоединилась стайка воздушных гимнастов. Крохотные, в черных шапочках, в серееньких куртках, они то повисали на кончиках тонких веток, то камнем падали в снег, то, трепыхая крылышками, застывали в воздухе и кричали: «Чи-чи-чей-чей-чей!» Это синички гаички! Потом подоспели длиннохвостые синицы с бойкими черными глазками. Они посуетились, потарахтели и вскоре вместе с остальными скрылись за хвойными кулисами. Снова тишина. Только два дятла нарушают ее громким стуком. Один из них — черный дятел — своим длинным

клювом, как долотом, долбит кору в поисках личинок. А на другом конце поляны большой пестрый дятел, нарядный, как клоун, ловко обрабатывает еловые шишки, всаживая их в расщелину старого пня. Такое место называют кузницей дятла, хотя правильней бы назвать его столовой. Должно быть, стук, поднятый дятлами, и приманил сюда синиц. Где дятел долбит, там всегда с кусочками коры какая-нибудь пожива сыплется.

После небольшой паузы на лесной сцене появились новые действующие лица: поползни, ловкие и юркие, в голубоватом оперении. Проворно передвигаясь по стволам, то и дело поворачиваясь вниз головой, они звонко насвистывали: «Фють, фють, фють...»

А вот еще птички. Они прилетели почти одновременно с поползнями. Спинки у них коричневатые, с пестринкой, носы длинные и тонкие, хвост куцый, как у поползней. Это пищухи. Спорхнув вниз, к основаниям деревьев, они по спирали взбирались по стволам, обшаривая их, на мгновение останавливались, чтобы сунуть свои длинные носы в какую-либо щель коры, и снова поднимались выше и выше, напевая несложную песенку: «Ти-и, ти-и...»

Монотонный писк пищух уже начал нагонять скуку, когда на поляну ворвалась веселая, подвижная и шумная компания воздушных гимнастов в буроватых одеждах с острыми хохолками на головах. Это были хохлатые синицы. Они кувыркались в воздухе, качались на тонких ветках вниз головой, прыгали с ветки на ветку, перепархивали с дерева на дерево, сопровождая ловкие и легкие свои движения задорными птичьими частушками: «Ти-тэ-рэ-рэ, ти-тэ-рэ-рэ...»

Над лесом проплыла небольшая тучка и закрыла солнце, но потом оно еще ярче осветило лесную сцену. Слева от меня заискрилась снежными блестками большая ель, вся в гирляндах золотисто-коричневых шишек. Капли застывшей смолы на шишках янтарем блестели в солнечных лучах.

Высоко на одной из веток сидела небольшая (чуть крупнее воробья) птичка, одетая в ярко-красное оперение. Своим видом она напоминала маленького попугая: коренастая, плотная, с массивным загнутым клювом и цепкими когтями. Когда ветер шевелил ее красные перья, они отсвечивали на солнце ярким пламенем. И вот эта огненная птичка на вершине рослой ели вдруг запела. Звонкие трели ее песни переходили в звучное щелканье, в громкий свист. Песня звучала совсем по-весеннему, а ведь в лесу властвовал январь — суровый, неласковый месяц для птиц, месяц стужи и нескончаемых поисков пищи. Чем же вызвана была эта радостная по-весеннему песня и кто этот одетый в багрянец певун?

Это клест-еловик! Ему лучше живется в зимнем лесу, чем другим пичугам, потому что он кормится еловыми шишками. Там, где большой урожай еловых шишек, клесты и гнездятся зимой. Зелененькая самочка клеста высиживает птенцов и, не сходя с гнезда, согревает своим телом, пока они не оперятся, а красный клест-отец кормит еловыми семенами свою подругу и весь выводок своих ребятишек. Это работа немалая! Однако жизнерадостный, веселый папаша находит время, чтобы в песнях излить свое хорошее настроение. Вот почему я слышал в январе звучные трели клеста.

Были у него и другие слушатели. Я видел, как рыжая лисица, свернув со своей охотничьей тропы, приблизилась к елке, где пел клест, села на снег и внимательно насторожила уши. Или она думала о завтраке? На куче заснеженного хвороста удобно устроился горностай. Под кудрявой елкой из снежных нор бесшумно вылезли мыши и застыли в неподвижности. Возможно, вдали, за сугробами, присутствовали и другие поклонники клеста? Ведь двери в лесной театр открыты для всех.

КЕДР — ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО

Случалось ли вам встречать человека, который однажды, бродя по лесистым горам, выбрал место и сказал: «Здесь будет город»? Сказал и — чудо! — как в сказке возникает город, почти в десять раз больше самой Москвы... Не случалось? А люди такие есть. И город есть такой. Имя ему Кедроград.

Не пытайтесь найти его на карте. Кедроград — мечта.

Мечта? Но ведь только что говорилось другое! И если мечта, то почему сотни писем из разных концов страны, где на конверте черным по белому написано: «Кедроград»,— приходят точно по адресу? Что за путаница?

Не волнуйтесь. Никакой путаницы нет. Все, что мы сказали,— правда... Однако послушайте сперва старую легенду.

Рассказывают, что когда-то, давным-давно, жил на свете Батыр-Бий. Полюбил Батыр-Бий красавицу Катунь и отправился к ней свататься. А случился тогда большой недород. Попросила Катунь Батыр-Бия спасти ее народ от голода, обещав за это стать его женой.

Пошел Батыр-Бий по тайге. Шел он много дней и много ночей. Однажды увидел Батыр-Бий диковинное дерево, около которого кормилось и поилось все живое. Держало оно корнями своими землю и оберегало реки, смиряло громадными ветвями с длинными тонкими иглами сухие ветры, укрывало оленя, питало соболя и белку. Собрал Батыр-Бий шишки с семенами этого дерева и принес красавице Катуни. Но красавица их не взяла. Разгневался Батыр-Бий, поднялся на самую высокую гору Алтая и рас-

швырял по всей тайге семена диковинного дерева. Так в Сибири родился кедр.

Эту легенду сложили в Горном Алтае, на берегах Катуни и Бии, что, сливаясь, образуют могучую реку Обь. И поныне шумит здесь величавый красавец кедр — добрый друг земли и рек, птиц, зверей и человека. Самый питательный и вкусный орех, масло, лекарства, смолу, чудесную древесину — все это дарит человеку кедр. А ягоды, медоносы, целебные травы, растущие под ним? А «маралий корень» — алтайский женьшень? А пушнина и дичь, олени с драгоценными пантами?.. Много даров получает от кедра человек и за это славит его.

Славит и в то же время... Очень больно, очень трудно этому поверить, но в жизни произошло именно так: тот же человек поднял руку на золотое дерево. В тайгу пришли «шишкари»-браконьеры. Они рубили кедр только для того, чтобы собрать с него один-единственный урожай орехов. Они наносили дереву тяжелые раны, и оно заболевало, заражая гнилью весь лес. Его дорогие стволы пилили на дрова. Беспечные охотники разводили в тайге костры, бросали в опавшую хвою окурки, и смолистый кедр пылал, как свеча, на сотнях и тысячах гектаров. Ему бы расти и расти. Давать орех. И жить свои четыреста лет! Но границы кедровых лесов катастрофически сокращались. И не только на Алтае, но и везде, где они были,— в Тюменской, Томской, Иркутской областях, в Красноярском и Приморском краях.

И тогда прозвучал голос: «Мы защитим тебя, кедр!»

Он прозвучал над пустынной тайгой. Деревья шумели под ветром. Им было, наверное, странно слышать такие слова от крохотного существа, которое легко могло затеряться и пропасть в бесконечных лесных просторах.

Но голос повторил с новой силой:

«Мы друзья с тобой, тайга, слышишь? Мы поможем тебе вырастить орех. Мы наведем в твоих зарослях порядок. И заживешь ты по-новому!»

С тех пор прошло несколько лет. Но все эти годы разговор с тайгой продолжался. В стенах Ленинградской лесотехнической академии, в студенческом общежитии, а потом в лесных учреждениях Москвы.

Комсомольцы — а это были, конечно, они! — решили создать в тайге невиданный город. Город протяженностью в десятки километров, с заводами по переработке древесины и кедрового ореха, с маслобойнями и лесопилками, с садами и зверофермами, с кварталами лесов и улицами рек, город, напоенный ароматом золотистой хвои...

Его еще нет, и он уже есть — край комсомольской мечты, Кедроград. Нет еще заводов и «проспектов», но есть уже хозяйство больше чем в триста тысяч гектаров, которое названо кедровой опытной станцией. Она первая в стране. Ее организовали весной прошлого года выпускники Ленинградской лесотехнической академии. Это Сергей Шипунов, уроженец Алтая, с детства полюбивший тайгу. Он спроектировал удивительный город и увлек своими планами товарищей-студентов. Это Виталий Парфенов — неутомимый энтузиаст и романтик, секретарь комсомольской организации станции, инженер-охотовед. Это талантливый лесоустроитель Николай Телегин. И многие другие.

Им все пришлось начинать сначала. Строить жилье и намечать будущие зеленые кварталы. Освобождать кедр от бурелома и отводить угодья пчелам. Уйма времени ушла на то, чтобы взять на учет все население тайги, подготовиться к зимней охоте на соболя...

И весной много будет дел. В маральнике. На посадках. Ведь сколько нужно терпения, чтобы прорастить семена кедра, уберечь от зверья и птиц его первые ростки!

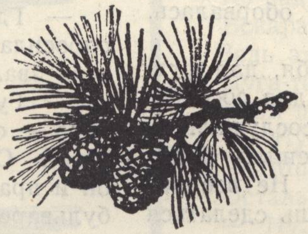
Летом — сбор ягод, «маральего корня». Потом — заготовка ореха. Этой осенью над тайгой пронесся большой ветер — тушкин, он осыпал шишки. Лесоводы станции собрали целых сто тонн ореха! В будущем на ветер надеяться нельзя: осыпать шишки станут вибраторы, те, что забивают металлические сваи. Или вертолет. Он еще лучше. Искусственный ветер от его винта поможет и сбору шишек и опылению кедра. Кроме того, он доставит куда надо рабочих и заберет у них снятый урожай.

Очень гордятся комсомольцы своим кедросадом. Он занимает десять гектаров. Это молодой сорокалетний лес, прочищенный и где нужно прорубленный, как говорят, «просветленный». Какой урожай он даст через несколько лет! А новые дома... Всего не перечтешь!

Да, но мы не сказали самого главного: где находится эта опытная станция, которой суждено стать Кедроградом. Хотя вы уже, наверное, догадались? На Алтае! Там, где несутся с гор быстроводные Бия и Катунь. Недалеко от Телецкого озера, в огромном кедровом массиве.

Чтобы попасть на опытную станцию, надо свернуть с Чуйского тракта и пройти семьдесят километров по топким болотам, по лесным завалам, преодолеть каменистые кручи со скользкими, поросшими мхом валунами...

Нелегок этот путь, но он не испугал комсомольцев, которые пришли сюда по зову своей мечты. Не испугали их и дождь, снег, ветер, трудности с жильем и питанием, терпеливые научные поиски и утомительные расчеты, тяжелая физическая работа, сотни километров нехоженых чащоб. Они стали еще упорней, настойчивей в своей мечте. Мечта у них прекрасней всякой сказки — показать людям, какой при коммунизме будет вся тайга!

Клетчатое чучело

М. КОРШУНОВ

Рисунки Е. Медведева.

Степе купили куртку — белую, на клетчатой подкладке.

А что значит белая куртка? А это значит, что лучше бы ее совсем не покупали!

В футбол играть нельзя — испачкаешь. Бороться нельзя — испачкаешь. Лазить в котельную или помогать мастерам смазывать лифт тоже нельзя — опять испачкаешь.

Вы спросите: а что же можно? А можно так себе ходить по бульвару и читать газету.

Степа пытался надевать старую куртку, черную и рваную. Но дома кричали, чтобы он не смел наряжаться чучелом, позорить отца и мать и всю остальную семью.

Вся остальная семья — две маленькие сестренки: Даша и Маша. Они должны гордиться братом, а не краснеть за него, как за чучело, перед соседями, домоуправом, почтальоном, лифтершей и еще, кажется, папиными сослуживцами. Даша и Маша забыли. Спрашивали у Степы. Он сказал, что вроде надо краснеть и перед сослуживцами.

Так или иначе, но старую куртку отобрали.

Степа вначале очень мучился. И все его товарищи мучились из-за этой новой белой куртки.

Степа перестал играть в футбол, бороться, лазить в котельную, помогать мастерам смазывать лифт. Погибал да и только. Был человек — и нет человека!

Дома каждый вечер проверяли, не запачкал ли он куртку. Что с ней? Как она? Бережет он ее или не бережет? Может, опять хочет превратиться в чучело и опозорить отца и мать и всю остальную семью?!

Прежняя нормальная жизнь оборвалась. Кончилась.

Степа не жил больше для себя, для футбола, лифта, котельной, а жил для соседей, дворника, почтальона, папиных сослуживцев.

Но однажды утром Степу осенило, будто по лбу что-то громко стукнуло! Не все потеряно, Степа. Ты вновь сможешь сделаться человеком!

Вы, очевидно, думаете, что Степа попросту решил поскорее порвать и запачкать новую куртку? Ошибаетесь.

Но не будем забегать вперед. В общем, Степа опять сделался человеком.

Как и велено ему было, он носил новую куртку, но боролся в ней, играл в футбол, лазил в котельную, помогал смазывать лифт. Когда же Степа возвращался домой, снимал куртку и вешал ее на крючок в коридоре, она была чистой, без единого пятна, без единой помарки.

Пожалуйста, проверяйте. Да чего проверять: и без того видно, что она чистая!

Дома довольны. Отец и мать довольны: Степа гуляет, прилично выглядит, не носится черт-те где, бережет куртку.

Отец сказал:

— Надо было давно купить ему такую светлую: она его дисциплинирует.

Довольна и вся остальная семья, Даша и Маша: больше не требуется запоминать, перед кем за Степу краснеть, а перед кем не краснеть.

В субботу днем случилась история. Мама вышла во двор кликнуть Степу обедать. Ребята играли в футбол. Мяча не было и вместо него играли кочаном капусты.

Мама покричала Степу, поискала глазами белую куртку, не нашла и вернулась домой. Даже обрадовалась, что не нашла: значит, на самом деле куртка дисциплинирует Степу и он не гоняет по двору грязный кочан.

А Степа как раз гонял кочан, пока тот совсем не развалился. И только после этого вернулся домой. В коридоре на крючок повесил чистенькую куртку.

— Где ты был? — спросила мама. — Я тебя звала.

— Гулял на бульваре, — солидно ответил Степа, вроде он и правда гулял на бульваре и читал газету.

Мама ушла на кухню, чтобы принести кастрюлю с супом.

— А я тебя видела, — тихо сказала вся остальная семья, Даша.

— И я тебя видела, — тихо сказала вся остальная семья, Маша.

— Где вы меня видели? — насторожился Степа.

— Во дворе из окна.

— Мама не видела, а вы видели?

— Ага. Ты капусту катал.

— Пфе! Враки!

— А вот и не враки! Ты теперь наоборот ходишь.

— Как это «наоборот»?

Даша и Маша сбегали в коридор и принесли Степину куртку.

— Вот так, наоборот!

Сестры вывернули куртку наизнанку, и получилась она не белая, а клетчатая, рваная, грязная и в масляных пятнах.

Послышались шаги матери. Она возвращалась из кухни с кастрюлей. Степа быстро вывернул куртку налицо. Белая и чистая.

Вошла мать. Степа молчал. Молчали и сестры. Они не хотели выдавать брата, что он опять чучело, только не черное, как раньше, а клетчатое.

Ольга ВЫСОТСКАЯ

СВИСТУН

Один свистун свистеть любил,
Свистел в любое время.
Он всех соседей изводил
И ссорился со всеми.
Он просто дни и ночи
Свистел что было мочи.

— Ох, перестань! — просил сосед. —
Ты просвистел нам уши!
А он еще грубил в ответ:
— Не нравится — не слушай!

Но как-то раз услышал гром
Мальчишку-грубияна.
Он спал на туче за бугром
И был разбужен рано.
— Что там за свист? Я спать хочу!
Какой бездельник, право!
Я шалопая проучу
За глупые забавы!

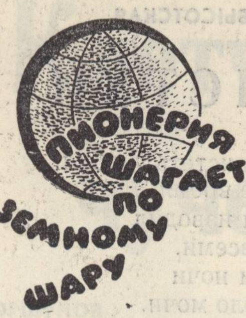
И вот с тех пор над свистуном
И дома и в трамвае
Стал грохотать сердитый гром,
Пощады не давая.

Ни отдохнуть, ни почитать,
Ни выучить уроки!
И сотрясал его кровать
Ночами гул жестокий.

Свистун взмолился: — Помолчи!
Болят от шума уши!
Но гром гремел ему в ночи:
— Не нравится — не слушай!

Свистун заметно похудел,
Не ел, не высыпался.
Уж он не только не свистел —
Он говорить боялся!

Решила бабка свистуна:
— Довольно парня мучить!
По радуге-дуге она
Вскарабкалась на тучи.
Ведь это очень просто:
Дуга-то вроде моста!
Гром проворчал, открыв ей дверь:
— Ну, что там? Что такое?
— Мой внук исправился теперь
Оставь его в покое!
— Ну, если просишь ты добром,
Уж так и быть! — пробухал гром.

НАСЛЕДНИКИ

Говорят, что с годами у некоторых людей появляются разные странности. Так было и с человеком, который жил в доме № 244. Ученый, физик и математик, в свое время он получил немало почетных дипломов. А к старости стал очень странным.

Жил он в небольшом городке Каменецке Шеневе. У него было там два дома, один из них совсем пустой и заброшенный. Жена старика умерла, и до самой смерти он жил в своем большом доме один-одинешенек.

Что это была за жизнь, рассказать трудно. Он не пускал к себе людей, ни с кем не разговаривал. Дом его приходил в упадок: сгнили полы, скрипели ржавые петли. Деревья разрослись в саду и мешали друг другу. Но старик не звал кого-либо помочь.

Страстью его была техника. На тяжелых полках лежали мотки проводов, изоляционные ленты, части мотоциклов и каких-то других машин, газовые баллоны, стекло, дерево, металл. Подобно тому, как иные люди старались во время войны запастись на «черный день» мылом, солью или мукой, старый физик запасался материалами для своей работы. Он не гнушался и на улице нагнуться за какой-нибудь гайкой и, как Плюшкин, тащил ее к себе в дом. Весь дом, от самого верха донизу, был полон удивительных машин и приборов. Многое он сделал своими руками.

Никто не трогал старика. Ему оставили в полное владение оба дома. А так как он время от времени давал советы инженерам с соседних стекольных заводов, то ему платили и нечто вроде зарплаты.

В городе привыкли к его существованию и почти не обращали на него внимания. Лишь один человек, учитель физики и математики коммунист Иозеф Йанура, не мог спокойно пройти мимо угрюмого, глухого дома. Ему ясно представлялось, как много знаний и опыта уйдет со смертью старика. Да и жалко было одинокого человека.

А у Иозефа Йануры тоже были свои «странности». Только совсем иные, прямо противоположные тем, что отличали старика. Тот готов был замкнуть от людей все: свой дом, мысли, жизнь. Йануре же хотелось помочь людям, открыть им все двери в жизни. И он часто поэтому брался не за свои дела. Мог, например, увидев, как в очереди, ожидая автобуса, люди мокнут под дождем, встать утром пораньше и своими руками сделать навес на автобусной остановке. Мог серьезно размышлять над строительством школьного бассейна, в котором детям пусть и не пришлось бы плавать, но все же они хоть купались бы в жаркий день...

Йануру выбрали председателем городского Совета. Он стал, как здесь говорят, «мэром» города. Однако по-прежнему ходил в школу и вел там свои классы.

Однажды Иозеф Йанура познакомился со старым ученым, и тот, против обыкновения, позвал его к себе в дом. Может быть, это случилось потому, что Йанура тоже был физиком и их волновали одни и те же проблемы в науке. А может, и потому, что старик затосковал в своем одиночестве и ему не хотелось одному возвращаться с улицы в холодный дом.

С этого дня Йанура стал там частым гостем. Он жил на той же улице, чуть-чуть наискось, ему надо было только перейти дорогу, поэтому вдвоем они засиживались до ночи. Обычно старик говорил, словно радуясь, что дорвался наконец до слушателя. А Йанура слушал его и молчал... С горечью он думал о том, какая нелепая судьба может постичь человеческую мысль. Все знания, все, на что тратил свои последние годы старый физик, оставалось, по существу, бесплодным сокровищем скряги. «Позвать бы сюда ребят,— думал Йанура,— пусть бы хоть одним глазом увидели этот удивительный мир техники».

Но об этом нечего было и думать. Привязавшись к Йануре, старик все равно остался таким же, как и прежде.

— Вы почему-то мне не мешаете,— говорил он учителю, и это было его высшей похвалой.

Неожиданно старик умер. Это случилось так, как часто бывает с очень пожилыми людьми: без стонов, без жалоб, без особых болезней,— его жизнь остановилась, как ход часов.

Не оказалось у него ни родственников, ни близких друзей, и Йанура предложил, чтобы дом отдали в наследство детям, школе. Он был поглощен мыслью о «наследниках», так и видел, как они поднимаются по лестнице и входят в старый дом. Клад! Что может более пленить воображение? И не где-то там, под землей, неведомый и неверный, а реальный, как свет дня, клад знаний и техники.

Хотелось ему, чтоб двери наконец открылись, чтобы горячая мысль, которую сам старик обрек на гибель, обрела жизнь.

ДОМА № 244

Он был настойчив, учитель Йанура, и добился своего.

В первый раз ребята вошли сюда очень тихие. На всем еще лежала печать запустения и густым трауром — пыль. Лестница, словно отвыкнув от шагов, скрипела под ногами. Ребята старались держаться ближе друг к другу, не отставать от учителя.

— Посмотрите,— сказал Йанура, поднимая с пола небольшой черный аппарат и бережно стирая с него пыль.— Этот аппарат сделан не на заводе, не в какой-то специальной мастерской, а здесь, в этом доме, руками одного-единственного человека.

Учитель открыл нижнюю крышку аппарата. Ребята увидели прямоугольные лабиринты проводов, конденсаторы, поразительно четкую и строгую схему прибора.

Во дворе дети нашли старый автомобиль. Обнаружили три мотоцикла — они стояли в подвале. Там, внизу, было настоящее подземелье, где и шагу нельзя было ступить среди нагромождения машин. Да что говорить! Позже, разобравшись в огромном хозяйстве, дети смогли полностью снабдить приборами и оборудованием четыре кабинета физики, четыре школы! Автомобиль — такого теперь уж не встретишь: он принадлежал к серии первых выпусков — отослали в дар Пражскому техническому музею. Хотелось, очень хотелось оставить его себе: ведь хоть и старый, а все-таки еще ходит,— но рассудили, что это диковинка, которую должно видеть как можно больше людей.

Йанура был тысячу раз прав, настаивая передать «наследство» ребятам. Кто, кроме них, мог так терпеливо и старательно разобрать это сумасшедшее богатство техники, накопленное за долгую жизнь! Да у взрослых и времени бы на такое не хватило! Тряпочка к тряпочке, проводок к проводку...

Ничего не было выброшено в утиль. Куски старых автомобильных шин? Их использовали для колес ручной тележки. Бесконечные и широкие полки на стенах? Они пригодились как столы в слесарной мастерской. Наверху, в чердачном зале — а там действительно был целый зал,— поставили стеклянную перегородку, снесли туда все самое ценное.

— Мы приходили сюда по воскресеньям. В каникулы. После уроков. Этот дом, как магнитом, тянул к себе каждого. У нас было сорок спецовок, и их всегда не хватало,— рассказывает Петр Волехнал, редактор школьной пионерской газеты.

Планы ребят, однако, не исчерпывались простой разборкой вещей. Они хотели, чтобы в доме кипела жизнь. Им мерещился большой пионерский дом со светлыми окнами, с парком, сценой, мастерскими.

...И теперь такой дом стоит. Его перестраивали целых два года. Лишь самые сложные работы взяли на себя взрослые. Все остальное — ребята.

Дом окрашен светлой желтой краской, он еще окружен лесами, еще на окнах не смыты брызги, слетевшие с кисти маляров. В саду и сейчас еще корчуют высохшие деревья. Не бьет фонтан... Еще не бьет... А сколько зато неисчислимых «уже»!

Ведь ребята не только заново отстроили дом № 244: сменили в нем полы, вставили новые рамы, второй дом они начисто снесли. На месте его устроена открытая сцена.

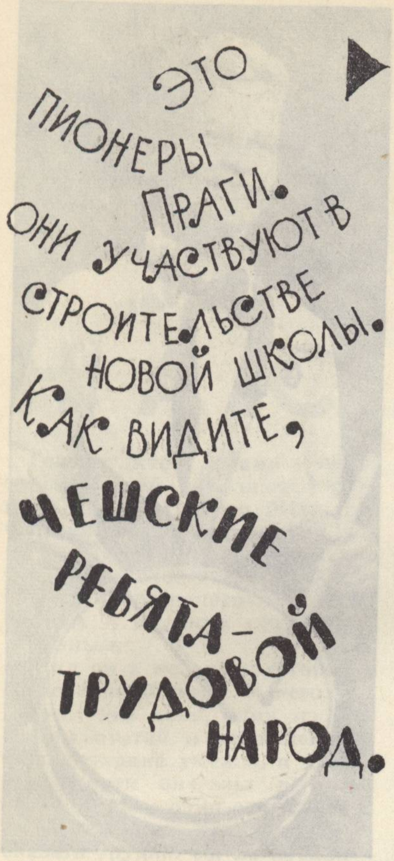
Городской Совет недавно выдал школьникам премию — пять тысяч крон. Ведь то, что они сделали, означало для всего города большую экономию рабочей силы и средств.

Вот такие бывают современные сказки: дом, словно заколдованный, вдруг ожил, открылся клад, который был спрятан за семью замками... Дети своим трудом не только сохранили, но и приумножили его богатства.

Только одно не взяли они в наследство — характер старого физика. Духом пошли скорей в Йануру. Это ведь он умеет любить жизнь!

Нина Александрова
Чехословакия.

Это пионеры Праги. Они участвуют в строительстве новой школы. Как видите, **чешские ребята — трудовой народ.** ▶

…Случаются же неприятные истории в пути. ▼

▲ Это Алена Седива и Хонза Мертлик. Они до школы успевают „слетать" в магазин.

СЕСТРА И БРАТ ЕВА и ПАВЕЛ РОМАНОВЫ — МАСТЕРА СПОРТА ПО ФИГУРНОМУ КАТАНИЮ НА КОНЬКАХ. ОНИ ХОРОШО УЧАТСЯ, ИЗУЧАЮТ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. ТРИ РАЗА В НЕДЕЛЮ ОНИ ВСТАЮТ В ПОЛЧЕТВЕРТОГО УТРА, ЧТОБЫ УСПЕТЬ НА ТРЕНИРОВКУ. У НИХ НА ВСЕ ХВАТАЕТ ВРЕМЕНИ.

РИСУНКИ ЧЕШСКОГО ХУДОЖНИКА ЯРОСЛАВА ЦИТА

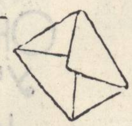

— Перегоним Америку! Летать, правда, у нас тоже не будет, но хоть в весе выиграем...

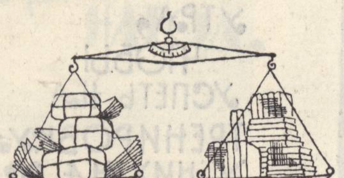

— Конечно, эта банка подходит. Но вернешься ли ты из космического полета раньше, чем мама начнет солить огурцы?

Новости у чешских друзей

Школьники Чехословакии получили в этом году бесплатно все учебники и учебные пособия. В ответ на эту заботу они решили взять новые книги на социалистическую со-

хранность, то есть сдать их к концу года такими же чистыми, какими приняли. А пионеры из дружины имени Юлиуса Фучика (город Писки) взялись не только сохранить книги, но и собрать старую бумагу. Она будет весить столько, сколько их учебники, вместе взятые.

Во многих дружинах к новым книгам пионеры подклеили чистые странички, на которых будет записано имя первого «владельца» и всех последующих. Интересно, какой учебник сохранится дольше всех?..

«За красным знаменем» — так называется новая большая экспедиция пионеров. Отряды этой экспедиции будут узнавать — каждый в своем районе — революционное прошлое, путь коммунистической партии и народа.

В городе Чешская Липа пионеры детского дома недавно узнали, что перед войной в день Первого мая коммунисты вывешивали на высокой трубе завода красную звезду. Где она теперь? Куда исчезла? Или кто спрятал ее в дни оккупации?

Старый коммунист рабочий Глейх сказал им, что перед приходом фашистов звезда была зарыта в землю. Жена Глейха указала ребятам и место, где это примерно могло быть.

Пионеры выкопали уже несколько ям. Однако звезду пока еще не нашли. Поиски продолжаются...

В «Пионерских новинах» (пионерская газета ЧССР) появилось письмо под заголовком: «Ко-ко-ко-ко, дд-а-а-а-ак! Курица Пипка ищет друзей».

«Меня зовут Пипка,— начинается письмо.— У меня нет ни сестрички, ни цыпленочка, ни петушка, который позвал бы меня, когда найдет зерно. Я одна во всем дворе, и мне грустно.

Слышала я, что пионеры ухаживают за курами, заботятся о них. Правда ли это? Где взять пионерам корм? Говорят, на полях осталось много колосков, но их собирают ведь только старые бабушки... Да?

Напишите мне, что вы думаете об этом, о скольких курочках заботитесь и где берете корм, чтобы они хорошо неслись.

Ваша Пипка».

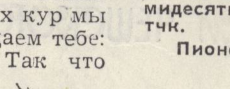
На следующий день Пипка получила много писем и даже одну телеграмму. «Дорогая Пипка! Ты хочешь знать, скольких кур мы растим. Сообщаем тебе: двадцать две. Так что когда тебе будет скучно, вспомни, что ты вовсе не одна, а вас уже двадцать три...»

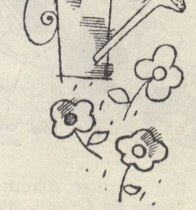
«И мы, пионеры Чешске Каменице, заботимся о курах. Младшие ребята собирали для них на поле колоски. (А ты говоришь, что собирают только старые бабушки!) Многие ребята работали на обмолоте зерна, и им за это разрешили взять то зерно, которое упало на землю подле молотилки...»

«Пипке Пионерские новины Прага тчк Чтобы все куры имели на зиму корм зпт решили мы собрать картофель с четырех тысяч восьмисот семидесяти шести гектаров тчк.

Пионеры Преровского района».

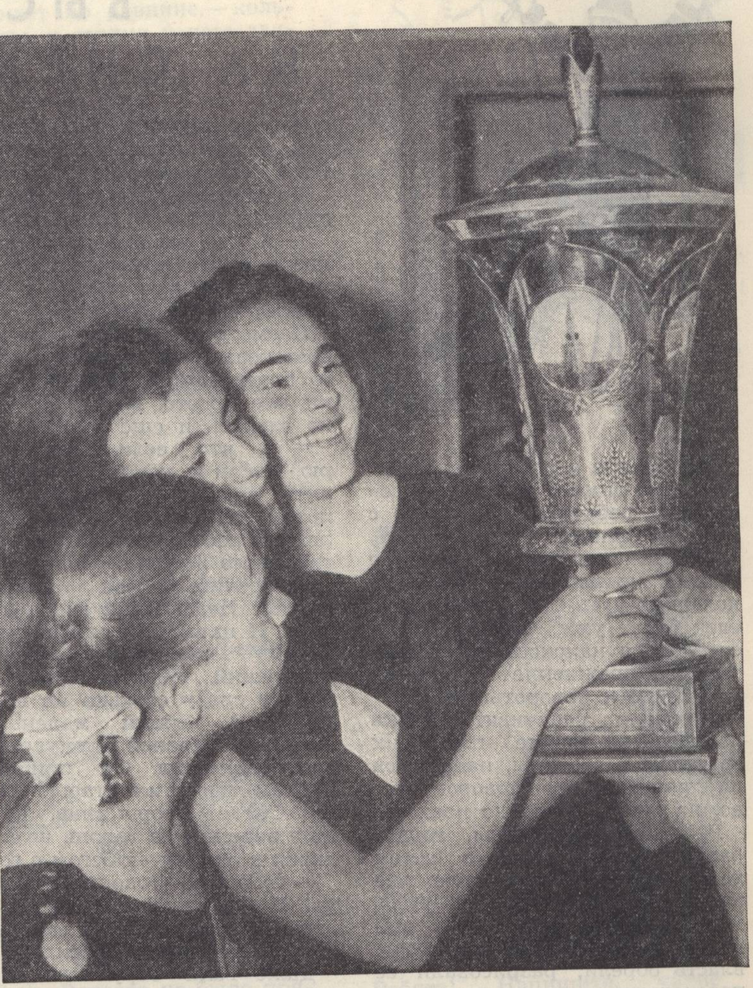

Уже никто из взрослых в Дольни Паустовне не заботится о городском парке: это взяли на себя пионеры. Они берегут старые деревья, подсаживают новые, расчищают дорожки и собирают опавшие листья. По весне будут сажать здесь цветы.

Непоседливый кубок

М. МАКСИМОВА

Он появился на свет недавно: всего два года назад. Его называют олимпийским, но совсем не за то, что он выигран в Мельбурне или в Риме. Он там никогда и не бывал! Но московские школьники получили его из рук в руки от прославленных спортсменов нашей страны. Подписи Владимира Куца, Олега Гончаренко, Лидии Калининой и многих других олимпийских победителей выгравированы на серебряных боках кубка.

Вот уже два года он служит наградой школе, которая победит в соревновании за лучшую спортивную работу. Первыми завоевали почетный трофей юные спортсмены 387-й школы в Сокольниках. В прошлом году кубок переменил адрес, и теперь он в школе № 703 Краснопресненского района.

А кто же будет третьим? Кто готовится отнять в 1961 году почетный трофей у ребят семьсот третьей?

Не думайте, что это очень легко! Нынешние хозяева кубка многое сделали, много побед одержали, и не так просто их опередить. Перечислим хоть главное.

Они собственными руками построили школьный стадион, самый настоящий, с беговыми дорожками, волейбольными площадками, песочными ямами для прыжков, с цветниками и даже с трибунами для болельщиков.

У них каждый по утрам делает зарядку. Сто пятьдесят шесть ребят получили спортивные разряды, около тридцати стали судьями и инструкторами и почти все — значкистами ГТО или БГТО.

Десятиклассница Оля Коломейцева стала чемпионкой Москвы в метании диска, копья и в толкании ядра, а шестиклассник Вова Васильев — чемпионом Москвы по плаванию.

Они научились сами выстругивать стартовые колодки, делать барьеры для соревнований в беге с препятствиями, ремонтировать мячи и лыжи.

Вот за все это у них и очутился заветный кубок. Отвоевать его, переселить к себе может любая школа, если ее ребята постараются и наладят свои спортивные дела еще лучше, чем в семьсот третьей.

ВЫСТАВКА НА СНЕЖНОЙ ГОРЕ

Как-то раз в воскресенье вышел я из дома и стал учить соседских ребятишек кататься с горы на лыжах.

Сначала мы ездили вниз по прямой: лыжи вместе, ноги в коленках чуть согнуты — у кого след будет уже? Потом стали спускаться наискось по склону, тоже упражнение хорошее. А дальше и повороты из «плуга» начали разучивать. Носки лыж сведем вместе, пятки их разведем в стороны, навалимся на правую ногу — поворот влево, на левую — вправо поехали.

Ребятишки довольны, горды, разрумянились. Да и в самом деле здорово! Всего часа два назад никто ничего не умел, мчались вниз, куда лыжи вынесут. А тут словно над горою власть обрели; разрисовали ее поворотами во всех направлениях. Елка на пути попадется — они елку объедут, канава — и в канаву не попадут!

Только у одной девочки, у Гали Стручковой, ничего не получалось. Встанет на лыжи, засунет валенки в большие ремни до самых голенищ, тронется с места — и... шлеп! На животе лежит, руками лыжи ловит. А они, как дикие лошади, в разные стороны.

Смеются ребята:

— Эх ты, большая! Не умеешь на лыжах кататься!

Галя сердится, вся в снегу, губы дрожат, смотрит на ребят исподлобья и отвечает:

— Да, хорошо вам: у вас крепления на лыжах. Были бы у меня, и я бы съехала!

— Верно, — говорю. — Зря смеетесь над ней. Без креплений нельзя с горы спускаться, тем более повороты делать.

Но ребятишки не сдаются, обступили меня и Галю, шумят:

— А что же она не сделает? Разве у нас крепления покупные? Разве они к нам с неба свалились? Смотрите!

Посмотрел я и подивился изобретательности ребят: у одного веревочки, у другого резинки, все просто, ладно. Но можно сделать и еще лучше...

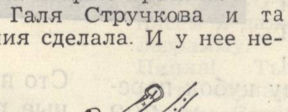
— А что, если нам,— говорю,— всем с недельку пошевелить мозгами, помастерить, а потом о ваших лучших креплениях рассказать другим ребятам через журнал «Пионер»?

Загорелись мои молодые друзья. Неделя как миг пролетела. И натащили они к следующему выходному всяких креплений... Никогда одному человеку сразу столько не выдумать! А самый маленький, Мишка Баранов, умудрился, всех насмешил. Он прибил к лыжам гвоздями старые галоши. Съедет с горы вниз, вытащит валенки из галош, возьмет лыжи в охапку—и бегом в гору!

— Хорошо,— говорит.— Быстро! И мамка не заругает, что галоши испортил. Она мне сама с чердака старые бросила!

Даже Галя Стручкова и та крепления сделала. И у нее немножко начали выходить повороты. Рада была очень! Вот, пожалуй, с ее креплений мы и начнем сегодня.

1

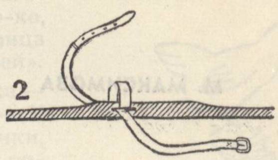

1а

К носковому ремню Галя пришила суровыми нитками ремень с пряжкой и поперечинкой. Ее лыжи перестали спадать с ног. Но все же пятки валенок свободно поднимаются вверх и легко сдвигаются в стороны; нога поворачивается, а лыжа нет. Делать повороты с такими креплениями Гале трудно.

2

2а

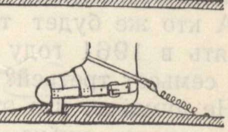
Крепления Вити Каплина удобны своей простотой и закрепляют на ногах лыжи немного лучше, чем Галины. Два брючных ремня (по одному на каждую лыжу) Витя просовывает в отверстия для носковых ремней, крест-накрест обматывает ремнями валенки, застегивает ремни на пряжки — крепления его готовы.

Ваня Власов, Толя Шахов и Митя Пряхин придумали по-другому. Чтобы пятки лыж были притянуты к ногам туже, Ваня приладил сзади резинку, Толя — дверную пружину, а Митя — снимающийся ремень... Резина держит слабовато (осо-

3

4

5

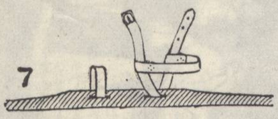

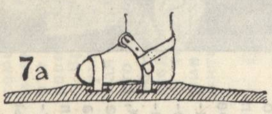
6

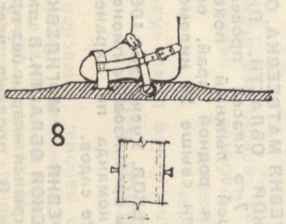
бенно в сильный мороз), пружина очень громоздка; ремень с пряжкой удобнее всего.

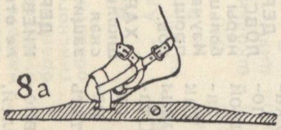
Передняя часть креплений у всех трех мальчиков одинакова — такая же, как у Гали Стручковой. Сзади ремень, резинка или пружина прикрепляются к лыже с помощью изогнутой железной пластинки на двух винтах. (Гвозди в лыжу вбивать нельзя.)

7

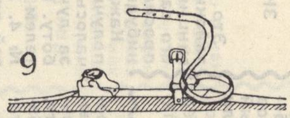
7а

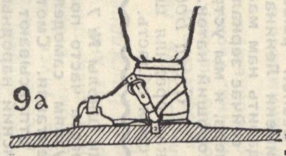
Коля Воробьев прожег в лыже — под пяткой валенка — продолговатую дырочку, такую же, как для носового ремня. Просунул в нее ремень, пришил к нему сзади петлю. Лыжи держатся на ногах отлично — спускаться вниз, поворачивать ему очень удобно. Только трудно идти по равнине,— попробуйте идти, когда пятка не поднимается! Впрочем Колю это не печалит: его дом стоит под самой горой.

8

8а

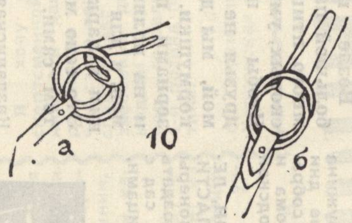
Илюша Меркелов живет далеко от склона. Ему приходится идти по равнине каждый день километра два. Вместо дырки под пяткой, которую прожег Коля, он ввернул с обоих боков лыжи по винту, а к ременным креплениям, тоже с обеих сторон, пришил по железному колечку. Придя на гору, он надевает кольца на винты и сильнее затягивает крепления, а когда идет по равнине,— кольца сняты, и ступня у него движется свободно.

9

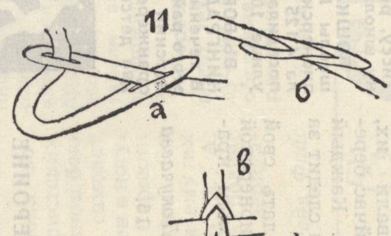
9а

Совсем «жесткие» крепления, с железными скобами, сделал в слесарной мастерской Володя Корнеев. Но они годятся только тем ребятам, у которых есть специальные горные ботинки и кто уже хорошо освоил слалом.

Дополнительные «секреты»

У Вани Власова не было пряжек, и он приспособил вместо них два железных кольца.

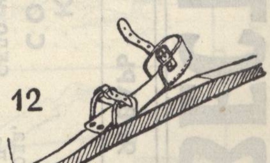
Митя Пряхин не нашел крепких ниток и соединял ремни, как показано на рисунке 11.

А крепления, которые вы видите на рисунке 12, делают для малышей в Чехословакии.

Ребята! Напишите, какие крепления с нашей выставки пригодились вам для спуска с

12

горок и какие крепления вы еще придумали сами.

С приветом от начинающих слаломистов нашей горы и от взрослых горнолыжников!

Мастер спорта
Владимир Преображенский

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 1 (13) ЯНВАРЬ 1961 г.

ЛЕНИНСКИЙ САД

В апреле прошлого года, в день рождения В. И. Ленина, мы посадили сад. Летом ухаживали за деревцами, поливали их, окапывали, а сейчас бережем от морозов. Каждый пионер дружины следит за своим деревцем.

Мы хотим сделать свой сад к 40-летию пионерской организации самым красивым в городе.

Жанна Докучаева

г. Елец, школа № 15.

ПАМЯТНИК ГЕРОИНЕ

«Поставим возле школы памятник Клаве Назаровой, старшей пионервожатой, которая геройски погибла во время Великой Отечественной войны, защищая родной город». Так решил совет дружины школы № 7 города Сталинграда. Деньги на сооружение памятника ребята взялись заработать сами.

В пионерский фонд внесены первые 500 рублей, полученные за сбор металлолома.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

СЕЛО КВАСЫ, РЯХОВСКОГО РАЙОНА, ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ. На одном из бурных потоков, впадающих в Тиссу, ребята начали стройку школьной ГЭС.

ЙОШКАР-ОЛА. Дружина школы № 3 в первые дни пионерской двухлетки собрала 4 125 кг металлолома и посадила на Лесозаводской улице 100 саженцев.

ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН, ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. В течение двух лет пионеры этого района решили создать детский ботанический сад с оранжереями и теплицами, два детских парка.

ДЕРЕВНЯ МАТВЕЕВКА, ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Пионеры 7-го класса провели большой лыжный поход. Изучая родной край, они прошли свыше 50 километров.

ХАРЬКОВ. Учениками 106-й школы организована пионерская команда по охране и защите садов.

ДЕРЕВНЯ МОГИЛЕВКА, КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ. В школе открылся «ларек без продавца». В продаже всегда есть тетради, ручки, перья, карандаши, циркули.

НАШ ЛЕДОКОЛ

Много ребят занимается в разных кружках областной станции юных техников. В кружке судомоделистов ребята сделали модель атомного ледокола «Ленин». Вы можете ее посмотреть на выставке, которая у нас скоро откроется.

П. Плотников

г. Липецк.

Птицы и косули

Возле нашей школы большой парк. Там живет много птиц и косуль, ласковых, умных животных. Чтобы наши лесные друзья не голодали зимой, мы делаем для них кормушки. Дощечки с зернами птицы находят и на полях и около домов, а для косуль мы ставим в парке стожки сена. Это сено мы собирали летом сами.

Д. Моисея

Казданиская семилетняя школа, Айспутский район, Латвийская ССР.

ПЕСНЯ БОРЕТСЯ ЗА МИР

Звания лауреата Третьего городского фестиваля был удостоен ансамбль пионеров школы № 6 города Чебоксары. Юные певцы и танцоры дали более десяти концертов на предприятиях. За выступление на пленуме республиканского комитета защиты мира ансамбль был награжден грамотой Советского комитета защиты мира.

Аля Мовова

КОЛХОЗНОЕ СПАСИБО

Наш пятый класс помогает колхозу. Мы собираем золу и вывозим на поля. Ходим на кролиководческую ферму и кормим кроликов. На своем пришкольном участке мы вырастили для них много капусты и свеклы, наломали в лесу лозы. Колхоз объявил нам благодарность.

Света Бельская

дер. Шанталово, Смоленская область.

ДЛЯ КАРПОВ И КОНЬКОБЕЖЦЕВ

Пионеры нашей школы построили рыбопитомник для карпов. Вокруг пруда разбили сад. Весной рыбоводы колхоза имени Ленина обещали подарить нам мальков карпа. А сейчас зеркальный пруд замерз, и мы устроили на нем хороший каток.

Степа Бобинец

Пилипецкая средняя школа, Закарпатская область.

СКОРО СПАРТАКИАДА!

У нас в Польше сейчас зима. Поля и леса покрылись снегом и блестят на солнце. Наша дружина готовится к соревнованиям по зимним видам спорта. Мы тренируемся каждый день и, конечно, горим желанием победить в спартакиаде нашего воеводства.

Веслав Кардинал

Краковское воеводство, Польша.

ЗНАМЯ КИТАЙСКИХ РЕБЯТ

Это знамя — подарок китайских пионеров из провинции Хэбэй. Они вышили его сами, своими руками, и просили передать в какую-нибудь школу города Читы.

Каждой школе хотелось получить знамя дружбы. Началось горячее соревнование за лучшую пионерскую работу. И вот недавно победителем была признана школа № 4. Знамя китайских друзей вручено ей.

Ученики школы № 7 города Бухареста часто показывают друзьям самодеятельные спектакли. Смотрите, как лихо отплясывают ребята румынский народный танец.

РАЗГОВОР О МУЖЕСТВЕ

Это был незабываемый день для ребят детского дома № 1. К ним в гости пришел Герой Советского Союза летчик Захар Артемович Сорокин. Он рассказывал ребятам об Отечественной войне.

Сам Сорокин сбил восемнадцать фашистских самолетов. В неравном бою он протаранил самолет врага, но был ранен в ногу. Несколько суток Сорокин пробирался к своим. Он обморозил ноги, и ему их ампутировали. Но З. А. Сорокин, повторив подвиг Маресьева, снова вернулся в строй.

Федя Файс

«КОЗЯТИНЕЦ»

«Козятинец» — так решено назвать тепловоз, который будет сделан из металла, собранного пионерами Козятинского района, Киевской области.

АЛЛО! АЛЛО!

— Алло! Дайте шахту «Капитальная».

— Вызываю.

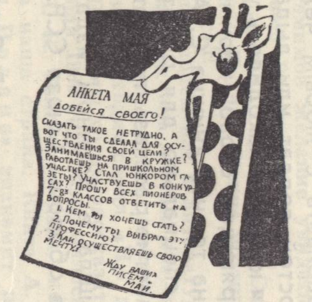
Это работает первая школьная телефонная станция.

В прошлом году шефы — рабочие шахты «Пролетарская-Глубокая» — подарили пионерам старый коммутатор на сто номеров. Восьмиклассники сами во время производственной практики его отремонтировали, протянули воздушные линии, проложили под землей кабель.

«Первой школьной» руководит технический совет из лучших учеников. Станция обслуживает соседние учреждения.

г. Макеевка, школа № 56.

ДОБЕЙСЯ СВОЕГО (ответы на анкету Мая)

Я хочу стать хорошей спортсменкой. Спортом занимаюсь давно. Имею 2-й разряд по акробатике. Сейчас стала легкоатлеткой. На спартакиаде в Артеке я завоевала две серебряных медали и три диплома. Сейчас готовлюсь получить 1-й разряд по легкой атлетике.

Таня Милосердова

ст. Партизаны, Херсонская область.

Я в этом году окончила семь классов и поступила в медицинское училище. Так что уже сейчас иду прямо к своей цели — стать врачом.

Врач, по-моему, — самая гуманная, самая замечательная профессия. Ведь какое это счастье — вылечивать больных, возвращать жизнь людям!

Через два-три года, окончив техникум, я смогу лечить сама.

Галя Очкий

г. Сталиногорск.

Мой отец служил в авиации, и я тоже решил стать летчиком. Сейчас я восьмиклассник, а решил это, когда учился еще во втором классе.

С тех пор я много читал об истории авиации, о создании машин, их летных качествах и искусстве пилотажа.

Я хорошо учусь, занимаюсь спортом. Стараюсь приучиться к дисциплине и твердому режиму дня.

Гена Неижпапенко

г. Кривой Рог.

Моя цель — стать геологом. Эту профессию я выбрал не только потому, что она романтична. Геолог может принести большую пользу народу.

Сейчас я занимаюсь в клубе юных геологов имени Обручева при Дворце пионеров.

Геолог должен быть смелым и выносливым, поэтому зимой я очень часто хожу на лыжах, а летом занимаюсь туризмом.

Саша Носков

г. Ленинград.

Я мечтаю стать балериной. Мне нравится в балете и легкость танца и возможность играть, жестом, движением выразить чувства.

Я занимаюсь в хореографическом кружке Дома пионеров. Педагог доволен моими успехами.

Мне хочется стать профессиональной актрисой. И, несмотря на то, что у нас в городе балетного училища нет, я верю: моя мечта сбудется.

Галя Полищук

г. Караганда.

— Под ежика, пожалуйста.

— Ты думаешь кончать седьмой класс?
— Я-то думаю, да вот боюсь, родители в физике слабоваты.

— Скорее приложи холодное ко лбу.
— Уже приложил.

Спорт

ПЕРВЫЙ ШАГ В ТОКИО

Наша дружина провела олимпиаду. Конечно, до стадионов Токио, где состоятся следующие олимпийские игры, нам еще далеко, но наши результаты уже неплохи: Люба Пилевская прыгнула в длину на 3 м 63 см, Юра Голубев пробежал стометровку за 12,5 секунды.

Витя Пишенко

Школа № 204, г. Москва.

СКОРО В ПРОБЕГ

При Центральной станции юных техников работает кружок юных автолюбителей. Члены этого кружка своими руками построили небольшой автомобиль. Машина уже испытана и показала себя надежной в пути. Скоро ребята отправятся на ней в первый пробег.

Саша Блинов

ЖИВОЕ ДЕРЕВО

В Калининской школе Минской области ребята увлекаются художественной резьбой по дереву. Как живые, выходят из-под их рук герои басен и веселых сказок. Сейчас в школе проводится выставка и конкурс пионерских самоделок.

М. Рожков

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Алеша Шестопал (редактор), Таня Копылова, Миша Корси (художник).

Новая книга о В. И. Ленине

В центре Москвы, на Советской площади, есть дом, где собрано и хранится все, что имеет какое-либо отношение к жизни Владимира Ильича Ленина.

В больших несгораемых шкафах лежат драгоценные ленинские рукописи, первые издания его книг и те книги, которыми Ильич пользовался во время работы.

Там же бережно хранят сотрудники института и бесценные страницы воспоминаний людей, которые работали с Лениным, встречались с ним, выполняли его поручения.

Все эти документы оберегаются тщательно, потому что всем людям — и нам и тем, кто будет жить через много лет,— интересно как можно больше знать о Ленине, а ведь каждая страничка воспоминаний рассказывает о какой-нибудь особенно запомнившейся черте ленинского облика, дополняет новыми подробностями его образ.

Поэтому вы с большим интересом и пользой прочитаете новую книжку о Владимире Ильиче, которую по таким воспоминаниям написал писатель **Сергей Антонов.** Книжка эта называется **«Дорогие черты».** Один рассказ из нее, **«Встреча в Кремле»,** вы, ребята, видели уже на полках книжных магазинов и библиотек. В книге «Дорогие черты», кроме этого рассказа, еще одиннадцать, и все они повествуют о встречах Ильича с людьми, о том, как умел Ильич просто и тепло разговаривать с любым человеком, будь он простой солдат или выдающийся ученый. И для каждого находилось у Ильича время, ободряющее слово, верный совет.

Несмотря на то, что книжка С. Антонова написана не специально для ребят, читать ее легко, и многие рассказы по-настоящему увлекают.

Книжка вышла в Военном издательстве Министерства обороны Союза ССР.

В. Орджоникидзе

Хорошим людям — доброе утро

Недавно я летел на самолете. Самолет сильно болтало от встречного ветра и оттого, что внизу уже было тепло, а наверху, в небе, холодно. Потоки теплого и холодного воздуха сталкивались и образовывали воздушные ямы. Самолет проваливался в эти ямы, и пассажиров укачивало.

Ветер крепчал, и, что греха таить, мы все с волнением поглядывали на далекую землю: скорее бы долететь. И поэтому каждый раз, когда мимо наших кресел проходил командир воздушного корабля, мы подымали на него глаза. Он ходил по самолету, как по земле, мы смотрели на него и успокаивались. Многие скажут: привычка. Он — летчик и летает каждый день. А я скажу: нет, здесь дело не только в привычке. Ведь привыкнуть может к этому не каждый, а только мужественный, решительный и влюбленный в свою профессию человек.

Наш самолет благополучно приземлился в Москве, и я совсем забыл про свой полет и про летчика. И, может быть, не скоро бы вспомнил, если бы мне не пришлось прочитать книгу рассказов «Разноцветная история». Вернее, не вся книга напомнила мне о моем полете, а один рассказ — «Ослик и пятый океан», рассказ о летчике Беспалове.

Этот летчик Беспалов во время войны на простом пассажирском самолете летал через линию фронта к партизанам с боеприпасами, а обратными рейсами возил раненых. И это было очень трудно, потому что для хорошо вооруженного, бронированного фашистского истребителя такой самолет был вроде беззащитной птицы.

Однажды самолет Беспалова обстреляли вражеские зенитчики и повредили мотор. «...Самолет скользил вниз, точно по хорошо укатанной плоскости. Он скользил легко и плавно, и никакая сила уже не могла удержать его на высоте.

Теперь летел не самолет, летела земля — она была большая, больше неба».

Страшно? Жалко себя? Нет, летчику было не до этого. Он думал не о себе, он думал о людях, о раненых, которых вез. И ему удалось посадить самолет.

Этот рассказ сдержанный и скупой на слово. И когда я читал его, то перед моими глазами все время стоял летчик Беспалов. Он был высокий, и спокойный, и удивительно знакомый мне. И тут я вспомнил, на кого он похож: на командира воздушного корабля, того самого, с которым я недавно летел.

Конечно, ведь летчик Беспалов и этот мой безымянный летчик—товарищи по борьбе, товарищи по работе. Сильные, смелые люди. И тогда я понял, что «Ослик и пятый океан»—очень хороший рассказ, потому что он пришел на страницы книги из нашей сегодняшней жизни, в нем живут и борются самые обыкновенные наши люди.

В книге девять рассказов. Девять разных историй о разных людях. Вот рассказ «Дневник П. М. М.». Он совсем не похож на рассказ про летчика Беспалова, его герой — мальчик Димка, который скрывается под загадочными буквами: «П. М. М.».

Димка—очень хороший парень, но его бывший приятель Гога поссорил его со всем классом. И Димка, огорченный, что остался один, что никому не нужен, уезжает к своей матери, которая работает в ста километрах от города.

Большинство людей, которых он встречает на своем пути, относятся к нему с дружеским вниманием. И они помогают Димке наладить свою жизнь.

Можно было бы поговорить и о других рассказах этой книги, но я назвал именно эти два, потому что при всем их различии они выражают основное направление рассказов В. Железникова. И мне кажется, Димка именно такой паренек, из которого вырастет человек вроде летчика Беспалова.

Рассказы, как кинофильм, пересказать нельзя. Их надо прочитать. Поэтому мы и советуем вам познакомиться с книгой **В. Железникова «Разноцветная история»,** которая вышла в Детгизе. И вы лишний раз убедитесь, как хорошо быть смелым, мужественным, правдивым человеком. Как это подчас трудно, но как хорошо!

М. Коршунов

По дорогим местам

Много замечательных мест вокруг, куда влечет нас неутомимое желание увидеть новое, лучше узнать свою Родину.

Михайловское, Середниково, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна. Какие поэтические, незабываемые места!

Мы приглашаем вас в литературное путешествие по заповедным местам, где некогда жили и творили великие русские писатели.

В Детгизе выходит серия «По дорогим местам». О ней мы хотим рассказать сегодня.

20 ноября 1960 года исполнилось 50 лет со дня смерти Л. Н. Толстого — дата, которую широко отметила наша страна. Книга А. Поповкина «Ясная Поляна» знакомит нас со знаменитой усадьбой под Тулой, в которой прошла большая часть жизни великого писателя. Это рассказ о поездке школьников в усадьбу Толстого. Рассказ написан в форме дневника путешествия от Москвы до Ясной Поляны. Ребята узнают, что по этой дороге ездил и Толстой. Только ездил не по гладкому асфальту, а по мощенному булыжником «большаку».

«Ясная Поляна! Белые башенки въездных ворот! Сколько раз мы их рассматривали на фотографиях, картинах, но то, что увидели в действительности, ни с чем не может сравниться. Башенки совсем простые, но вместе с тем какие-то особенные».

С интересом следишь за тем, что открывается глазам путешественников за воротами усадьбы.

Все здесь напоминает о Льве Николаевиче. Мы входим в дом, видим его кабинет, библиотеку, «комнату под сводами», где он писал роман «Война и мир». Рассматриваем вещи, которыми он пользовался, книги, которые читал.

Усадьба Ясная Поляна.

На площадке лестницы, ведущей на второй этаж, стоят старинные часы, им около двухсот лет. Часы бьют, и их мелодичный звон напоминает далекое прошлое этого дома. Вся семья собиралась по вечерам за чайным столом в зале. Старшие разговаривают, читают вслух, играют на рояле, а дети слушают взрослых или затевают что-нибудь веселое, свое и с трепетом ждут, когда большие часы щелкнут, засипят и звонко и медленно пробьют десять...

В нашей памяти воскресают герои «Детства»: Николенька Иртеньев, учитель Карл Иванович, старая Наталья Саввишна.

В «комнате под сводами» мы видим портрет любимого брата Толстого, Николая, умершего в молодости. Мы слышим рассказ о «зеленой палочке», который придумал Николенька. Маленький Левушка слушал с жадностью этот рассказ и запомнил его на всю жизнь. Как только найдется «зеленая палочка», все люди будут счастливыми, все сделаются «муравейными братьями» и будут любить друг друга. Эта тайна была написана на «зеленой палочке», которая будто бы зарыта на краю оврага в Старом Заказе. Здесь братья Толстые играли и искали «зеленую палочку».

Вот мы у могилы Толстого — скромный холмик, окруженный липами, дубами и вязами. Толстой похоронен, по его завещанию, на том самом месте, где они с братом искали «зеленую палочку».

Перед нами другая книга — «**На родине Тургенева**» С. **Липеровской**. С первых же страниц переносишься в помещичью усадьбу на Орловщине, в те далекие дни, когда жил здесь Иван Сергеевич.

«Весна придет, и я полечу на родину, где жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места!» — писал Тургенев в 1856 году Аксакову.

Рассматривая иллюстрации, начинаешь понимать, за что так любил он свое родное Спасское. Ему дорого было здесь все: и красавица лиственница, что стоит при въезде в усадьбу, и «флигель изгнанника», где он провел год ссылки, и дуб, посаженный им, и старый парк с аллеями вековых лип, и березовая роща за усадьбой, и ключ «Малиновая вода», и многое другое...

Невольно вспоминаются картины природы из рассказов и романов Тургенева, все они навеяны поэзией родных орловских лесов и полей.

Вот этот дедовский парк с липовыми аллеями, где писатель бродил в тишине; здесь прохладно даже в знойный полдень, когда сквозь густую листву едва пробиваются солнечные лучи и ложатся светлыми пятнами на дорожки.

А с вечера начинают петь соловьи, их можно слушать до утра, наслаждаясь красотой и свежестью летней ночи под звездным небом Спасского. В воображении встают знакомые образы «Записок охотника»: Хорь и Калиныч, мальчики из «Бежина луга», охотник Ермолай, певцы-крестьяне.

Автору этой книги хорошо известны и дороги тургеневские места, потому он и рассказывает о них так живо и увлекательно. Мы узнаем много нового о жизни Тургенева в Спасском: автор привлек новые материалы из архива писателя — письма, воспоминания, помогающие раскрыть отношения писателя с крестьянами, круг его друзей и писательский труд. Ведь в Спасском Тургенев работал над романами «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети». Здесь написаны многие из стихотворений в прозе, в том числе прославленное стихотворение «Русский язык».

Со страниц этой взволнованной и любовно написанной книги встает перед нами не только эпоха и обстановка жизни Тургенева в его родной усадьбе: встает во весь рост и образ писателя, великого гуманиста, певца русской природы.

«**Четыре лета**» — книга из той же серии «По дорогим местам». Автор ее Т. **Иванова** рассказала о юности Лермонтова, о его пребывании в подмосковной усадьбе Середниково во время каникул четыре лета подряд. Было это в 1829—1832 годах, когда Лермонтов учился в Благородном пансионе, а затем в Московском университете. Мы узнаем прошлое усадьбы, принадлежавшей Столыпиным, у которых гостил Мишель вместе со своей бабушкой. Видим красивый дом, сохранившийся до наших дней, живописный парк, переходящий в лес. По широким каменным ступеням поэт сбегал к пруду, спускался под арку старинного моста, прислушивался к журчанию «студеного ключа». Может быть, о нем он написал строки:

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он...

В доме царит шум и оживление. Здесь много молодежи, играют на рояле, поют. Но вот приходит вечер — и над парком поднимается луна. С наступлением ночи огромный дом затихает, гаснут огни.

Лишь в одном из окон чуть колеблется желтоватое пламя. Горит свеча. У окна сидит юноша. Перед ним раскрытая тетрадь. Лермонтов пишет стихи. На странице быстро возникает строка за строкой. Внизу сделана приписка: «Середниково, ночью, у окна».

В одной из комнат музея на столе лежит тетрадь. Мы видим почерк поэта, его автограф, читаем стихи, навеянные природой Середникова.

Тем из вас, кому поэзия Лермонтова особенно близка и дорога, книга Т. Ивановой принесет новые знания о любимом поэте.

В. Кудряшова

СТОЛЕТНИЙ ДРУГ

Какой журнал старше всех! Не знаете! Тогда мы вам скажем. Друзей принято поздравлять с днем рождения, а этот журнал— друг всех любознательных. Он берет человека за руку и ведет его ВОКРУГ СВЕТА.

Начал журнал свою жизнь в 1861 году, и ему сейчас ровным счетом сто лет. Вы только подумайте! «Вокруг света» уже выходил в то время, когда Пржевальский исследовал Уссурийскую тайгу и пустыню Гоби, когда Миклухо-Маклай жил один среди папуасов, а отец космонавтики Циолковский был крохотным четырехлетним мальчуганом. «Вокруг света» рассказывал на своих страницах о многих замечательных путешественниках прошлого, когда их подвиги были еще свежей новостью.

Жюль Верн в то время еще только писал свои романы, а ваши прабабушки и прадедушки были школьниками и с нетерпением ждали очередного номера «Вокруг света», чтобы прочитать, что же случилось дальше с Гектором Сервадаком или с капитаном Гатеррасом.

Теперь журналу сто лет, но он совсем не старый! Вместе с советскими учеными он спускается в кратер проснувшегося вулкана, в нашей лунной ракете облетает вокруг Луны, разглядывает далекое прошлое в рисунках, высеченных на скалах. Он рассказывает о подвигах советских людей в Антарктиде и в сибирской тайге, на Ангаре и в Каракумах, о великих стройках коммунизма и о борьбе народов Африки и Азии за свою свободу.

А знаете, какой журнал моложе всех! Это новорожденный журнал «Исследователь». Ему пошел всего лишь третий месяц, и он выходит приложением к «Вокруг света». В нем будут печататься научно-фантастические и приключенческие романы, повести, рассказы и сообщения о невыдуманных событиях современной науки.

Вы видите здесь одну из дошедших до нас старинных обложек «Вокруг света» и праздничный, юбилейный наряд последнего номера.

Поздравим журнал с сотым «днем рождения» и пожелаем выходить еще тысячу лет!

Е. Рубцова

«КНИГА ЭТОГО МЕСЯЦА»

Вы слышали про такую книгу? И про хороший обычай немецких пионеров? Они объявляют какую-нибудь книгу «КНИГОЙ ЭТОГО МЕСЯЦА», и тогда все ребята отряда, школы или даже целого города стараются ее достать и прочитать. Книгу обсуждают, спорят о ее героях и об их поступках, рисуют к ней картинки. Проходит месяц, наступает черед другой интересной книги.

А как читаете вы? Не завести ли вам в отряде такой обычай?

ПОБЕДИЛА КОМАНДА СССР

Слыхали ли вы, друзья, что-либо о Рингмессехаузе?

Не приходилось?

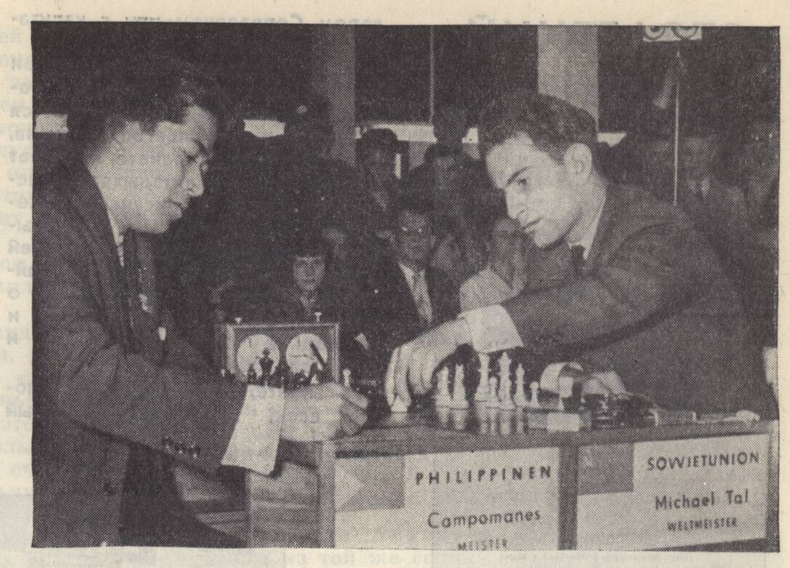
Ну, что же, ничего удивительного в этом нет. Далеко от нас, в одном из городов Германской Демократической Республики, Лейпциге, красуется этот громадный дом. А если перевести с немецкого на русский язык его название, то оно прозвучит так: Круглый выставочный дом.

Название это очень точное. Дом действительно круглый, а предназначен он для различных международных выставок.

В конце прошлого года в Лейпциг съехались лучшие шахматисты сорока стран Европы, Азии, Америки и Африки. Здесь, в Рингмессехаузе, проводилась XIV шахматная олимпиада.

Вы, конечно, знаете, чем закончилась упорная борьба лучших гроссмейстеров и мастеров. В пятый раз подряд почетное звание чемпиона мира завоевала команда СССР.

Второе место заняла команда США, третье — команда Югославии.

На фото вы видите чемпиона мира М. Таля за партией с филиппинцем И. Кампоманесом. Это был боевой поединок, и победу в нем одержал советский шахматист.

Вот как развивались события в этой партии.

Защита Каро-Канн
М. Таль — И. Кампоманес

1. e2—e4 c7—c6 2. d2—d4 d7—d5 3. Кb1—c3 Кg8—f6 4. e4—e5 Кf6—d7 5. e5—e6 f7 : e6 6. Сf1—d3 Кd7—f6 7. Кg1—f3 g7—g6 8. h2—h4 c6—c5 9. d4 : c5 Кb8—c6 10. Фd1—e2 Сf8—g7 11. Сc1—d2 Фd8—c7 12. 0—0—0 e6—e5 13. Сd2—g5 Сc8—e6 14. Кc3—b5 Фc7—b8 15. h4—h5 g6 : h5 16. Кf3—d4 Сe6—g4 17. f2—f3 e5—e4 18. f3 : g4 Кc6 : d4 19. Кb5 : d4 e4 : d3 20. Лd1 : d3 Кf6—e4 21. Кd4—f5 Фb8 e5 22. Кf5 : g7 + Фe5 : g7 23. Лd3 : d5. Кe4 : g5 24. Фe2— b5 + Крe8—f7 25. Лh1—f1 + Крf7—g6 26. Фb5—d3 + Крg6—h6 27. Лf1—h1

Черные сдались.

Разберите сами эту партию и найдите ошибки, которые привели черных к поражению.

ПРОЙДЕМСЯ ПО ЗАЛАМ РИНГМЕССЕХАУЗА

В залах Рингмессехауза была устроена и международная выставка «Шахматы на протяжении веков». Сюда прислали свои экспонаты многие национальные шахматные федерации, более ста пятидесяти музеев, картинных галерей, библиотек.

На выставке можно было увидеть старинные шахматы из драгоценных металлов, фарфора, слоновой кости, дерева. Пожелтевшие от времени рукописи рассказывали о том, как играли в шахматы почти тысячу лет назад. Картины, скульптуры, книги говорили, что люди любят шахматы, отдыхают за ними уже многие столетия.

«Шахматы — это гимнастика ума» — так писал великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гете.

«Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых», — говорил великий русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Слова этих гениев мировой культуры стали девизами международной шахматной выставки.

Давайте, ребята, пройдемся по залам Рингмессехауза.

Смотрите, сколько экскурсантов собралось у павильона «Шахматы в СССР»! Раздел этот показывает большой путь, пройденный нашей шахматной организацией. Ведь до Великого Октября в шахматных клубах России было всего около тысячи членов, а сейчас более двух миллионов человек имеют у нас спортивные разряды. Раньше в России было четыре мастера, а сейчас двадцать гроссмейстеров и двести мастеров.

Шахматы давно известны у нас в стране. На этой фотографии вы видите листок из букваря монаха московского Чудова монастыря К. Истомина (1696 год).

Фото 1.

Фото 2.

Говоря о букве «Ш», монах привел шахматную доску и стихи о шахматах. Это, конечно, не случайно: и в ту далекую пору в России были любители этой игры.

А вот шахматы, которые очень нравились всем посетителям выставки (фото 2). Они сделаны из слоновой кости народным умельцем Д. Шушкановым и хранятся в Институте народного искусства (Москва).

В старинной былине говорится о том, как Садко играл в шахматы с морским царем на дне озера Ильмень. На сюжет былины и сделаны эти замечательные шахматные фигуры.

Шахматы помогали людям и в очень трудной обстановке. Вот фигуры, сделанные узниками фашистского лагеря смерти Бухенвальда из обломков зубных щеток. Вы видите, какие маленькие эти шахматы (фото 3). Их надо было скрывать от фашистских палачей. Рядом с шахматами лежит обыкновенная спичка, она показывает размеры доски.

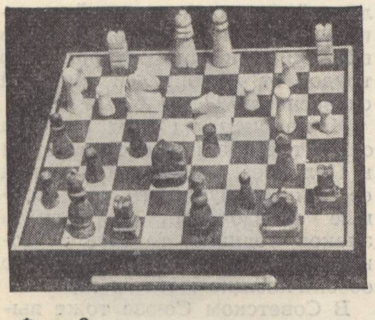

Фото 3.

Да, многое повидали эти шахматы. Фашисты старались растоптать человеческие души, вытравить все живое из своих узников, а люди боролись и побеждали. И сохранить человеческое достоинство, веру в будущее помогли им и эти маленькие фигурки.

Вот картина Антонио-Мора (1549 год) из музея немецкого города Гота (фото 4). Саксонский герцог играет в шахматы с испанским моряком.

Фото 4.

Как живые, смотрят на нас эти люди, «сражавшиеся» в шахматы более четырехсот лет назад.

А в старинной партии шахмат из Канады все необычно. И фигуры, и пешки, и даже то, что они случайно неверно расставлены на доске (фото 5). Внимательно присмотритесь к фотографии. Какие ошибки вы замечаете?

Посмотрите фото 6: как занятно играют в шахматы два медведя!

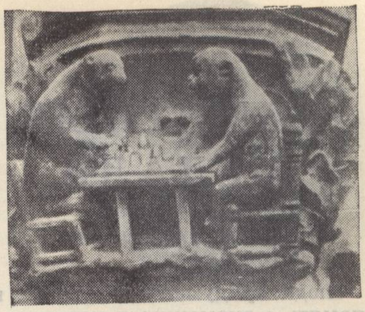

Фото 6.

Это барельеф, украшающий старинный дом в немецком городе Нюрнберге. Медведи на этом доме «играют в шахматы» уже с тринадцатого века.

Очень много интересного можно было увидеть на шахматной выставке в Рингмессехаузе. Выставка, прекрасно организованная нашими немецкими друзьями, помогла культурному сближению разных стран, помогла нам лучше понять и оценить старинную и вечно живую народную игру — шахматы.

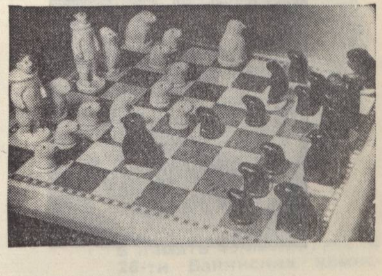

Фото 5.

Страничка коллекционера

ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ

А. ВАЙНШТЕЙН

Люди придумали это давно: в память о знаменитых исторических событиях стали выбивать памятные медали. Впервые появились они в Древнем Риме. Правда, это были еще не медали, ими чаще пользовались как монетами.

Позже, в XIV веке, в Италии памятные медали уже не применялись как деньги. Они стали художественными произведениями, и, чтобы изготовить их, приглашались знаменитые художники и граверы.

Искусство изготовления медалей распространяется во многие страны.

Появляются первые медали и в России. Это произошло в XVIII веке. Центром, где мастера-художники трудились над медалями, стал Петербургский монетный двор.

Больше всего медалей в России выпускалось в память о знаменитых сражениях и военных победах.

Вот описание наиболее интересных из этих медалей.

Медаль в память учреждения флота в России: на лицевой стороне ее изображен создатель флота Петр Первый, с лавровым венком на голове и трезубцем в руке; на обратной стороне — бог моря Нептун мчится по волнам на колеснице из морской раковины, запряженной двумя конями. На берегу женская фигура, олицетворяющая Россию, опираясь на руль, приветствует Нептуна; вдали видны корабли. На медали надпись:

В память взятия города Шлиссельбурга.

«Почитай исполненным, что повелеваешь» (цитата из римского поэта Овидия). И далее: «Начало Российского флота 1696 г.».

Медаль в память взятия города Шлиссельбурга: на лицевой стороне опять Петр Первый, а на обороте вид пылающей крепости. Надпись: «Был у неприятеля 90 лет, взят в 1702 г.».

В память о военных победах Петра Первого было выпущено еще несколько медалей.

Позже была выбита медаль в честь великого русского полководца А. С. Суворова: на лицевой ее стороне портрет генералиссимуса с львиной шкурой на плечах (что было символом отваги), а на обороте дубовый венок, труба и лавровая ветвь; там же четыре щита с надписями: «Измаил, Фокшаны, Кинбурн, Рымник» (это места, где Суворовым были одержаны славные победы).

В память Отечественной войны 1812 года в России было выбито двадцать медалей.

Из них интересна медаль в память Бородинской битвы, на

В память перехода русских войск через Балканы в 1829 году.

которой отчеканен вооруженный воин, который, прикрыв грудь щитом, отбивается от двух противников, а третий, уже пораженный, лежит на земле.

Память о переходе русских войск через Балканы в 1829 году увековечена медалью, на которой изображен воин, шагающий по горным вершинам.

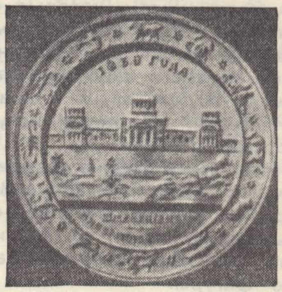
Была выпущена медаль в память 500-летия Куликовской битвы: на лицевой стороне — поясное профильное изображение Дмитрия Донского в кольчуге и шлеме. На обороте — памятник, воздвигнутый на поле Куликовской битвы.

Во время русско-японской войны 1904 — 1905 годов была выпущена медаль в честь подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», погибших в японской гавани Чемульпо.

Чеканились медали и в честь деятелей науки и искусства.

Так, к 100-летию со дня смерти Ломоносова была выбита медаль с его портретом.

Были выпущены медали в честь поэта В. А. Жуковского, композитора А. Рубинштейна,

К открытию Главной обсерватории в Пулкове.

мореплавателя П. Крузенштерна.

Отмечено медалью и пятидесятилетие литературной деятельности баснописца И. А. Крылова: на лицевой стороне профиль поэта, на обороте, внутри венка и перевязанных внизу лентой лавровых ветвей, надпись: «1838 г. И. А. Крылову в воспоминание литературных его трудов от любителей русской словесности».

И, наконец, на медали «На открытие Главной обсерватории в Пулкове» показан общий вид ее, а по окружности разделенные звездочками двенадцать знаков Зодиака, то есть астрономические знаки, условно обозначающие месяцы года.

В Советском Союзе тоже выпущено немало памятных медалей. Первая советская памятная медаль была отчеканена в 1919 году ко второй годовщи-

В ознаменование 100-летия со дня рождения И. В. Мичурина.

В честь М. Ю. Лермонтова.

В память обороны Севастополя в 1854—1855 годах.

не Великой Октябрьской социалистической революции; на лицевой стороне ее изображены портреты К. Маркса и В. И. Ленина, а на оборотной — рабочий с молотом на фоне фабричных зданий и полей. Вокруг начертан призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Дважды — в 1937 и в 1949 годах — выпускались юбилейные медали в честь великого русского поэта А. С. Пушкина.

В последние годы советское медальерное искусство достигло особенного расцвета: памятных медалей выпускается все больше и больше. Появилась в медалях целая галерея портретов деятелей науки, литературы, искусства: тут ученые Тимирязев и Мичурин; писатели Лев Толстой, Лермонтов, Маяковский; композиторы Глинка и Чайковский.

Советские памятные медали отражают также много важнейших исторических событий. Расскажем о наиболее интересных юбилейных медалях. Вот медаль в память героической обороны Севастополя 1854—1855 годов. На лицевой стороне ее изображен руководитель обороны адмирал Нахимов в сопровождении двух солдат, а на оборотной — колонна — памятник кораблям, затопленным во время Крымской войны.

Хороша медаль, выпущенная к столетию со дня смерти польского поэта Адама Мицкевича. На лицевой стороне медали голова поэта, на оборотной — стихи Пушкина о нем:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Заслуживает внимания медаль, выпущенная к столетию Третьяковской картинной галереи в Москве: на лицевой стороне ее изображено здание галереи, а на оборотной — портреты создателя галереи П. М. Третьякова, крупнейшего критика-искусствоведа В. В. Стасова и знаменитых русских художников И. Н. Крамского, И. Е. Репина и В. И. Сурикова.

Были отчеканены медали в ознаменование сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. На одной из них изображен В. И. Ленин на фоне знамени, указывающий путь вооруженному народу. На обороте медали барельеф: фигуры рабочего и работницы, устремленные вперед к грядущим победам.

К сорокалетию Ленинского Комсомола была выпущена медаль, на лицевой стороне которой знамя с портретом Ленина и надпись: «40 лет ВЛКСМ», внизу лавровая ветвь — символ славы. На обороте юноша и девушка, смотрящие в даль, где виднеются заводы. Надпись: «Вперед нас партия ведет!». Внизу даты: «1918—1958».

Глубокое впечатление производит медаль, выпущенная в память сорокалетия гибели двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных белогвардейцами.

На лицевой стороне медали изображена группа комиссаров в момент их расстрела. На обороте скорбящая женщина, возлагающая венок. Вокруг надпись: «Вечная слава 26-ти Бакинским комиссарам».

Памятных медалей выпущено очень много, и каждая из них рассказывает о какой-нибудь значительной исторической дате, большом событии в жизни народа. Подробнее с такими медалями можно ознакомиться в наших музеях. Есть они и в собраниях коллекционеров.

К 100-летию Третьяковской картинной галереи.

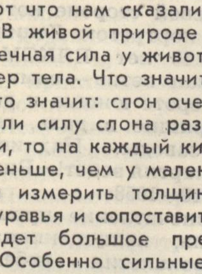

К сорокалетию Ленинского Комсомола.

В память 40-летия гибели 26-ти Бакинских комиссаров.

Почему и Отчего

Муравей-богатырь

Прошу объяснить, почему муравей поднимает груз тяжелее себя, а человек не может?

Виктор Семенов,
с. Котуркуль, Целинный край.

С твоим вопросом, Виктор, мы обратились в Зоологический музей при Московском университете. Вот что нам сказали научные сотрудники музея.

В живой природе есть закон: относительная мышечная сила у животных тем выше, чем меньше размер тела. Что значит относительная сила животного? Это значит: слон очень большой и очень сильный, но если силу слона разделить на вес его огромной туши, то на каждый килограмм ее придется силы куда меньше, чем у маленькой собачки. Точно так же, если измерить толщину всех мышц у человека и у муравья и сопоставить с весом их тела, то у муравья будет большое превосходство перед человеком.

Особенно сильные у муравьев жвалы — верхние челюсти. У муравьев две пары челюстей, нижняя и верхняя. Для еды приспособлена нижняя челюсть. Верхняя же — жвалы — служит муравью как оружие и как инструмент для работы. Жвалы так сильны и остры, что одним взмахом их муравей отхватывает голову врагу. С помощью жвал муравей роет землю, хватает и перетаскивает тяжести, разрывает на части пищу: разных насекомых, личинок, растения.

В то же время жвалами муравей может выполнять самые нежные и деликатные работы: счищать пылинки с куколок, кормить личинок.

Но не думай, что все муравьи такие сильные. Среди многочисленных видов муравьев есть один вид — амазонки. В своем муравейнике амазонки — хозяева, но они совсем бессильны. Вся работа в муравейнике делается муравьями-рабами. Амазонки же сами даже есть не могут, их кормят рабы. И ходить они не могут. Рабы-муравьи подхватывают их на свои спины и возят, куда амазонкам требуется.

К. Кочетков

«Искусственная корова»

Можно ли сделать такую машину, которая перерабатывала бы траву так, как это делает корова, и получать молоко без коровы? Может, мой вопрос глупый, но мне хочется знать.

Люда Тищенко,
с. Ряженое, Ростовской области.

Твой вопрос, Люда, совсем не глупый, но очень сложный. Пока что люди еще не в состоянии сами делать молоко, без коровы, да еще из травы. Пока что это умеют делать только животные.

Правда, человек уже научился получать искусственным путем целый ряд веществ, которые образуются только в растительных и животных организмах. Например, созданы искусственный каучук, искусственные жиры. Но даже сложные молекулы жиров и каучука гораздо проще устроены, чем самая простая из белковых молекул. А в состав молока входят и белки.

Искусственный белок еще пока не сделан, но несомненно он будет сделан учеными. Они очень стараются получить его. Потому что искусственно полученный белок многое расскажет о том, как образовались первые живые существа на Земле.

Е. Данилевич

Чем дышать

Меня интересует, чем будут дышать люди на Луне?

Борис Фролов,
г. Омск.

Ты, Борис, видно, знаешь, что на Луне человеку нечем дышать, потому и спрашиваешь.

Первые космические путешественники, наверно, будут дышать кислородом, который они захватят с собой с Земли.

А потом, если ученым понадобится остаться там подольше, найдут способы добывать его на месте. Может быть, химическим путем будут выделять из каких-нибудь лунных минералов, а может быть, добывать с помощью растений, таких, например, как микроскопическая водоросль хлорелла, а может быть, станут восстанавливать кислород из углекислого газа, который образуется при дыхании людей.

К. Юрьев

ТРИ ВОРОБЬЯ

С дерева один за другим взлетели три воробья. В какой момент они будут находиться в одной плоскости?

Прислал Р. Раевский.

ДВА ИМЕНИ В ОДНОМ

«В моем имени,— рассказывала девочка,— слились имена моих родителей...»

Этой краткой справки вполне достаточно, чтобы назвать имена отца, матери и их дочери.

Прислал А. Левшин.

ВЕСЕЛЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Что из того, что автомобиль нарисован игрушечный и едут на нем куклы? Головоломка, изображенная на колесах этой удивительной автомашины, предназначена отнюдь не для октябрят. Есть все основания предполагать, что она заставит призадуматься многих наших читателей.

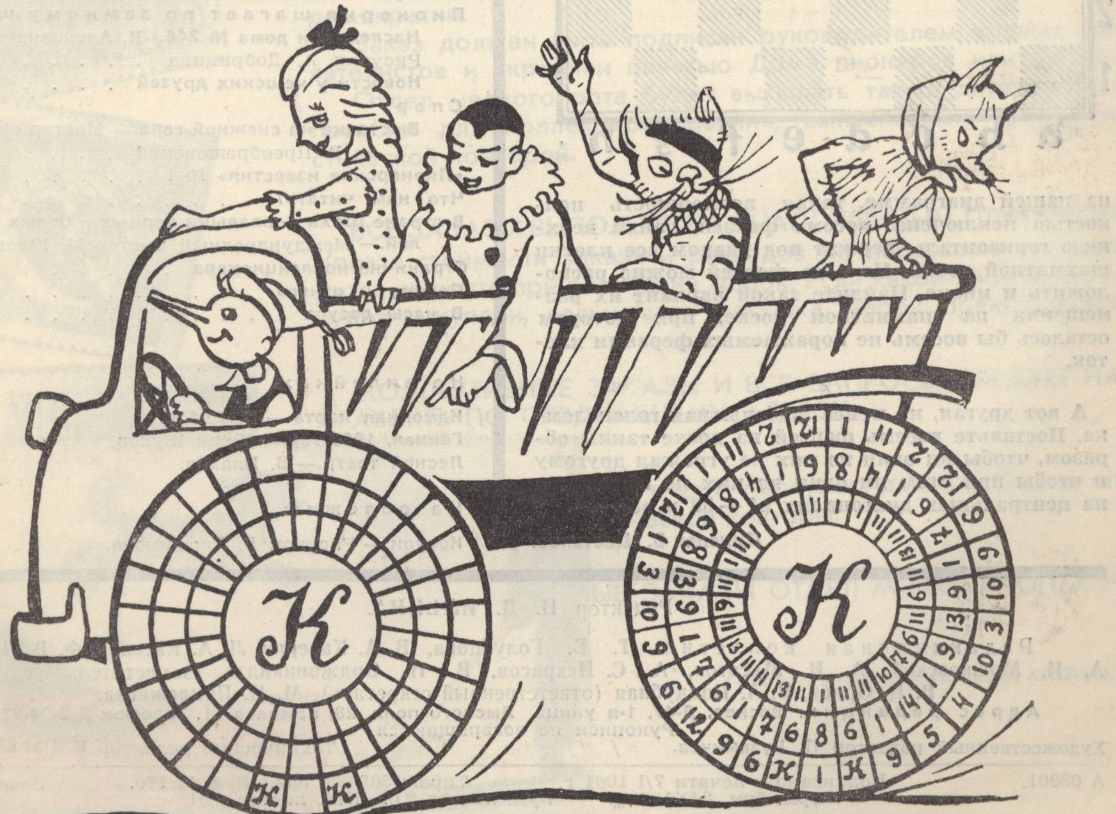
В пустые клетки переднего колеса требуется вписать буквы так, чтобы получилось 28 четырехбуквенных слов. Каждое из них должно начинаться с буквы «К», стоящей в центре колеса. Слова, таким образом, будут читаться от центра к окружности. Не забывайте при этом, что все слова должны быть именами существительными единственного числа; два из них — географические названия.

А теперь займемся задним колесом автомобиля. В него уже вписаны все слова, которые вам предстоит найти. Правда, буквы в этой записи заменены числами. Каждой букве соответствует определенное число.

Присмотритесь повнимательней к числовому шифру. Нетрудно заметить, что некоторые слова одинаковы и повторяются по нескольку раз. Опять-таки это упрощает дело: выходит, что искать вам придется не 28, а значительно меньшее количество слов. Из них одно слово, повторяемое дважды, и начинается и оканчивается буквой «К», а это уже почти подсказка, потому что таких слов совсем мало в русском языке.

Остается последнее задание. Когда все слова будут правильно найдены и вписаны на свои места, то по буквам, которые окажутся на окружности переднего колеса, вы сможете прочитать текст белорусской народной загадки. Отгадайте ее, она имеет прямое отношение к тому, что нарисовано на нашей картинке.

Составил М. Белых.

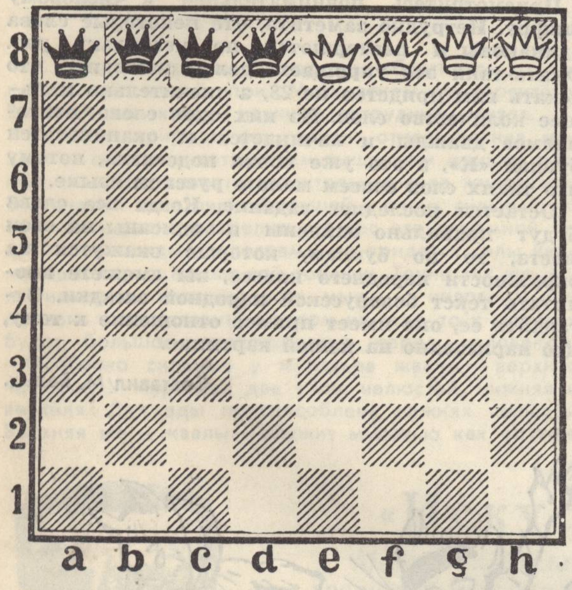
ВОСЕМЬ ФЕРЗЕЙ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

Ферзь — самая подвижная из всех шахматных фигур и на свободной доске беспрепятственно может двигаться в любом направлении по горизонталям, вертикалям и диагоналям.

Ну, а если на шахматной доске, свободной от других фигур, окажется вдруг не один, а восемь ферзей, можно ли представить себе, что останется хоть одно черное или белое поле, которое было бы недоступно для этих грозных фигур?

1

Попытайтесь сами ответить на этот вопрос. Само собой разумеется, в положении, которое дано

на нашей диаграмме, такая возможность полностью исключена: восемь ферзей, заняв верхнюю горизонталь, держат под ударом все клетки шахматной доски. Но ведь ферзей можно расположить и иначе. Найдите такой вариант их размещения на шахматной доске, при котором осталось бы восемь не поражаемых ферзями клеток.

2

А вот другая, не менее любопытная головоломка. Поставьте восемь ферзей на доске таким образом, чтобы ни один из них не угрожал другому и чтобы при этом ни один из них не находился на центральных диагоналях a1 — h8 и a8 — h1.

Прислал В. Шестаков.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 03801. Подписано к печати 7/I 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 179. Заказ 3244.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Вниманию кружков юных филателистов!

Если вы хотите коллективно получать все новинки почтовых марок СССР (чистые и гашеные), а также гашеные марки стран народной демократии, вы можете направить свой постоянный заказ на 1961 год Отделу мелкого опта Главной филателистической конторы.

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ ТОЛЬКО КОЛЛЕКТИВНЫЕ — от кружков юных филателистов при Домах пионеров, школах и других детских учреждениях, насчитывающих не менее шести коллекционеров.

В ЗАКАЗЕ НЕОБХОДИМО УКАЗАТЬ:

а) наименование кружка и полный почтовый адрес получателя;

б) количество заказываемых серий, отдельно чистых и гашеных марок СССР, а также гашеных марок стран народной демократии.

Заказ должен быть подписан руководителем кружка филателистов и скреплен печатью Дома пионеров или школы.

Отдел мелкого опта будет высылать также литературу и пособия для коллекционирования, выпускаемые филателистической конторой.

ВСЕ ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ. Уплата стоимости заказа и расходов по пересылке производится на почте при получении марок. Если какой-либо заказ не будет выкуплен, дальнейшая посылка марок прекращается.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЗАКАЗЫ И ВСЕ ЗАПРОСЫ СЛЕДУЕТ НАПРАВЛЯТЬ ПО СЛЕДУЮЩЕМУ АДРЕСУ:

Москва, Ж-44, 1-й Крутицкий переулок, дом 4-а, Отделу опта Главной филателистической конторы.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ ОТДЕЛ МЕЛКОГО ОПТА НЕ ВЫПОЛНЯЕТ.

Главная филателистическая контора.

Цена 25 коп.

Вот три рисунка. На всех трех — птицы. Но это рисунки не простые. Это — победители. Московский зоопарк объявил конкурс среди ребят Московской области: кто лучше знает птиц нашей страны, их повадки, их внешний вид?

И вот стали приходить рисунки. Да не только от ребят, живущих в Москве и Подмосковье, а совсем из разных концов страны. Ребята сами превратили конкурс во всесоюзный.

Почта приносила в зоопарк птиц, нарисованных акварелью и нарисованных тушью, птиц вылепленных из пластилина, снятых фотоаппаратом и даже выжженных по дереву. Около тысячи работ пришло на конкурс. И эти работы показали, как любят ребята родную природу.

Долговязые фламинго на верхнем рисунке — работа московского школьника, восьмиклассника Игоря Антонова. Сорока — рисунок другого москвича, семиклассника Игоря Александрова, а дрозденка нарисовала Лида Носова, шестиклассница из села Поречье, Московской области. Весну и лето целыми днями Лида пропадала в лесу и в поле, наблюдая тех, с кого хотела сделать «портреты». Ей даже удалось разглядеть и зарисовать, как выглядит коростель-дергач, которого почти никто на свете не видел, так осторожна эта птица.

